АРХИВ
ИСТОРИИ ТРУДА В РОССИИ,

ВЫПУСКАЕМЫЙ

Ученой Комиссией по исследованию истории труда в России

КНИГА ПЯТАЯ.

ПЕТРОГРАД — 1922.
Издание Культурно-просветительного Отдела Петрогр. Губернского Совета Профессиональных Союзов.

СОДЕРЖАНИЕ ПЯТОЙ КНИГИ

„Архива истории труда в России".

Часть первая.

Часть вторая.

АРХИВ
ИСТОРИИ ТРУДА В РОССИИ,

ВЫПУСКАЕМЫЙ

Ученой Комиссией по исследованию истории труда в России

под редакцией ЮЛИЯ ГЕССЕНА.

КНИГА ПЯТАЯ.

ПЕТРОГРАД — 1922.

Издание Культурно-просветительного Отдела Петрогр. Губернского Совета Профессиональных Союзов.

Побеги помещичьих крестьян в Николаевскую эпоху.

В последние десятилетия перед падением крепостного права экономическое положение помещичьих крестьян значительно ухудшилось. Крестьянские наделы постепенно уменьшались вследствие увеличения помещичьих запашек в барщинных имениях. На ряду с этим шло увеличение повинностей в пользу помещика. В барщинных имениях положение крестьян ухудшилось не только вследствие абсолютного увеличения труда на помещиков, но и вследствие усиления его напряженности, обусловленной распространившейся во многих хозяйствах системой работ по определенным урокам. Несомненно регрессивным явлением было и чрезмерное увеличение дворни, об'яснявшееся нежеланием помещиков увеличивать число крестьянских запашек и их опасениями возможности в будущем освобождения крестьян с землей [1]. Все эти причины, на ряду с ожиданием свободы, не покидавшим крестьян во всю Николаевскую эпоху, делали подчас гнет крепостного права нестерпимым и вызывали протесты со стороны крестьян. Одной из форм протеста в ту пору были побеги из помещичьих имений.

Крестьяне бежали преимущественно на незаселенные окраины России: на Урал, на Кавказ, в Новороссийский край и Бессарабию, а также заграницу. Уход во внутренние губернии не сулил заманчивых перспектив, так как вел или к новому закрепощению или к бездомному бродяжничеству. Окраины, напротив, рисовались воображению крепостных, как обетованный свободный край. Такому представлению немало способствовало само правительство, заинтересованное в колонизации окраин, и издававшее указы о свободной приписке случайно зашедших туда людей разных сословий, в том числе и бродяг, непомнящих родства. Такие указы, менее всего имевшие в виду помещичьих крестьян, оказывали на последних наибольшее влияние. Какой-нибудь уголок земли, в действительности пустынный и бесплодный, окружался ореолом легенды и, как в сказке, люди толпами устремлялись к нему. Они оставляли свои семьи, распродавали за бесценок имущество и, готовые к сопротивлению, шли в обетованную землю. В большинстве случаев, если и удавалось добраться до нее, условия жизни там оказывались очень тяжкими. В лучшем случае это было водворение в мало заселенном месте, находящемся в первобытных условиях и окруженном военными опасностями. В худшем—это был острог, скитание по чужим землям, наконец возвращение к помещику, телесное наказание и ссылка на поселение. Несмотря на такие безрадостные перспективы, тяга на окраины не прерывалась в течение всей Николаевской эпохи, вплоть до самой реформы, то ослабевая, то разгораясь. Местами исхода были губернии, прилегающие непосредственно к окраинам, и редко отдаленные внутренние губернии. Разоряя помещиков и причиняя правительству много хлопот и беспокойств, побеги способствовали в то же время осуществлению положительной государственной задачи—колонизации окраин. И можно смело сказать, что колонизация окраин в большой степени обязана именно этому пришлому, беглому элементу, который вынес на своих плечах первые, самые тяжелые ее шаги, заплатив этой дорогой ценой за свою свободу.

Настоящая статья заключает в себе данные о побегах в 30-х годах 19 века на Кавказскую линию, за Кубань в крепость Анапу и в Бессарабию.

---

[1]) Семевский. „Крестьянский вопрос в России во 2-й половине 18-го и в 1-й половине 19-го века“. Сборник „Крестьянский строй“, стр. 288.

I.

Побеги на Кавказскую линию.

Массовые побеги помещичьих крестьян на Кавказскую линию [1]) происходили главным образом из Саратовской губернии. Очагом заразы было имение Нарышкина, находившееся в заведывании высочайше утвержденного попечительства [2]). Саратовские вотчины Нарышкина были расположены в двух уездах—Камышинском и Балашовском и заключали в себе более 5.000 крестьян мужского пола. С июля по ноябрь 1830 г. бежало 83 человека, в январе 1831 г.—11, в мае 1831 г.—26, в мае 1832 г.—114 (50 семейств), и в июне 1832 г.—72 (11 семейств); всего мужских душ—242, женских—63. Тогда же, происходили массовые побеги из имений, расположенных в Области Войска Донского. Особенно значителен был уход из имения графа Орлова-Денисова, из слободы Ореховки, откуда бежало сначала 239 душ, потом—93, а затем—в июле 1832 г.—еще 150 душ, в общей сложности более 500 душ. У войскового старшины Каменнова из поселка Ламовского бежали *все* крестьяне (количество неизвестно). От помещиков Мелиховых бежало около 70 человек. Всего из двух округов—Хоперского и Усть-Медведицкого, из которых происходили особенно значительные побеги, за 1832 год бежало 1070 душ.

Такие побеги не могли, конечно, не вызвать крайнего беспокойства, как среди помещиков, так и у власти, стоявшей на страже помещичьих интересов. Помещики не переставали жаловаться на раззорение и требовать принятия самых решительных мер к предотвращению побегов и к поимке бежавших. Правительство, в ответ на эти жалобы, посылало на места целые горы отношений, в ответ на которые лились потоки рапортов и донесений. Почти во всех этих рапортах и донесениях дается одно и то же об'яснение: злонамеренные люди распускают ложные слухи о свободной приписке и вводят в заблуждение легковерных крестьян. И только местами выбивается живая струя—видно желание об'яснить побеги не исключительно внешними причинами, но заглянуть в условия крестьянского быта. Так, наказный атаман Войска Донского сообщает, что он потребовал от местного сыскного начальства донесения, "по каким причинам таковые побеги происходят, ибо мыслил, не от утеснений ли помещичьих делают они побеги". Князь Трубецкой, получивший специальное поручение исследовать в Области Войска Донского, приняты ли надлежащие меры к прекращению побегов, обратил внимание на условия жизни в поместьях, принадлежавших казакам: "как помещики должны быть обеспечены со стороны слепого повиновения крестьян своих, так и сии последние должны быть защищены от притеснений своих помещиков, а более управителей их, каковые по большей части, будучи люди необразованные, пользуясь отсутствием на службе полевой своих доверителей, часто принуждают жестоким обращением своим вверенных им крестьян искать спасения в побеге".

Особняком стоит серьезное обследование, произведенное Балашовским Земским Судом в имении Нарышкина после первого незначительного побега в 1831 году.

[1]) Под „Кавказской линией" подразумевалась кордонная линия по рекам Кубани, Малке и Тереку, основанием для которой послужили русские поселения, издавна возникшие на Тереке и Кубани. Целью образования Кавказской линии было обеспечение сообщений с Закавказьем, охранение южных губерний от набегов горцев и содержание в повиновении покоренного края. Все население линии состояло из казачьих войск, так наз. кавказских линейных казаков, их семей и работников. Энциклоп. сл. Брокгауза и Ефрона „Кавк. линия".

[2]) Архив министерства внутр. дел, департ. полиции исполн. 1832 г., дело № 956. „По отношению попечительства, высоч. утвержд. над имением обер-егермейстера Нарышкина, о побегах крестьян из имений, состоящих в Саратовской губернии, на Кавказскую линию".

Пойманные три человека показали, что причиною их поступка была несоразмерность оброка и тяжесть господских работ. Это подтверждено было показанием атамана, десятского и других крестьян. В виду последовавшего затем донесения о новых побегах, суд счел нужным отправиться на место происшествия целым присутствием. Собрано было 40 крестьян, которые единогласно показали следующее. В слободе Ворониной, из которой произошли главные побеги, числилось по последней ревизии 315 душ; из них в течение ревизии умерло и сдано в рекруты 81. Несмотря на это, оброк жители платили и продолжают платить по старому со всех душ как наличных, так и убылых. Размер оброка до 1828 года был 40 рублей с души, а позже— 60 рублей ассигнациями; из этой суммы уплачиваются уже и государственные подати, но "рекрутскую повинность отправляют обществом, равно и за пустовые души оброчная сумма полагается на наличные деньги и уплачивается обществом же. Земли у них во владении состоит на каждую душу по $10^1/_2$ десятин, сенокосной же и луговой ничего не имеется, так что они нанимают, и сено для продовольствия скота косят у соседних владельцев. Сверх того, в 1813 году отбиралась у них в господский доход самая лучшая шестая часть хлеба, скота, птиц и валовых фур с тем, что ежели которые хозяева не желали отдавать фуры, то за каждую брали деньгами по 25 рублей, т. е., оставляя пять скотин молодых, самую хорошую скотину брали в господскую экономию. К тому же после того вскоре два лета был скотский падеж, потом в 1829 году производилась господская запашка и сеяно было 100 десятин пшеницы, которая обрабатывалась обществом, а в 1830 г. было посеяно таковой же 400 десятин, которая по неурожаю обращена была в общественную их экономию. По сим обстоятельствам относительно платимого тяжелого оброка и по неурожайным в хлебе годам, крестьяне во многом количестве, распродавши скот и другие хозяйственные достояния, пришли в сущую бедность, так что пропитывать свои семейства не находят возможности и, хотя посланные от общества старики просили с из'яснением крайнего положения своего помянутое Попечительство над имением помещика Нарышкина об уменьшении оброка, но просьба их не уважена, и положенный оброк взыскивается с них вотчинною конторою неослабно с наказанием по последнему окладу, т. е. по 60 рублей ассигнациями. Посему крестьяне, доведенные в течение нынешнего лета до совершенного уже разорения, оставя свои дома, даже престарелых родителей, жен и малолетних детей, из жительства своего бежали и пробираются, как носятся народные слухи, по простомыслию своему на линию в какие то новопоселяемые казачьи слободы". И в конечном выводе, доводя о результатах исследования до сведения министра внутренних дел, управляющий Саратовской губернией заключает, что "причиною побегов со стороны крестьян сих есть непомерное отягощение их господским оброком и налогами".

Помещики, разумеется, не склонны были признать справедливость взводимых на них обвинений. Надо было опровергнуть разоблачения Балашовского Земского Суда. Поэтому, Попечительство над имением Нарышкина немедленно сообщило министерству внутренних дел, что Земский Суд исследование свое основывает "на одних показаниях тех же крестьян, из среды которых бежало их множество. Вместо пресечения таковового зла, Суд дозволил себе, миновав слабость сельского начальства в надзоре за вотчинным благоустройством, исказить причину побега в мнимом отягощении крестьян налогами". Пытаясь опровергнуть результаты расследования, Попечительство приводит ряд возражений. Однако, и после этих возражений, картина тяжелого экономического положения крестьян остается в полной силе. По вопросу об одновременном отбывании барщины и взыскании оброка, Попечительство дало следующее об'яснение: "Дмитрий Львович Нарышкин, по неплатежу некоторыми крестьянами слободы Ворониной положенного на них оброка по 60 р. с души, учредил господское хлебопашество, которого и было уже обработано 400 десятин пшеницы. Следовательно, крестьяне показали, а Земский Суд уважил то несправедливо, что будто они барщину производили и оброк платили, ибо на хлебопашество употреблялись одни только неплательщики оброка, который с них за то время и не взыскивался". Однако, и это утверждение Попечительства опровергается

дальнейшими его об'яснениями. Возражая против обвинения крестьян в равнодушии к их нуждам, оно устанавливает, что представители слободы Ворониной действительно являлись в феврале 1831 г. в Попечительство с просьбой об уменьшении платимого ими оброка по случаю падежа рогатого скота. После долгих об'яснений "они однакож обязались, по изобилию у них земли, платить оброк исправно, лишь бы уничтожено было заведенное хлебопашество и отдана бы им была собранная с оного пшеница. Попечительство, зная, что малороссияне, из которых состоит вся слобода Воронина, не столь сродны к барщине, как крестьяне великороссийские, согласилось на их просьбу, уничтожило хлебопашество, велело отдать им собранную с оного барскую пшеницу и рассрочило на год недоимочный оброк. Таким образом, все распоряжено согласно с собственным их желанием, но Земский Суд, ограничив себя одними показаниями крестьян, упустил все то из собственного своего вида и вида губернского начальства. А крестьяне и оброка не заплатили и во множестве разбежались, не исполняя ни мало своей обязанности".

Какой вывод можно сделать из этих об'яснений? Только один: что крестьяне слободы Ворониной до февраля 1831 г. должны были одновременно платить высокий оброк и обрабатывать помещичью землю, а крестьяне других слобод, заселенных великороссами, продолжали и после этого тянуть двойное тягло. Но они, повидимому, были более безропотны, чем малороссы, что дает основание как Попечительству, так и предводителю дворянства, которому поручено было произвести новое дознание об истинных причинах побегов, усмотреть их именно в этих национальных отличиях. Попечительство утверждает, что "малороссияне любят бродяжничать, и единственное мечтание о воле рождает побеги дурных людей, не терпящих ни работы, ни оброка, хорошие же живут пока смирно". А предводитель дворянства заключил, что "хотя оброк, платимый с душ, и значителен, но на отягощение оным нет никаких жалоб от великороссийских, также помещичьих крестьян, живущих в слободе Карсавке, особенно ежели принять во внимание пространство и удобность владеемых земель. Побуждение же малороссиян к побегам заключается в их любопраздности, легковерности и наследственной склонности переходить с одного места на другое".

Естественно, что Попечительство старается отвлечь внимание правительства от внутренних причин побегов и даже не стесняется заявить, что "ежели Земский Суд будет всегда искать причин побегов в самой вотчине, то не только никогда не пресечет оных, но не найдет и следов сего развращения". Вообще поведение местных уездных властей, повидимому, действительно из ряда вон выходящее, вызывает крайнее возмущение Попечительства: "Балашовский земский исправник, производя распросы крестьян об их повинностях и принимая якобы на неумеренность оных письменные отзывы или жалобы, таковым противозаконным своим движением, вместо пресечения побегов, усилил во мнении их предлоги к оным и уронил уважение к самым распоряжениям земского начальства до той меры, что в собственное его присутствие или в самое время производимого им расспроса о причинах побега, бежало 6 душ обоего пола, которые не только не пойманы, но не открыто и следов побега". И отсюда вывод: "крестьяне побуждаются к побегам не налогами, как угодно выводить Земскому Суду, а стороннею неблагонамеренностью и поощрением к вольности" и подкрепление этого вывода ссылкой на мнение властей: "и так, самим губернским и уездным начальством отвергнута мнимая, но на долгое время совершенно расстроившая Воронину Слободу причина, находимая Балашовским земским исправником и г. вице-губернатором Муромцевым в отягощении крестьян оброком и другими какими то налогами, им самим неизвестными". Значит, причину побегов надо искать не внутри поместья, а вне его, главным образом, на Кавказской линии, где производится приписка людей разного звания в казаки, а также среди беглецов, уже успевших там побывать и возвращающихся обратно с целью увлечь за собой свои семьи и односельчан. На борьбу с этими явлениями и должно быть устремлено все внимание правительства.

Правительство, действительно, сосредоточило свое внимание на этой стороне дела, и не без основания. Сколь печальна ни была доля крестьян, они, вероятно,

продолжали бы нести ярмо, если бы не внезапный луч надежды, который врывался в их мрачное существование и делал его продолжение психологически невозможным. Светлым миражем выплывали картины свободной, вольной жизни, и контраст между возможностью и действительностью был невыносимо резок. Быть может терминология оффициальной переписки, пестрящей словами "легкомыслие" и "легковерие", была даже удачной. Крестьяне легко верили всякому слуху о возможной свободе. И велика была эта вера, если они—крестьяне, землепашцы, по природе своей оседлый элемент,—бросали свои насиженные гнезда, семьи и имущество, чтобы ринуться в неизвестность. Не "наследственной же склонностью переходить с места на место" надо об'яснить это явление. "Злонамеренные слухи" несомненно являлись тем толчком, который разряжал назревшую готовность крестьян сбросить с себя гнет помещичьей власти. Именно эти "слухи" придавали побегам массовый характер, создавая психическую заразу, которая охватывала целые уезды и губернии.

Каковы же были основания для распространения слухов о свободной приписке на Кавказской линии? Высочайше утвержденное мнение государственного совета от 12 февраля (12 марта) 1829 г. [1]) сыграло в данном отношении преобладающую роль. Согласно этому постановлению, все бродяги, здоровые и способные к работе, не старше 35 лет, из Кавказской области, губерний Малороссийских и Новороссийских, а также из губерний Воронежской, Тамбовской, Астраханской, Саратовской, Слободско-Украинской и Курской должны были отсылаться на Кавказскую линию для отдачи в работники к казакам. Мотивировалось это, с одной стороны, интересами линейных казаков, с другой, стремлением к прекращению бродяжничества. "Людей, зашедших по ныне в Кавказскую область без узаконенных видов и остающихся в оной от 2-х до 12-ти лет и более, способных к казачьей службе", приказано было причислить навсегда, с имеющимися при них семействами, в казачье сословие линейных полков, прочих же, записав в казенное ведомство, обложить податями. Причисление должно было делаться без раздробления семейств. Утверждая приведенное мнение госуд. совета, Николай I дополнил его существенным постановлением: "Когда отдаваемые линейным казакам в работники бродяги, по истечении трех лет, окажутся в поведении добропорядочными и местное начальство, по засвидетельствованию станичных старшин и 12-ти человек почетных казаков, удостоверится в том, что они могут быть употреблены на пользу линейной службы, то таковых водворять и причислять к сословию казаков".

Таким образом, закон 12 февраля 1829 г. открывал широко двери всем, кто называл себя непомнящим родства. На ряду с ним существовало еще одно постановление, которое ложно истолковывалось помещичьими крестьянами, и которое действительно к ним нисколько не относилось. Это было высочайше утвержденное 1-го октября 1829 г. положение комитета министров [2]), разрешавшее начальнику Кавказской области принимать как тамошних, так и других губерний однодворцев и к а з е н н ы х крестьян, по желанию их, в кавказские линейные казаки без представления ими увольнительных свидетельств от мирских обществ, по одним плакатным паспортом. В 1831 г. [3]) было раз'яснено, что еще только в течение одного года мог производиться прием в казаки на указанных основаниях; в дальнейшем нужно было уже иметь увольнительное свидетельство от общества. Свободная приписка в казаки казенных крестьян и однодворцев существовала, следовательно, всего около трех лет, и тем не менее она породила немало иллюзий в среде помещичьих крестьян.

Однако, основным источником слухов был, как сказано выше, закон 12 февраля 1829 г., последствия которого привели в смущение как центральную, так и местную власть. Кавказский областной начальник докладывал министру внутренних дел в августе 1832 г.: "С изданием закона 12 февраля 1829 г., не одна тысяча людей

---

[1]) Второе полное собрание законов, № 2671.
[2]) Там же, № 3205.
[3]) Там же, № 4579.

под именем непомнящих родства записаны в работники к линейным казакам; нынешнее же лето людей сего рода увеличилось до невероятности; великое множество непомнящих родства с семействами, скотом и имуществом являются в область, тогда как до издания последнего положения о казачьих работниках, бродяг, непомнящих родства—коих прежде отдавали в солдаты—было весьма незначительное количество. Число дел о бродягах в судебных местах возросло до невероятности, так что места сии большую часть времени употребляют на рассмотрение и решение таковых дел, а прочие по недостатку чиновников приходят в запущение" и т. д.

Кроме законов, имелись, как мы видим, и неоспоримые факты приписки тысяч людей на Кавказской линии. Живыми свидетелями существования "царских указов" и возможности фактической приписки на линии являлись помещичьи крестьяне, раньше зашедшие туда и там обосновавшиеся. Это были пионеры, люди решительные, которые в одиночку шли на поиски счастья. Иногда это были специальные ходоки, посылавшиеся на разведки. Они пробирались в Кавказскую область, где, скрыв свои имена, называли себя бродягами, непомнящими родства, и на основании существующих узаконений приписывались в работники к линейным казакам. Пробыв некоторое время на линии, они получали от воинского начальства увольнительные виды для взятия своих семейств и возвращались на родину. Здесь они выкрадывали тайно свои семейства и родственников и "провозглашали, что на Кавказской линии дозволена приписка всем беглым помещичьим крестьянам. Некоторые из таких бродяг-работников составляли для подговоренных и возмущенных ими помещичьих крестьян фальшивые письменные виды, другие бывали путеводителями таковых беглецов". Так, крестьянин графа Орлова-Денисова, Максим Воеводенков бежал от помещика в 1831 г. и был записан в казачьи работники в Хоперский полк под именем родства непомнящего Максима Бычкова. В апреле 1832 г., уволенный для взятия своего семейства, он подговорил односельчан к побегу, обещав им провести их на реку Кубань и там определить в казаки; стоя во главе партии беглецов из 93 человек, он взял направление через Камышинский уезд, но здесь вся партия была схвачена. Как оказалось, беглецы были подговорены бежавшими в прошедшем году из имения помещика их крестьянами, записавшимися в линейные казаки. Эти лица "тайно под'езжают к вотчинам своего владельца и склоняют других к побегу, разглашая, что можно свободно дойти до Кубани, а там, назвавши себя непомнящими родства, весьма легко приписаться в казаки". Помещик Любицкий заявил, что бежавшие крестьяне его были подговорены соседними жителями Слободско-Украинской губернии, получившими позволение от правительства переселиться в казачьи станицы по Кубани. Один из таких переселенцев выдал крестьянам Любицкого фальшивые билеты. В Камышинском уезде схвачены два человека, раз'езжавшие по помещичьим селениям "с разглашением крестьянам свободы, поступая в линейные казаки", и трое, "занимавшиеся сочинением для беглецов фальшивых билетов". Между крестьянами Нарышкина ходили слухи, что поселенцам дают на Кавказской линии "хату, лошадь, пару быков, две коровы и пять овец и производят жалованье". Часто крестьяне поджидали вестей от лиц, посланных на разведки или ранее бежавших партий. На Дону было поймано несколько человек, из которых часть показала себя бежавшими из вотчины Нарышкина, а другие бродягами. От них сделалось известным, "будто беглецы проходить будут через заставу Вонючие Ерголыки, и что если некоторые найдут на линии убежище, то известят о том своих товарищей в имении, и весной многие побегут".

Массовый от'езд крестьян из поместья, дальнейшее путешествие по неведомым местам, угроза погони, наконец, самая приписка на линии — представляли собой очень сложное и рискованное предприятие. Для осуществления его требовалась целая организация, которая и являлась к услугам крестьян, в лице составителей фальшивых документов и главарей партий; иногда в нее входили также пристанодержатели — местные специалисты по укрыванию беглецов, приезжавшие в поместье вместе с вожаками и помогавшие организации побегов. Составители фальшивых билетов и пристанодержатели действовали, главным образом, из корыстных мотивов; вожаки же, хотя и не лишены были корыстных побуждений, представляли

собой в большинстве случаев тип удалой, бесшабашной вольницы. они шли напролом и заражали своей дерзкой смелостью мирных крестьян. За то и рисковали они больше других, потому что главное внимание властей сосредоточивалось на поимке таких зачинщиков. В большинстве случаев первые рекрутировались не из беглых помещичьих крестьян, это были иногда мещане, иногда просто "бродяги". Вожаки партий, напротив, почти всегда принадлежали к числу помещичьих крестьян. уже вкусивших свободы. Чаще они занимались агитацией только в пределах владений своего бывшего помещика. В среде крепостных крестьян это были, конечно, самые непокорные и свободолюбивые элементы.

Любопытную характеристику таких "головорезов" дает помещик Донской области Каменнов, у которого сбежали все крестьяне. По возвращении части бежавших крестьян, Каменнов доносит, что из них подлежат строгому наказанию "важные возмутители": Еремей и Степан Бурпичевы, Григорий Буридчиков, Кондрат и Павел Конюченковы, которые со всей гордостью и неповиновением к помещикам, и "прежде нынешнего побега, делали между крестьянами разврат и возмущение; а при побеге сего года они были первыми зачинщиками, и из них Еремий и Степан Бурпичевы грабежем забрали — первый с господского двора пару быков с возом, одежду, хлеб и прочее, а последний с мельницы инструмент, хлеб и другие вещи; и все они прежде за побег и неповиновение к помещику были преданы суду, и из них о первых двух дело еще не окончено, а последние трое были наказаны; теперь же по возвращении из бегов Павел Конюченков начинает опять толковать об увольнительном указе, а Степан Бурпичев отказался от платежа казенных податей".

Каким образом удавалось крестьянам обманывать бдительность местных, особенно вотчинных властей и уезжать из селений целыми десятками и сотнями? одним из способов был побег не непосредственно из деревни, а с поля во время работ или из степи во время уборки сена, или когда крестьяне отлучались по хозяйственным делам на базары и в соседние селения. Но иногда крестьяне действовали смело и дерзко, уезжая из деревни прямо на глазах вотчинного начальства. Крестьяне слободы Ворониной помещика Нарышкина, из малороссиян, о которых речь была выше, в числе 50 семейств (109 мужч. и 5 женщ.) вечером "из домов своих на конных подводах выехали на конец слободы и, оставя там некоторых на возах, возвратились в селение за прочими, имевшими общее с ними намерение к побегу, и за скотом своим. Бурмистр упомянутой слободы, с прочими стариками, хотя останавливал их от такого намерения, однакож они, имея в руках дубинки, угрожали бить тех, кто к ним приблизится". Таким образом, бурмистр либо не очень хотел препятствовать от'езду крестьян, что весьма возможно при той атмосфере всеобщего сочувствия, которая окружала беглецов, либо действительно был бессилен помешать побегу. Еще более дерзким был побег крестьян помещика Каменнова из поселка Ламовского: все крестьяне, собравшись вместе и "придя к господскому дому, из коих несколько человек вооруженные, учинили грабительство, и, забрав все свое имущество, которого предварительно не успели сбыть продажею, бежали на Кавказскую линию".

Однако, не всегда крестьянам удавалось привести в исполнение свое намерение: слухи о подготовке к побегу доходили до помещика, и он обращался за содействием к местным властям. Самым простым и в то же время верным способом предупреждения побега была поимка зачинщиков. Партия, лишенная своих вожаков и путеводителей, не могла тронуться с места, как бы решительно ни было ее настроение. Помещица Матрена Грекова сообщает Миусскому сыскному начальству, что крестьяне ее слободы Астаховой Крепинской (в области Войска Донского), "имеющие с давнего времени намерение к побегу, не видя возвращения на прежнее жительство бежавших от ней в прошедших годах крестьян, усугубляют свое вольнодумство, стараясь между тем отыскивать людей неблагонамеренных к показанию им средства и места укрывательства". Такие люди и были пойманы в "скрытной балке" людьми помещицы Грековой, чем побег был приостановлен. А между тем почва для него в имении Грековой была повидимому вполне подготовлена, ибо, по ее словам, они "оказывают с давнего времени и неповиновение, уклоняясь от

господской работы, и даже довольно грубо с нею обращаются; к тому же некоторые из них мало засеяли и хлеба для себя, имея намерение в скором времени бежать, видя что прежде бежавшие их же крестьяне до сих пор не возвращены начальством“.

Конечно, при таком настроении крестьян, предупреждение побега могло оказаться только временной отсрочкой, но и она была важна для помещиков. Каждый удачный побег означал не только убыль определенного числа душ, но и возможность новой еще более значительной убыли, в виду тех надежд и того смятенья, которые он вызывал среди оставшихся в поместьи крестьян. Да и не только в поместьи, но и далеко за его пределами. Как и при всякой эпидемии, здесь страшно было не так число наличных жертв, как мысль о тех возможных жертвах, которые будут захвачены волной распространяющейся заразы. Эта нота звучит во всех жалобах помещиков, во всей оффициальной переписке о побегах. Помещик Любицкий, сообщая об уходе из его именья крестьян, добавляет, что ”и прочие крестьяне его все без остатка совершенно готовы к побегу; да и многие другие крестьяне Екатеринославских помещиков могут последовать таковому преступному примеру, если не будут приняты здешним начальством действительные меры“. Что эти опасения имеют под собой почву, видно из факта многократных побегов из одного и того же поместья, даже из одной слободы, несмотря на усиленную бдительность помещиков. Такие многократные побеги происходили из Саратовских поместий Нарышкина, из Донских владений графа Орлова-Денисова и от других помещиков.

Крестьяне, благополучно выбравшиеся за пределы вотчины, при первом дуновении свободного степного ветра превращались в организованную, сплоченную массу, на все готовую для достижения своей цели. Они знали, что им нельзя оборачиваться назад, что возвращенье в поместье означало бы жестокое наказанье, издевательство и новое рабство,—поэтому они шли вперед с упорством и решимостью людей, для которых нет отступления. По пути к партии беглецов присоединялись другие беглые крестьяне, то в одиночку, то небольшими группами, то целыми партиями. Иногда в результате такого слияния получалась масса, весьма внушительная по числу людей и по количеству оружия, организованная и стойкая в сопротивления. Однако, сила сопротивления массы, как можно проследить в ряде случаев, находилась в непосредственной зависимости от поведения и смелости вожаков.

Партия крестьян, бежавших из вотчины графа Орлова-Денисова, слободы Ореховой Усть-Медведицкого округа, летом 1832 г., состоявшая из 239 душ, двинулась по границе Области Войска Донского и Астраханской губернии. По дороге к ней примкнули крестьяне Донского войскового старшины Каменнова и много других крестьян, направлявшихся также на Кавказскую линию, бежавших из имений донских, саратовских и тамбовских помещиков. В общем составилась партия свыше 1000 человек, из которых половина вооруженных—100 человек ружьями и 400 пиками, косами и дубинками. В Калмыцкой степи, в 80 верстах от Саратовской границы, партия была догнана дворянским заседателем Царицынского земского суда Соколовским всего с 8 казаками. Видя, что ему не удается сладить с такой массой, Соколовский решил попытаться подействовать на нее убеждением. Повидимому его доводы на момент поколебали настроение, но оно было немедленно восстановлено одним из главных вожаков партии: “один из преследователей, отставной унтер-офицер Калинин едва не пал под косою возмутителя и вожатого партии Антона Феденко, который, когда заметил готовность всех беглецов возвратиться по увещеванию Калинина и Соколовского с раскаянием в дома, бросился на Калинина с намерением нанести ему удар косою, каковою дерзостью и привел к повиновению себе всех беглецов“. Соколовский установил слежку за партией, чтобы не потерять ее из вида; во всех возможных направлениях в пределах уезда были посланы пикеты, вслед ей посылались многочисленные отряды казаков и тем не менее в одном рапорте от 20 августа 1832 г. мы читаем: ”К крайнему моему удивлению увидел я, что не токмо до сих пор не поймана еще... партия разных помещичьих крестьян, ворвавшихся еще 6-го прошлого июля месяца в пределы Кавказской области, но что даже и неизвестно, в какой стороне оная находится“.

В приведенном случае крестьяне имели слишком большой численный пе-

ревес. Но вот другой, более разительный случай, относящийся к тому же времени: "Партия неизвестно чьих беглых крестьян, в числе 18 душ мужского пола и нескольких женского, опрокинув 13-го июля с оружием в руках при Урочище Песчаном кордон, прошли чрез оный"; заведующий кордонами, преследуя их с командою из 12 рядовых, при одном унтер-офицере, был тяжело ранен пулею, и беглецы отбившись, пошли степью далее; после сего послана была за беглецами казачья команда из 30-ти человек с офицером, но и она ничего не сделала.

Зависимость силы сопротивления партии от поведения ее вожаков особенно ярко проявилась в нижеприводимом эпизоде, когда хорошо вооруженная и весьма решительно настроенная партия крестьян из 422 человек сдалась без сопротивления небольшому отряду казаков; ловким маневром выхватив из среды крестьян их главных вождей и зачинщиков, преследователи сломили их внутреннее сопротивление, превратив сплоченную вооруженную массу в разрозненную, боязливую толпу. Основное ядро этой партии состояло из крестьян Нарышкина, бежавших 10 мая 1832 г. из слободы Ворониной в количестве 50 семейств (114 душ), к которым по дороге примкнуло множество других крестьян. Двое беглецов из этой партии, из крестьян помещицы Левашевой, пойманы были в 80 верстах от границы Балашовского уезда в землях Войска Донского. На допросе оба они показали, что "каждый из сопутствовавших с ними имеет при себе или пику, или железные вилы, или дубинку, с намерением защищаться в случае поимки, и что препровождаются оные на линию к Белой реке вооруженными, одетыми по черкески людьми, между коими есть два крестьянина слободы Ворониной, бежавшие в прошлом 1831 году, которые уверяют, что будто бы ведут их по Государеву указу на линию, и что останавливать никто права не имеет". Беглецов преследовал дворянский заседатель Балашовского земского суда Куприанов. Прибыв в слободу Мелеховку, он узнал, что "крестьяне были видимы более чем на 100 подводах и следуют вооруженной рукой" на слободу Мариновку, почему он и отправился туда, "встречая повсеместно остановку в следовании от неимения лошадей". Не найдя там беглецов, он отправился в следующие станицы, встречая везде остановку в получении лошадей. Наконец, ему стало известно, что беглецы переправляются через реку Медведевку, причем преследовавшему их вотчинному бурмистру помещика Нарышкина, было "от дачи пособия в остановке переправлявшихся решительно отказано". Куприанов предписал станичному атаману дать отряд из 25 вооруженных казаков; однако атаман, "нанеся ему разные оскорбления и продержав более 7 часов недачею лошадей, наконец нарядил к нему всего 14 казаков", с которыми Куприанов настиг крестьян за лесом; он преградил им путь, схватил пятерых главарей партии, бежавших из слободы Ворониной в 1831 г., отобрал у них оружие и письменные виды, а затем остановил и всю партию, у которой найдено было четыре ружья.

В приведенном случае обращает на себя внимание особое обстоятельство— систематическая задержка преследователей из-за отсутствия лошадей. Невольно напрашивающаяся мысль о сознательном и намеренном нежелании станичного начальства помогать поимке беглых находит себе подтверждение в целом ряде других фактов и донесений. Особенно интересен случай преследования партии беглецов членом Царицынского земского суда Наттером и помещиком Лятошинским с четырьмя солдатами. Партия состояла из 72 душ из вотчины Нарышкина и 22 из деревни Царицынского уезда помещика Лятошинского. В слободе Карповке Наттер застал заседателя 2-го сыскного начальства, которому и пред'явил открытый лист, прося об оказании помощи; несмотря на его просьбу и убеждения Лятошинского, обещавшего большие награды тем, кто поймает его крестьян, заседатель "оставил все сие без малейшего уважения". В хуторе Бузиновском преследователи были задержаны атаманом под предлогом неимения лошадей. При этом атаман и другие крестьяне поселка говорили, что "хуторским жителям нет нужды знать о проезжающих, которые во многом числе едут на линию в казаки, что через их хутор уже прошли большие обозы крестьян графа Орлова-Денисова, полковника Каменнова, Нарышкина и других помещиков, но они их не останавливали, зная, что, раз они идут селиться на линию, стало быть им по указу Государеву отводят там землю.

какая же им нужда их останавливать? Бог с ними, пусть идут, когда им вышла такая милость". Наттер, прождав лошадей более 8 часов, вынужден был воспользоваться услугами управляющего именья, снабдившего его тремя верховыми лошадьми. Лятошинский пытался нанять лошадей, предлагая 10 рублей за тройку на 20 верст, но "никакие обещания не могли убедить жителей дать лошадей". "Следуя по землям Войска Донского более 100 верст и потеряв всю надежду к поимке беглецов, Наттер вынужден был воротиться, встретив на обратном пути помещика Лятошинского, едущего к нему на быках, и в таком точно порядке прибыл с ним в г. Царицын". К изложению своих злоключений Наттер присовокупил, что "подобные вышеупомянутым нелепостям, слышанным им от Бузиновского атамана, рассеяны по всем вообще местам Войска Донского, и особенно во владельческих именьях, которых жители даже удерживают калмыков, желающих наниматься для преследования беглых". Станичный писарь Мелехов заявлял, что "у них нет на сие указа, а потому беглых догонять и ковать должен сам помещик своими людьми", а жители слободы Даниловки сказали преследователям, чтобы "далее в Донские пределы не гнались, а то будут перевязаны". Были ли в действительности сказаны такие слова, или нет, несомненно, что атмосфера всеобщего сочувствия окружала беглецов на их пути к свободе.

Если крестьянам не удавалось сразу пробраться на Кавказскую линию, они находили себе пристанище в Астраханской губернии или в землях Войска Донского. Согласно донесению Астраханского военного губернатора, в губернии имеется множество таких мест на островах и ватагах, где беглые находят удобные для себя пристанища и часто проживают долгое время. В землях же Войска Донского пристанодержательство сделалось, повидимому, доходной профессией. Особенно оно развито было в местах, расположенных вблизи от Кавказской линии и по своим природным условиям наиболее удобных для укрывательства. Очагом пристанодержательства был Ростовский уезд [1]), его Задонская часть, отдаленная почти на 500 верст от губернского города Екатеринослава и примыкающая к линии. Здесь расположен был ряд селений, переполненных беглыми людьми: Кагальницкое, Батайское, Кулешовы хутора, Ейское укрепление и, наконец, посад Азов. Все они кишели беглыми помещичьими крестьянами и "разбойниками, находившими себе там верное убежище". Весьма благоприятным условием для укрывательства были густые поросли камыша на большом пространстве, примыкающем к Дону, которые начинались сейчас же позади обывательских домов. Полиция не имела никакой возможности отыскивать беглых среди камышей, а жители сами были заинтересованы в укрывательстве, т. к. оно являлось их промыслом [2]).

Содействие беглым крестьянам не прекращалось и на самой линии, где была очень велика потребность в рабочей силе. Если крестьяне являлись на линию неподготовленными, не имея на руках надлежащих документов или не зная, что они могут быть приписаны только в качестве бродяг, находились люди, и не только среди обывателей и уже пристроившихся беглецов, но и среди местного казачьего начальства, которые за вознаграждение устраивали их судьбу. Крестьяне Орлова-Денисова бежали на Кавказскую линию в Григорополисскую станицу Кубанского казачьего полка. Они были встречены двумя бывшими крестьянами Нарышкина, за

---

[1]) В то время Екатеринославской губернии.

[2]) Крестьянин Белоусов помещицы Грековой совершил два побега, в 1829 г. и в 1831 г. Оба раза он укрывался в Кагальницком, и там же проживали, по его словам, шесть семейств, бежавших от Грековой. В Кагальницком Белоусов был записан, с ведения головы, под именем умершего крестьянина этого селения — Крапкова, за что заплатил 200 р. Имея намерение взять к себе отца, остававшегося еще у Грековой, Белоусов в 1832 г. направился в слободу Крепинскую, а по дороге зашел в гор. Ростов к отставному солдату Каламейцеву, который всегда содействовал побегам крестьян; тот согласился свезти его в слободу Крепинскую (недалеко от Ростова) за два мешка пшеничной муки; по прибытии в слободу, они спрятались в „скрытной балке", а в сумерки Белоусов отправился в слободу, где видался со своими родственниками, просившими и для них сыскать убежище; однако, побег не удался, так как Белоусов и Каламейцев были открыты в балке и арестованы.

три года перед тем бежавшими и записавшимися в работники к казакам под фальшивыми именами. Эти крестьяне предложили беглецам, что они и их устроят в работники, если только "не пожалеют денег для задаривания тамошнего начальства". Получив 80 рублей, начальник станицы выехал к ним навстречу и велел им всем на 23 подводах своих ехать в станицу. Тут он продержал их около недели и, наконец, об'явил, что он уже записал их непомнящими родства и "подтвердил им неоднократно, чтобы они назывались в одно слово *непомнящими*", после чего переписал все их приметы, лета с одними именами, но без прозваний и отправил их при рапорте в полковой штаб, откуда они, как обыкновенно это делается, и были представлены в Ставрополь за конвоем для определения их в работники, но там были задержаны, как опознанные беглые крестьяне Орлова-Денисова.

Неудивительно, что при таком содействии со всех сторон, какими бы мотивами оно не вызывалось, беглецы нередко достигали своей цели. Надо еще отметить, что и Кавказское военное начальство в начале, пока прилив бродяг был не так еще велик, было несомненно заинтересовано в их приписке, т. к., помимо крайней нужды в рабочей силе, из этих работников пополнялись впоследствии кадры казачьих войск. Поэтому оно не только смотрело сквозь пальцы на то, что такая масса людей, весьма благопристойного вида, часто с женами и детьми, оказывалась вдруг "непомнящей родства", но не принимало никаких мер к их отсылке помещикам даже в тех случаях, когда определенно знало об их принадлежности последним. Больше того, оно выдавало им, как мы видели выше, увольнительные билеты для взятия из вотчины своих семейств. А так как эти лица и оказывались инициаторами новых побегов, то можно сказать, что кавказское военное начальство оказывало активное содействие побегам. Двое беглых крестьян Нарышкина, назвавших себя в Ставрополе непомнящими родства, были отосланы к командиру Хоперского казачьего полка для определения в полк. Летом 1832 г., решив побывать на родине, они об'явили командиру, что они крестьяне Нарышкина; командир, чтобы удовлетворить их желание, приказал называться им поступившими в казаки Балашевского уезда из слободы Самойловки (повидимому казенной), и под таким наименованием выдал им билеты для взятия "оставшихся в оной их семейств". Семейства же этих беглецов были перевезены ими на линию еще в прошедшем году, а теперь, воспользовавшись билетами, они отправились на родину и склонили к побегу многих крестьян, с которых за провод до линии собрали 817 рублей. Вся партия (422 чел.) была задержана, как изложено выше, заседателем суда Куприановым.

При таком отношении кавказского начальства понятны становятся жалобы помещиков на игнорирование им многочисленных просьб их о возвращении домой зашедших на линию крестьян. Попечительство над имением Нарышкина доносило министру внутренних дел, что "Кавказское Областное начальство, увольняя бродяг на прежнее жительство для забрания семейств и имуществ, за всем тем продолжает признавать их непомнящими родства, и потому, усваивая их ведомству военному, оставляет почти все отношения Попечительства и вотчинной конторы об их возвращении без надлежащего исполнения".

Крайнее усиление побегов летом 1832 г. привело к тому, что кавказское начальство, осаждаемое беспрерывными требованиями о возврате крестьян на места, стало затруднять приписку их в работники к казакам, начало арестовывать бродяг и сажать в Ставропольский острог. Вся жизнь на линии была нарушена. Казенные поселяне вынуждены были тратить все свое рабочее время, в разгар полевых работ, на преследование беглых, ловлю их и доставку в областной город. В Ставропольский острог был настолько переполнен, что приходилось помещать арестованных по частным дворам и употреблять для их окарауливания более двух рот солдат в одну смену. Кроме того, арестованными были заняты все полицейские будки на улицах. И это не считая тех бродяг, которые еще не были схвачены. Суды были завалены делами о бродягах, так что на разбор этих дел приходилось тратить почти все время. Наконец, и сами казаки не всегда были довольны приписанными к ним работниками из бродяг, в чем нет ничего удивительного, так как среди этой массы пришлого люда было, конечно, немало и уголовного элемента. Казаки жаловались на

беспрерывные побеги своих работников и на совершаемые ими кражи, приводившие казачьи семейства в разоренье. Меняя при каждом побеге имена и прозвания, бродяги получали возможность совершать новые преступления. В общей сложности за время с 12 февраля 1829 г., когда было издано положение о приписке бродяг на линию, и по 1 июля 1832 г.—в Кавказское Областное Правление было доставлено из разных губерний 3017 бродяг, из которых приписано на линии 1954 человека, остальные частью отправлены в Сибирь, частью на места, частью оставались еще в невыясненном положении.

В то время как положение на линии с каждым днем становилось все тяжелей, министерские канцелярии наводнялись жалобами помещиков, требовавших вмешательства правительства и возвращения беглых крестьян. Правительство внимательно прислушивалось к жалобам помещиков на разорение, причиняемое побегами, а в некоторых случаях и само было непосредственно заинтересовано в пресечении этого зла. Так, имение расточительного вельможи Д. Л. Нарышкина состояло в залоге Заемного банка и служило обеспечением "весьма огромного долга" казне, причем Саратовская вотчина, из которой совершались побеги, была лучшей частью этого именья. Побеги необходимо было прекратить во что бы то ни стало. И мы видим, как рядом мер административного и законодательного характера власти удалось, правда только на короткое время, отбить охоту у крестьян искать "обетованной земли".

В поместьях борьба с побегами заключалась, главным образом, в воздействии на психику крестьян; повидимому, никакая физическая охрана не была в состоянии удержать стихийное стремление крестьян к исходу. Лучшим и самым наглядным способом воздействия правительство считало возвращение на места бежавших крестьян и наказание их, особенно вожаков и зачинщиков. Далее, для поощрения, следовало оставить безнаказанными тех, кто возвращался добровольно—и это было сделано: 5 октября 1832 г. состоялось высочайшее повеление "принять меры, чтобы крестьяне добровольно из Кавказской Области возвратившиеся к своим помещикам, не были ими наказываемы, дабы сим побудить и прочих к возвращению на жительства" [1]. Наконец, сыскным начальствам строго предписано было внушить помещичьим крестьянам, что указ, разрешающий казенным крестьянам переселяться в Кавказскую область, к ним не относится, и что, напротив, существует высочайшее повеление об удержании их от побегов, и предании строгой ответственности подговорщиков и вожатых, и что бежавшие крестьяне в тех местах, где они надеялись получить водворение, уже арестованы и препровождаются назад за строгим караулом. Однако, все эти разговоры и увещания не имели бы успеха, если бы не фактическое возвращение беглецов, частью схваченных в пути, частью возвращенных уже с линии. Расправа с бежавшими и зачинщиками—телесное наказание—производившееся для назидания на глазах крестьян в имении, оказывала подавляющее влияние на их психику. Крестьяне Орлова-Денисова Цымбалов и Тарасов были приговорены, как зачинщики, к наказанию через палача по 75 ударов плетьми и к ссылке в Сибирь на поселение, крестьянин Курнаковых Калашников—к 40 ударам кнутом и ссылке в Сибирь в каторжную работу. Остальные крестьяне Курнаковых, виновные только в побеге и доставлении гербовой бумаги для фальшивых видов, приговорены к 40 ударам плетьми, с водворением на прежних местах жительства. Что касается лиц, против которых не было улик для обвинения их в ином преступлении, кроме побега, суд предоставлял наказание их самим помещикам "сообразно вине их".

Правительство приложило большие усилия к тому, чтобы крестьяне не могли пробиться на линию через Область Войска Донского. С этой целью были устроены

---

[1]) Министерство внутренних дел при рассылке этого казалось бы совсем невинного повеления на места губернаторам писало: „Ваше Превосходительство обязывается об'явить помещикам сию высочайшую волю секретным образом... Вообще Вы, милостивый государь, не оставите действовать в сем случае со всеми возможными предосторожностями, без малейшей огласки, дабы не подать повода к каким-либо лживым и неблагоприятным между помещичьими крестьянами толкам и к беспокойствам“.

кордоны из казачьих пикетов. Граница Области Войска Донского с кавказской линией, в сухопутной ее части, охранялась кордоном в 350 казаков, граница Донской Области с Астраханской губернией—кордоном из 200 с лишним человек. Кроме того, весной 1832 г., в виду усилившихся побегов, на этой границе расположен был отряд в 500 человек, в задачи которого входили, помимо охраны дороги, раз'езды по Астраханским степям. По рубежу Донской Земли с Саратовской губернией также был расположен казачий полк, притом так искусно, что на всем протяжении границы ни одна маловажная дорога не оставалась без наблюдения. Наконец, если бы паче чаяния беглецам и удалось миновать все эти заставы, их ждала еще одна и уже верная западня, так называемый "поперечный кордон", устроенный на протяжении 70 верст между Волгой и Доном, занимавший все пространство между двумя большими реками и служивший поэтому непреодолимою преградою. В таком виде представлялась охрана к осени 1832 г., причем зимой ее предполагалось снять, в виду того, что зима, неподходящее время для побегов, в то же время создавала невозможные условия жизни для казаков; весной же 1833 г. кордоны должны были быть восстановлены и существовать вплоть до июля месяца, когда "засевы крестьян будут совершенно окончены, ибо поля будучи уже раз засеяны и прочие продовольствия годовые заготовлены, неуповательно, чтобы кто-либо из крестьян покусился на побег".

При преследовании беглых крестьян большое значение имел вопрос о праве применения вооруженной силы. До августа 1832 г. преследователям не разрешалось прибегать к оружию, и они оказывались в сущности бессильными против больших и часто вооруженных партий беглецов. Массовые побеги лета 1832 г., в связи с неудачей в преследовании, привели к изданию высочайшего повеления от 2 августа, которым предписывалось "не ограничиваться доселе принятыми мерами, оказавшимися повсеместно недействительными, а усугубить оные посредством наряда к преследованию беглецов значительнейшей вооруженной силы, вверив оную опытным и распорядительным штаб-офицерам, которым в случае упорства крестьян разрешить действовать против них силою оружия". Вооруженную силу разрешалось применять также при упорстве крестьян, еще только покушающихся бежать.

Все выше перечисленные меры, как они ни были решительны, не достигли бы результатов, если бы правительство не обратило должного внимания на положение в Кавказской области. Так, с конца августа 1832 г. местному начальству вменено было в обязанность, чтобы оно впредь бродяг, скрывающих свое звание, прежде отдачи в работники к казакам, для точнейшего удостоверения их личности и открытия среди них помещичьих крестьян, отсылало предварительно к местным воинским чиновникам, исправляющему должность коменданта и начальнику Ставропольской жандармской команды. Затем было обращено внимание на частую выдачу командирами полков увольнительных билетов для забрания семейств: командирам линейных казачьих полков разослан был циркуляр с изложением высочайшей воли, "дабы впредь отнюдь таковые билеты не были выдаваемы бродягам для забрания своих семейств с прежних мест их жительства, ибо здравый смысл говорит, что человек, не помнящий места своего рождения, еще менее должен помнить, где находится его семейство и из кого оное составлено".

Наконец, указом 13 апреля 1833 г.[1]) была совершенно запрещена приписка в работники к казакам Кавказским и Астраханским, равно как и ссылка в Сибирь на поселение всех тех, кто задержан будет за неимением законных видов и назовется "непомнящим родства". Все эти люди, без производства каких-либо предварительных розысканий, за исключением случаев, когда они уличаются в уголовных преступлениях, должны немедленно сдаваться в солдаты, если окажутся способными к военной службе, хотя бы нестроевой; остальные должны определяться в военно-рабочие и арестантские роты, где же это окажется неудобным, употребляться в крепостные работы. Бродяги, отданные в военную службу, ни в коем случае не подлежат возврату помещикам, но за них выдаются зачетные рекрутские квитанции

---

[1]) Второе полное собрание законов, № 5978.

при условии, если они определены будут в строевую службу и если просьбы о них поступят от помещиков не позже годового срока со дня об'явления. Негодные же к военной службе, напротив, могут быть возвращены помещикам и ведомствам, если последними будут представлены достаточные доказательства об их принадлежности в течение двухлетнего срока. При этом должны быть возмещены сполна все издержки, употребленные на содержание этих людей за все время, равно как и возвращение их на места должно производиться за счет помещиков и ведомств. Если же последние не пожелают взять их обратно, никакого возмещения им не полагается. Все эти правила распространяются и на лиц, уже зашедших в Кавказскую Область и Астраханскую губернию, поскольку они еще не причислены на законном основании к казачьему сословию или которым не истек еще трехлетний срок, требуемый для причисления, а также и на тех, которым срок хотя и истек, но они не одобрены в поведении. При распределении этих людей, при них должны быть оставлены их семейства, если последние добровольно, при одобрении их поведения, не пожелают причислиться к казачьему сословию. Дети, прижитые по определении отцов в военную службу, остаются невозвратно в военном ведомстве; прочие же, хотя бы отцы их были обращены в военную службу, могут быть возвращены помещикам и ведомствам на указанных выше основаниях, если до пред'явления требования они еще не будут причислены к казачьему сословию. Все эти правила носят временный характер, в виду предстоящего рассмотрения в государственном совете общего положения о беглых.

Таким образом, указ 13 апреля 1833 г. допускал возвращение к помещикам не только всей массы бродяг, за исключением годных к военной службе, которые еще не успели приписаться в работники к казакам, но и всех тех, которые, хотя и были приписаны, но еще не пробыли у них трех лет. Другими словами, этой судьбе обрекались все, зашедшие на линию после 13 апреля 1830 г. и даже зашедшие еще раньше этого срока, т. к. приписка требовала некоторого времени. Не говоря о том, что такое постановление находилось в противоречии с законом 12 февраля 1829 г., оно нарушало одно из весьма существенных положений Свода Законов о состояниях, устанавливающее в ст. 687, что "крепостное состояние, единожды прекратившееся, никогда уже восстановлено быть не может, и получивший свободу не может быть вновь обращен в крепость". Если же он воспользовался для записи в какое-либо звание подложным актом, то подлежит отдаче в солдаты, либо в крепостную работу, а помещик имеет право на получение в первом случае зачетной рекрутской квитанции, а во втором—вознаграждения.

Указ 13 апреля 1833 г., на ряду с решительными административными мероприятиями, достиг желанного результата—побеги почти прекратились, но ненадолго. Уже в 1834 году поднялась новая волна и хлынула по тем же дорогам, но уже на этот раз не на линию, а за Кубань, в крепость Анапу.

II.

Побеги в Анапу.

В 1833 и 1834 годах неурожай постиг всю южную полосу России. Для Малороссии, Новороссийского края, Воронежской губернии, Кавказской области, Земли Войска Донского и Черномории наступили голодные годы. Крестьяне массами уходили оттуда в поисках хлеба. Большинство казенных поселян и помещичьих крестьян Воронежской губернии удалилось на зиму с рабочим скотом в другие более изобильные продовольственными запасами губернии. Помещики сами отпускали их, в виду безвыходности положения. Эти скитания по чужим местам и голодные перспективы дома служили побудительной причиной для крестьян искать такого места, где вместе с хлебом они нашли бы и свободу. Русло, по которому направился поток беглецов, и на этот раз определилось колонизаторской политикой правительства.

Теперь это была крепость Анапа, расположенная на берегу Черного моря, за Кубанью, место, менее всего подходящее для ищущих "обетованной земли". Побеги в Анапу не прекращались до 1837 г., когда были приостановлены решительными мерами правительства.

Основным местом исхода явилась на этот раз Воронежская губерния, преимущественно три ее уезда: Павловский, Бобровский и Богучарский. Очагом заразы был Павловский уезд, где происходили повторные побеги из имений сенаторши Мечниковой, малолетнего Горяинова, помещицы Завальевской, полковника Щербатова и других [1]).

Многие крестьяне Мечниковой и Горяинова, в том числе и ушедшие с разрешения помещиков в хлебородные губернии—Курскую и Орловскую, сговорились между собой целыми партиями, забрав семейства и имущество, бежать при наступлении весны в Анапу, "полагаясь на безрассудные разглашения, будто бы под Анапою есть казенное поселение, которого если они достигнут, то помещики не будут уже в праве истребовать их обратно". Крестьяне тайным образом отправили от себя в Анапу еще зимою нескольких ходоков для отыскания мест, где им можно было бы приписаться, и ожидали наступления апреля месяца с тем, чтобы "по просухе предприятие свое привести в исполнение". Как и во всех подобных случаях инициатива исходила от крестьян тех же селений, уже ранее ушедших в Анапу и там приписавшихся под ложно присвоенным ими званием казенных поселян. Таких крестьян, бежавших в 1833 г. из Павловского уезда, было 9 человек. Получив билеты из Анапского временного правления, они возвратились на родину с намерением, выждав удобный случай, забрать свои семейства и имущество и переселиться с ними в Анапу на постоянное жительство. Однако, умысел их был открыт, и побег предупрежден. Земский исправник получил предписание, помимо "благоразумных мер внушения", иметь "внимательнейшее наблюдение за внутренними происшествиями в уезде и производить частый и самоличный об'езд тех селений, где пребывают стремящиеся в Анапу". Кроме того, ему вменено было в обязанность всякие многолюдные сходки и ночные сборища решительно воспрещать, за наиболее подозрительными людьми иметь секретный надзор, и если в них замечено будет малейшее скрытное движение к отправлению в дальний путь, немедленно "принимать все предосторожности к удержанию бегства и восстановлению в крестьянах сих должного повиновения к своим помещикам". Кроме того, было приказано, чтобы крестьяне, отпущенные в Орловскую и Курскую губернии, были высланы в место их жительства немедленно по миновании срока выданным им билетам. Конечно, уйти при таком надзоре оказалось невозможным.

Но было, конечно, немало и удачных побегов, которые приводили помещиков в большое уныние и замешательство. В январе 1837 г. жена полковника Завальевского, имение которой находилось в том же Павловском уезде, обратилась к министру внутренних дел с прошением, в котором сообщала, что в 1835 г. некоторые ее крестьяне отлучились неизвестно куда, по слухам "они, вероятно, вовлечены злонамеренными людьми к побегу в Анапу", а в 1836 г. их примеру последовало еще несколько человек, которые убежали из деревни в разное время, "повидимому, к первым беглецам". Благодаря установленному надзору, был пойман скрывавшийся в лесу крестьянин Завальевской, Иван Пярин, бежавший в 1835 г. в Анапу и получивший оттуда билет для заработков в Черномории [2]) и Кавказской области. Пярин сознался, что прибыл в вотчину, чтобы выкрасть жену и сына и что

---

[1]) Архив министерства внутр. дел, департ. полиции исполн. 1834 г., дело № 1132 „По отношению Воронежского гражданского губернатора о покушениях помещичьих крестьян переселяться в крепость Анапу; 1837 г., дело № 921 „По прошению полковницы Натальи Завальевской о возвращении из Анапы бежавших туда крестьян ее. Тут же и о побегах крестьян других помещиков в Анапу и в Закубанские поселения и о выдаче за них вознаграждения".

[2]) Черномория занимала часть нынешней Кубанской области, степную ее полосу, расположенную по правую сторону реки Кубани, и на севере примыкавшую к области Войска Донского.

остальные беглые крестьяне Завальевской также находятся в Анапе. На запрос Павловского земского суда Анапское управление ответило, что "приметы прочих крестьян не сходствуют", что же касается Пярина, то он действительно зачислен в Закубанские поселяне под именем Максима Гостилова и отпущен по билету на заработки по 1 сентября 1836 г. При этом Анапское управление добавляло, что, хотя Пярин и "учинил признание о принадлежности своей во крестьянство помещицы Завальевской", а также показал и о прочих людях, принадлежащих ей и состоящих в Закубанском поселении, но никто из них не может быть возвращен помещице Завальевской, как люди уже состоящие в Закубанском поселении, Пярин же немедленно должен быть выпущен из-под стражи и отправлен в Анапу не в качестве арестанта. Воронежское губернское правление присоединилось к этой точке зрения и предписало суду освободить Пярина. И вот, возмущенная полковница Завальевская взывает к министру внутренних дел, чтобы Пярин "до окончательного исследования и решения по его делу был содержан под арестом и как вдвойне преступник подвергся законному осуждению тем более, что на решение этого дела вероятно устремлено внимание и других, подобных ему". Вместе с тем, Завальевская жаловалась, что "по случаю сих усиленных побегов она лишилась существенного дохода с имения, а взнесение за сих беглецов казенных повинностей и отправление рекрутской обязанности лежит за отсутствием их на прочих, что крайне обременительно, ибо лучшие и годные к службе люди скрылись, и что сия тягость будет лежать до новой ревизии".

Однако побеги упорно продолжались, как это видно из донесения старосты от 3 мая 1837 г.: "сего апреля с 24-го и по 3-ье число сего мая крестьяне ваши Алексей Аникеев, состоящий под № 82, со всем семейством, Демид Маторный, состоявший под № 80, сын Гаврила с сыном своим Павлом, Алексей Коблашев, состоящий под № 70, со всем семейством своим, Александр Жданов, состоящий под № 72, со всем семейством и т. д. и т. д. некоторые в ночное время, а некоторые днем, выехавши в поле, неизвестно куда бежали, кои по многим моим розыскам нигде не отысканы. А Николай Пярин, состоящий под № 39, собрался в ночное время со всем семейством, которые караульным усмотрены и придержаны, но вышеописанные Николай Пярин с сыном Михайлою вырвавшись, а оставшееся еще семейство Пярина ныне находится под караулом". Вероятно, потеря каждого из этих номеров больно уязвляла помещичьи сердца, так как знаменовала собой не только нарушение исчисления, но и убыль рабочей силы, притом наиболее активной и производительной. Правда, министр внутренних дел сделал распоряжение о розыске бежавших и о задержании и взятии под стражу Ивана Пярина, несмотря на требования Анапского управления о возврате, ибо по его мнению Пярин за свои действия должен быть предан суду на месте преступления (т. е. в Павловском уезде) и в пример другим подвергнут взысканию по всей строгости законов. Но все это пока мало помогало.

Насколько встревожены были помещики Павловского уезда, видно из записки поданной ими министру внутренних дел Блудову в мае 1837 года. Записка подписана всеми помещиками этого уезда, находившимися в тот момент в Петербурге. Она начинается с изложения уже известных нам фактов приписки в Анапе, выдачи билетов беглецам и возвращения их обратно в уезд, с намерением склонять крестьян, чему служит доказательством то, что "с прошедшего года побеги не уменьшились, но еще увеличились непомерным образом и что у крестьянина г-жи Мечниковой Мантуллы найдена копия с указа в Анапу, коею сии злонамеренные люди соблазняют явно к побегу легковерных крестьян. Побеги сии, превышая вероятие, угрожают опустошить помещичьи именья, на месте остаются только старики и младые, годный же народ для исправления рекрутской повинности бежит первый, запродав тайком скот и хлеб, а некоторые, обеспеченные в побеге фальшивыми паспортами, прямо отправляются на телегах в тройку лошадей. Остальные даже крестьяне, оставшиеся верными своему долгу и обязанностям, предвидя за скрытием очередных будущую участь своих детей, годных к службе, жалуясь управляющим на свою судьбу, наконец следуют соблазнительному примеру и, покидая некоторые со слезами

родную землю, увлеченные примером и желая скрыть детей от падающих на них за бежавших повинностей, бегут и повергают себя в погибель, а помещика в явное разорение. По последнему донесению управляющего имением г-жи тайной советницы Мечниковой в одну ночь сего апреля ушло сто душ вдруг". Далее идет изложение случая с Иваном Пяриным и возмущение против воронежского губернского правления, которое принудило освободить его из-под ареста, упустив из виду, что "для примера целого уезда и для успокоения волнения следовало бы обратить на него всю строгость законов, как на бунтовщика, пришедшего из Анапы нарушить общее спокойствие". Затем записка устанавливает, что "делатели фальшивых паспортов невероятно в оном уезде распространились и неуважение крестьян к местному начальству дошло до высшей степени, так что явно на степи был заготовленными каменьями при отбитии беглых до полусмерти избит атаман г-жи Мамоновой; сын же крестьянина вышеупомянутого Мантуллы, уличенный в делании фальшивых паспортов, ушел из рук земской полиции". В заключение помещики умоляли принять решительные меры борьбы с побегами, ибо иначе "и последнее повиновение крестьян исчезнет и явная погибель наших имений совершится".

Все эти сетования и жалобы встретили самый сочувственный отклик; Блудов обратился с конфиденциальным письмом к воронежскому губернатору: "Я совершенно уверен, что Вы, М. Г., постигаете вполне все вредные и может быть важные последствия, могущие произойти от означенных беспорядков, кои угрожают разорением помещичьих имений, совершенным расстройством хозяйства их и должны притом поселять некоторое беспокойство в умах, порождать ложные толки и возбуждать в крестьянах непокорность к нынешнему их начальству... По всем этим уважениям Ваше Превосходительство усмотрите, как необходимо принять ныне неотложные, решительные, самые строгие меры к немедленному прекращению означенных беспорядков, и какой ответственности должно подвергнуться местное начальство за допущение послабления в сем деле". И с высоты трона помещики услышали успокоительные слова, правда несколько испорченные заключительным аккордом. Каждому из них было об'явлено через посредство местной власти и под подписку, согласно высочайшей воле, что "со стороны правительства принимаются и будут приняты самые надежные меры к отвращению побегов крестьян их в Анапу; но что сего недостаточно, если они и с своей стороны не будут бдительным и благоразумным надзором и обращением с своими крестьянами предупреждать подобные побеги". В таких мягких и нерешительных выражениях Николай предлагал помещикам обратить внимание на внутреннее положение в их вотчинах, которое могло побуждать крестьян к побегам. Но, конечно, ни власть, ни сами помещики вовсе не были заинтересованы в том, чтобы взглянуть в самую глубину вопроса и найти истинную причину стремления крестьян к уходу из своих насиженных гнезд по первому зову извне. Поэтому, во всей оффициальной переписке вопрос этот замалчивается, и только изредка попадаются штрихи живой жизни, просачивающейся через толщу канцелярских отношений.

Жандармский полковник Коптев получил от воронежского губернатора поручение "обстоятельно разведать, что побудило крестьян к таковому побегу, кто именно виновные в подговоре их к оному и не были ли тому причиною притеснения и жестокое с ними обращение их помещиков". В донесении своем по этому поводу от 10 ноября 1834 г. Коптев, между прочим, говорит: "Самой главной побудительной причиной к таковым побегам должно смело полагать желание крестьян быть свободными" и далее: "Об'езжая вышеозначенные имения г-жи Мечниковой, малолетнего Горяинова, князя Щербатова и г-жи Луниной я имел возможность заметить, что вообще крестьяне сих имений находятся в большой бедности не только относительно хлеба, но и всякого имущества, ибо у некоторых из них, кроме одних изб, не видно никакого хозяйственного обзаведения. Земля, даваемая на тягла, в некоторых слободах минувшее лето мало обсеяна. Имения сии, исключая Луниной, состоят на оброке, который налагается по состоянию крестьян: у г-жи Мечниковой от 20 до 55 р. с тягла в год, у Горяинова от 20 до 60 р., у князя Щербатова от 30 до 55 руб., сверх того, срочные крестьяне должны обрабатывать еще земли по

10 сажен в каждом поле и убирать по нескольку сенокосных мест; таковые работы преимущественно производятся в имении малолетнего Горяинова, ибо у него есть свекловично-сахарный завод и, по большому числу засева свекловицы, почти все лето женщины занимаются обработкой оной; притом в имениях князя Щербатова и малолетнего Горяинова заметно также неудовольствие крестьян на обращение с ними управляющих теми имениями". По поводу того же имения князя Щербатова уже в 1837 году воронежский губернатор в одном из донесений высказывает мнение, что причина побегов таится в самом имении, которое "послужило примером всем прочим к сильным побегам, а 80 человек, о коих прописывает князь Щербатов, бежали из его имения, как говорят, не только в течение апреля месяца, но в течение суток или даже в одну ночь". Эти немногие строки, теряющиеся среди сотен листов, заполненных разговорами о приписке в Анапе и соблазнах легковерных крестьян, дают некоторое об'яснение, почему местом исхода являлись в это время именно указанные три уезда Воронежской губернии. Они позволяют предположить, что именно специфические условия данных имений обусловили усиленные побеги оттуда крестьян, непрекращавшиеся в течение десяти лет и ставшие массовыми в голодные, неурожайные годы.

Переходя к вопросу о направлении потока беглецов в Анапу, приходится остановиться на указе 22 марта (5 апреля) 1832 г. [1]), согласно которому местное начальство не должно было делать розыскания о паспортах тех лиц, которые являлись в Анапу для водворения, если они сами по расспросам не делали добровольного признания ни о прежнем звании своем, ни о времени и причинах, заставивших их удалиться от прежних обществ, или даже называли себя непомнящими родства. Поселенцам были предоставлены значительные льготы, а именно: освобождение на 25 лет от уплаты всяких податей и повинностей, свобода от воинских обязанностей, кроме собственной защиты от горцев, и право заниматься торговлей без каких бы то ни было взносов за это право. Предоставление таких льгот указывает на большую заинтересованность правительства в привлечении людей в Анапу. Наличность ее подтверждается и теми мотивами, которые приводились инициатором указа 5 апреля 1832 г.—главноуправляющим Грузии бароном Розеном. Для заселения северо-восточного берега Черного моря предполагалось переселить туда до 1000 семейств малороссийских казаков. Но учитывая трудности, сопряженные с переселениями, и связанные с ними громадные расходы казны, Розен предложил отложить переселение малороссов до надлежащего устройства Анапы и Геленджика; исходя же из необходимости утверждения русского влияния в западной части Кавказских гор и считая поэтому необходимым заселение русскими берега Черного моря, он нашел, что наиболее дешевым способом было бы разрешение селиться там всем желающим, с дарованием им свободы от податей и повинностей. Под желающими подразумевались прежде всего донские и черноморские казаки, затем казенные крестьяне и, наконец, бродяги, поскольку местное начальство не будет иметь достаточных оснований к положительному заключению о месте, откуда они удалились. При рассмотрении вопроса в комитете министров, возникло было опасение о последствиях издания такого указа, поскольку речь шла именно о бродягах. Однако, комитет нашел, что мера эта, хотя и могла быть опасной, если б ее огласить, т. к. тогда несомненно усилились бы побеги из соседних губерний и "самый край тот наводнился бы людьми бесполезными или вредными, отыскивающими в оном только приюта от законных преследований", но она может быть принята при условии, что положение об этом нигде не будет опубликовано и только преподастся к исполнению местного начальства. Кроме того, вряд ли можно было опасаться большого наплыва беглых в этот дикий край, не представлявший ничего привлекательного для переселенцев.

При взятии Анапы в последний раз у турок, 12 июня 1828 г., она находилась в самом жалком состоянии. Почти все каменные строения с земляными крышами были разбиты бомбами и ядрами, так что едва могли быть поддержаны для времен-

[1]) Второе полное собрание законов, № 5275.

ных жилищ, а все строения из турлука и землебитного кирпича представляли одни развалины. Всего в крепости насчитывалось до 50 домов и лавок [1]). Жизнь была поставлена на военную ногу. Это была первобытная обстановка военного лагеря в пустынной местности. Прежде всего поселенцам угрожал голод. Земли в окрестностях не обрабатывались и все предметы продовольствия ввозились. Особенно тяжелым стало положение в голодные, неурожайные годы (1833 и сл.), которые совпали к тому же с приливом поселенцев в Анапу. Продовольственный вопрос крайне обострился и цены на продукты сильно поднялись. К этому присоединялось полное отсутствие заработков. В самой крепости, недавно только занятой русскими войсками, не было надобности в вольных рабочих, потому что все население ее состояло из гарнизона и все работы исполнялись нижними чинами. Мирного соседства никакого не было, только одна русская граница, обозначаемая Кубанью, за которую с такими надеждами, с таким увлечением спешили эти переселенцы, была назади в 40 верстах. Переселенцы должны были терпеть первое время много тяжелых нужд и лишений. Правительство никак не могло ожидать внезапного наплыва такой массы переселенцев и не имело средств и возможности упрочить их водворение внутри или вне крепости, высылать же их было невозможно по неимению сведений о месте их жительства. Опасаясь голода, болезней и пр., Анапское начальство решилось с половины 1833 г., по просьбе некоторых холостых поселян, отпускать их для заработков по временным билетам в соседнюю землю черноморских казаков [2]). Впоследствии билеты для ухода на заработки стали выдаваться и семейным поселянам, которые оставляли свои семьи в Анапе или Джеметее, при этом не только в Черноморию, но даже и во внутренние губернии. Из предыдущего мы видели, какую роль сыграло Анапское начальство в усилении побегов помещичьих крестьян, выдавая билеты тем из поселенцев, чьи семьи оставались еще на родине. Значение этого факта отмечалось так единодушно, что в 1837 г. выдача каких бы то ни было разрешений на отлучку из Анапы была воспрещена. В результате поселенцам приходилось так или иначе зарабатывать на свою жизнь и приспособляться к местным условиям. Так как военные обстоятельства края не позволяли иметь достаточного количества земли для хлебопашества, то они занимались извозничеством между Анапой и Бугасом, рыболовством в Кизильташском лимане и мелочной торговлей, а некоторые нанимались на каботажные суда; но за всем тем очень многие терпели крайнюю нищету и вследствие перемены климата подвергались разным болезням [3]). Если ко всему сказанному прибавить ужасные жилищные условия, мы получим полную картину жизни в "обетованной земле", куда с закрытыми глазами устремлялись толпы беглецов.

Несмотря на такие неблагоприятные условия жизни, а может быть именно благодаря им, местное Анапское начальство, равно как и высшая власть на Кавказе, в лице барона Розена, упорно отстаивали право водворения там всех желающих. Потребности военной защиты, необходимость в притоке живой рабочей силы—на месте были ясней, чем в центре. Отсюда настойчивые требования Анапского управления о возврате помещичьих крестьян, уже приписанных в Анапе (дело Пярина), и отписки о несходстве примет Анапских поселенцев с беглыми крестьянами. Отсюда же настойчивое сопротивление Розена отмене указа 5 апреля 1832 г., как увидим ниже. Однако, отстаивая право всех зашедших в Анапу людей оставаться там на жительство, местные власти должны были все-таки позаботиться о том, чтобы дать им сносные условия существования. Такой выход из тупика Анапское управление видело в создании новых поселений за пределами Анапы. Правда, оно имело в виду "земли, прилегающие к Анапе и Джеметейскому укреплению, которые еще не вошли доныне в прочный состав владений наших" и поэтому "на первый случай могли быть подвергнуты некоторому хищничеству и грабежу еще не поко-

---

[1]) Новицкий. Анапа и Закубанские поселения (Записки Кавказского Отд. имп. русск. геогр. общества, 1853 г., кн. II).

[2]) Там же.

[3]) Там же.

ренных соседних племен", однако, оно надеялось, что при заселении этих земель всеми желающими, "поселяне приобретут существенные выгоды от обладания обильными местами, могущими вознаградить с избытком даже слабые их труды". Так или иначе, с большими трудностями и лишениями, но заселение края быстро шло вперед, замирялись соседние племена и борьба за существование выливалась в более культурные формы. И самую тяжелую часть этой работы по созданию русского поселения в полудикой и неприятельской стране, в самом центре мусульманской пропаганды, среди воинствующих закубанских племен, вынесли на своих плечах беглые помещичьи крестьяне. Многим из них пришлось жизнью расплатиться за свою свободу.

Центральная власть, хотя и заинтересованная в утверждении русского владычества на Кавказе, слишком чутко прислушивалась к жалобам помещиков, чтобы не употребить всех стараний для прекращения побегов в Анапу. Первая мысль, которая тут приходила в голову, относилась к указу 13 апреля 1833 г., приведенному в предыдущей главе, которым воспрещалась приписка бродяг к кавказским казакам. Казалось, что этот указ должен был применяться и за Кубанью. Блудов обратился к барону Розену с предложением распорядиться о немедленном приведении его в исполнение. Однако, Розен напомнил Блудову мотивы, по которым было принято постановление 22 марта (5 апреля) 1832 г., указав на то, что оно имело в виду исключительно наши закубанские владения и не имеет ничего общего с постановлениями о Кавказской Области, т. к. оба эти края совершенно различаются между собой как по гражданскому устройству, так и по географическому положению. Кавказская область и Черноморская отделяются от горских народов хребтом Кавказских гор и рекой Кубанью, они издавна населены русскими и управляются на основании общих российских законов. Благодаря безопасному положению Кавказской области, являлась возможность усиленного бродяжества на линии, и издание указа 13 апреля 1833 г. было только логическим выходом из положения. Закубанские же владения не сулят никаких удобств поселенцам, угрожаемые со всех сторон незамиренными горскими племенами. При таких условиях нельзя ожидать от позволения записывать бродяг в казаки тех последствий, которые были на линии; если привести в исполнение за Кубанью указ 13 апреля 1833 г., то не состоится желаемое государем заселение восточных берегов Черного моря. Несмотря на эти возражения, спор был решен в пользу дворянских интересов: 8 августа 1835 г. государь повелел: указ сената 13 апреля 1833 г., которым приписка бродяг к кавказским и астраханским казакам, а равно и ссылка их в Сибирь воспрещена, распространить и на Закубанские провинции.

Указ дошел до Анапского управления 27 октября 1835 г., с какого времени и должна была окончательно прекратиться приписка беспаспортных людей в Анапе. Что касается всех приписанных до этого времени помещичьих и казенных крестьян, то их положение было окончательно оформлено высочайшим повелением от июня 1836 г., согласно которому они были обращены в состав охранительной стражи, в виде казачьего полка, и таким образом навсегда избавились от угрозы возврата к помещикам. Издание указа 1835 г. не остановило, однако, тяги помещичьих крестьян в Анапу. Побеги продолжались, и Анапское управление не знало, как примирить интересы жизни с требованиями законности. Не решаясь совершить прямого нарушения закона и приписывать в поселение осаждающих Анапу пришельцев, оно создало какое-то промежуточное положение, не причисляя их в поселяне и не отказывая в том, но отнюдь не применяя к ним указа 1833 г. о сдаче бродяг в солдаты или арестантские роты. Мотивировало оно свои действия тем, что указ 1833 г. относится только до бродяг, непомнящих родства, а люди, являющиеся для поселения в Анапу без письменных видов, показывают свои звания и места прежнего жительства. Барон Розен предписал, чтобы покончить с этим неопределенным положением, впредь (с апреля 1836 г.) производить приписку только тех людей свободного состояния, которые представят плакатные паспорта, и то не иначе, как каждый раз с особого его разрешения, к остальным же применять указ 13 апреля 1833 г. Что же касается уже прибывших для причисления бродяг, которых набра-

лось к тому времени до 500 человек, их судьба была разрешена высочайшим повелением не в пользу помещичьих крестьян: причислению подлежали только те, которые имели письменные виды и принадлежали казне, а помещичьи крестьяне, о которых поступили требования, подлежали возврату на родину через местную полицию. После этих категорических предписаний приписка окончательно прекратилась, если не считать небольшого числа душ, причисленных по 1837 год к прежде записавшимся в поселяне по близкому родству. Но после этого времени и причисление родственников подведено было под общие правила [1]).

Перед правительством стал еще вопрос о вознаграждении помещиков за тех из крепостных, которые не подлежали возвращению, а вместе с тем надо было точно установить, кто из беглых крестьян мог быть отнесен в эту группу. Вопрос был разрешен двумя положениями комитета министров от 9 сентября 1837 г. и 25 января (4 марта) 1838 г. [2]), которыми устанавливалось, что возврату не подлежат все зашедшие за Кубань, и водворенные там беглые помещичьи крестьяне, а также дети их, родившиеся до причисления родителей в поселяне. За них должно быть уплачено вознаграждение при условии, если требования от помещиков, с ясными о принадлежности их доказательствами, поступят в течение двух лет со дня опубликования настоящего указа (т. е. до 4 марта 1840 г.). Что касается размера вознаграждения, то он был установлен в сумме 250 р. (71 р. $42^6/_7$ к. сер.) — за душу мужского пола, 100 р. (28 р. 57¼ к. сер.)—за душу женского пола, 125 р. (35 р. 71¾ к. сер.)—за мальчиков по достижении ими 14 лет и 50 р. (14 р. $28^4/_7$ к. сер.)—за девочек по достижении ими 14 лет. Такая же плата полагалась за детей, имевших 4 марта 1838 г. более 14 лет, но недостигших совершеннолетия [3]).

Такое разрешение вопроса не удовлетворило, однако, Розена, который продолжал настаивать на необходимости заселения берегов Черного моря. На ряду с "водворенными" была многочисленная группа еще не окончательно водворенных, но уже приписанных к Закубанским селениям; они подлежали высылке на родину, а потому Розен предлагал выдать вознаграждение помещикам за всех зачисленных в поселяне по ноябрь 1835 г. Центральная власть упорствовала, но требования жизни и настойчивость Кавказского начальства одержали верх. В 1844 г. начальник Черноморской береговой линии Будберг возбудил вопрос о невозвращении на места и выдаче вознаграждения за причисленных после 1835 г. Оказалось, что почти все крестьяне, о которых были своевременно заявлены требования помещиками, причислены в 1836, 1837, 1838 и 1839 г.г. (330 душ мужского пола и 285 женского, из коих только 48 были водворены до ноября 1835 г.). Министр финансов нашел невозможным принять на счет казны этот крупный расход: за крестьян, зачисленных и водворенных до 20 ноября 1835 г. (до воспрещения приписки), следовало уплатить 17,351 руб., за зачисленных после этого времени—6.057 руб., за незачисленных, но оставленных в поселении, как принадлежащих к семьям зачисленных—957 р.—всего 24.365 р. Тогда кавказское начальство предложило отнести 15.689 р. за счет Анапского винного откупа и лишь остальное за счет казны. Правительство из'явило согласие. В 1849 г. расчеты с помещиками были закончены. Высочайше утвержденным положением Кавказского комитета было постановлено: опубликовать, что за окончательным рассмотрением всех претензий о крепостных людях, зашедших в Закубанские поселения до марта 1840 г., никакие иски и претензии о подобных людях приниматься не будут. За крепостных, зашедших после этого времени и оставленных там по принадлежности к семействам поселян, вознаграждение выдается на тех же основаниях из сумм Анапского откупа, при условии, если иск пред'явлен в течение годового срока. Вместе с тем

---

1) Для прекращения побегов в Анапу были приняты разнообразные административные меры, аналогичные с теми, которые были установлены для предотвращения побегов на Кавказскую линию.

2) Св. Зак. т. IX, ст. 957, п. 5.

3) Это постановление повторяет буквально указы 9 ноября 1827 г. и 8 августа 1828 г. о возвращении беглых из Бессарабии и Новороссийского Края (см. след. главу).

был разрешен существенный вопрос об оставшихся у помещиков женах и детях Закубанских поселян. Жены безусловно подлежали отсылке к мужьям с уплатой за них вознаграждения на тех же основаниях, как и за самих поселян. Дети же, как мужского, так и женского пола, могли быть присоединены к отцам и матерям лишь при согласии на то владельцев и с вознаграждением последних за счет самих поселян по соглашению.

III.

Побеги в Бессарабию.

Побеги в Бессарабию носили несколько иной характер, чем побеги на Кавказ. Они не имели такого массового характера и не были приурочены к определенному моменту, но совершались постоянно и неуклонно в течение десятков лет. Еще в 18 веке, при турецко-татарском владычестве, Бессарабия была излюбленным местом устремления различных элементов, терпевших притеснения у себя на родине, потому что здесь они встречали сравнительную справедливость и веротерпимость. Русский народ уходил в Бессарабию, чтобы избавиться от ненавистных панов, так как, находясь под турецкой властью, он мог свободно заниматься земледелием и торговлей и "никакой паша не мог там сделать последнему мужику того, что делалось в польских местностях и селениях крестьянину". В начале 19-го века в Бессарабию переселилось из России много раскольников-старообрядцев и сектантов, уходивших туда от религиозных преследований; этот путь проложен был еще за сто лет до того русскими казаками раскольниками-некрасовцами, которые селились в устьях Дуная. Среди различных элементов, принявших участие в колонизации Бессарабии, одно из первых мест занимают беглые русские люди, спасавшиеся кто от невыносимой барщины, кто от рекрутчины, кто от религиозных притеснений или кары закона за преступления. Наплыв их начался с первых лет 19-го столетия, еще до присоединения Бессарабии к России. Со времени же ее присоединения, в 1812 году, он еще более увеличился, чему особенно содействовало дозволение беглым, прибывшим в Бессарабию до подписания Бухарестского договора, безусловно оставаться в Бессарабии. Несмотря на ряд указов и инструкций, изданных в Александровскую эпоху, сводившихся к тому, что беглые должны высылаться обратно и впредь не должны приниматься в Бессарабии, побеги туда не прекращались. Возвращению на родину не подлежали лишь те, которые зашли туда до 1812 г., а также те, которые, водворившись, женились на туземке, от брака с туземкой прижили детей и занимаются ремеслами [1]). Это основание для оставления в Бессарабии фигурирует всюду на ряду с легальным правом и красной нитью проходит через все законодательные и административные мероприятия правительства. 9 ноября 1827 г. и 8 августа 1828 г. вышли два указа, которые легализировали положение всех без исключения беглецов, устанавливая новый срок—15 сентября 1828 г., до которого все беглые и бродяги имели право приписываться к помещикам и в казенных селениях Бессарабии. Вместе с тем помещикам, лишившимся крепостных, предоставлено было право на денежную компенсацию, при условии если они отыскали своих крестьян или отыщут их в течение двухлетнего срока после издания указа 1827 г. За каждую душу мужского пола причиталось 250 р., за женскую 100 р. Деньги эти взыскивались с помещиков или казенных селений, принявших беглецов. В случае неплатежа, бродяги подлежали возврату вместе с детьми. 15 марта 1832 г. эти указы были дополнены постановлением о праве приписки и оставлении в Бессарабии жен и детей до 14 летнего возраста, пришедших к беглым, водворившимся там, на основании этих указов. За детей мужского пола помещикам выдавалось 125 руб., женского пола 50 р., при тех же условиях и на тех же основаниях, как

[1]) П. Н. Батюшков. Бессарабия. Историческое описание.

по указу 1827 г. Постановление относилось и к тем семьям, которые будут открыты впоследствии, т. е. после 15 марта 1832 года. Приток беглых продолжался и после издания всех этих постановлений, несмотря на усиленный розыск и высылку их, начатые в 1834 г., когда на должность Бессарабского губернатора назначен был энергичный генерал-майор Федоров. При нем было выслано в Россию от 35 до 48 тысяч бродяг. Однако, и при нем наплыв беглецов в Бессарабию не прекращался до самого падения крепостного права. И в этом нет ничего удивительного, если принять во внимание, что устремление сюда беглецов не обусловливалось каким нибудь специальным постановлением, как это было при побегах на Кавказскую линию и в Анапу, а являлось традицией, освещенной веками. Притом условия жизни, которые беглецы находили в Бессарабии, гораздо больше соответствовали их навыкам и психике, чем жизнь военного лагеря на Кавказе. Здесь они приписывались к помещикам или казенным поселениям, но не попадали в крепостную зависимость. Отношения крестьян к землевладельцам были добровольными и очень неопределенными; правительство начало регулировать их только с 1834 г., когда было повелено всем землевладельцам непременно заключать с живущими на их землях крестьянами (царанами), по добровольному обоюдному согласию, письменные условия, определяющие подробно и точно их взаимные друг к другу права и обязанности. Но так как царане уклонялись от заключения таких условий и стремились перечислиться из поселян в мещане, то правительство впоследствии нашло нужным составить в 1846 г. нормальный контракт, которым определялись все права землевладельцев и поселян, с соблюдением обоюдных выгод тех и других [1]). Таким образом, крепостные крестьяне находили здесь, вместе с относительной свободой, и привычные условия жизни. Если прибавить к этому затруднительность поимки беглых на путях к Бессарабии, в силу ее особых географических и иных условий, мы поймем, что побеги туда не могли прекратиться при всем желании правительства. И ему поневоле приходилось от времени до времени, на ряду с высылкой беглых и запретами их приписки, легализировать все новые и новые группы зашедших в Бессарабию без всякого легального основания людей, только в силу давности их пребывания там.

В сентябре 1838 г. дворянство Херсонской губернии "признало необходимым повергнуть к стопам его императорского величества свою верноподданническую просьбу и просить милостивого благоуважения непосредственно у самого престола" о принятии мер к возврату бежавших в Бессарабию крестьян и к пресечению дальнейших туда побегов [2]). Прошение это, скрепленное подписями более, чем 90 представителей местного дворянства, констатирует, что "побеги крестьян в Херсонской губернии более и более увеличиваются, так что у некоторых помещиков, а в особенности в близ лежащих уездах к Бессарабской области, по 8-ой ревизии (1835 года) убыль в крестьянах последовала на половину и более, и помещики обязаны были к своему конечному разорению платить государственные повинности за всех бежавших; что бродяги, отвыкая от всякого трудолюбия, предаются разврату, доходят до нищеты и вынуждаются заниматься воровством, которое увеличилось неимоверно, так что в продолжении года не иначе должно считать, как тысячами, покражу скота и лошадей и прочих вещей; а нравственный разврат доходит до того, что бродяги без всякого зазрения совести, оставляя своих жен и детей, женятся на других, а иногда по несколько раз, оставленные же ими жены также предаются разврату; что главнейший повод к бродяжничеству происходит оттого, что во многих городах и казенных селениях без всякого опасения приписывают бродяг на место умерших и в особенности сие делается в Измаильском градоначальстве; что бродяги, отыскав приют, имеют дерзость являться тайно в имения своих помещиков, вывозят свои семейства и стараются привлечь туда и

---

[1]) Батюшков. Бессарабия.

[2]) Архив министерства внутр. дел, департ. полиции исполн. 1838 г., дело № 1045 „По представлению испр. должн. Новоросс. и Бессар. ген.-губ. о принятии мер к отвращению побегов крестьян из Херсонской губ. в Бессарабск. Обл., а также о записанных там беглых людях".

других своих товарищей, через что и лучшие хозяева, быв обольщены ими и преднамерившись к побегу, не радят о хлебопашестве, расточают свое имущество и, впадая в нищету, принимаются за законопротивные средства; что многие поверенные, посылаемые помещиками для отыскания беглых, подвергаются опасностям жизни от обществ, принявших их, и что наконец многие бродяги переходят даже в пределы Турции, и оттуда, чрез малое время возвращаясь, получают виды, как иностранные выходцы, и тем приобретают право на избрание по произволу своему рода жизни; другие же бродяги, об'явившие себя непомнящими родства и быв негодны к военной службе, поступая в арестантские роты, умышленно скрывают имя свое, а часто и преступления, чтобы, пробыв в арестантской роте 10 лет и потом получив совершенно свободу, могли предаться праздношатательству и впоследствии может быть возбудят зависть в прежних своих товарищах, оставшихся в крестьянстве у помещиков". Далее дворяне указывают на недостаточность тех мер, которые приняты были для возвращения беглых местным Бессарабским начальством. В г. Измаиле образована была комиссия для открытия беглецов, неправильно приписанных по последней 8-й ревизии в 1835 г. Комиссия обнаружила несколько тысяч таких людей и, в виду невозможности высылки их в зимнее время на родину, выдала им временные виды. Некоторые помещики после того отправили туда, для отыскания своих крепостных, поверенных, по указанию которых многие бродяги были преданы суду за перемену имен. Однако, суд выпустил их на поруки обывателям. В результате "многие из них изыскали способ к новому для себя укрывательству, другие же, предвидя, что рано или поздно они могут быть возвращены на прежние свои жительства, бежали за Дунай и оттуда возвращаются, показывая себя одни выходцами, а другие—принадлежащими некрасовцам и бывшему Запорожскому, а ныне Азовскому войску". В заключение помещики указывают ряд мер, которые им кажутся целесообразными.

Ответом на это обращение херсонского дворянства явилось постановление комитета министров от 16 мая 1839 г. Согласно этому постановлению, беглые крестьяне, открытые помещиками в Бессарабии, подлежали возвращению на прежнее жительство и телесному наказанию, в пример другим, по возвращении на место. Помещикам предоставлены были все способы для отыскания беглых: они могли посылать в Бессарабию именные списки, а также специальных поверенных, которым местные власти должны были оказывать всяческое содействие, в случае же нужды могли получать открытые листы на отыскание своих крестьян. Впрочем, не все из отысканных крестьян подлежали возвращению. Исключение сделано было для четырех категорий лиц, при том далеко не малочисленных. Прежде всего, возврату не подлежали все приписанные до 15 сентября 1828 г., а также пришедшие к ним жены и дети (до 14 лет). Права этих двух групп основывались на вполне категорических постановлениях законов. Третья категория состояла из лиц, успевших, хотя бы и подложно, причислиться окончательно в свободное состояние по истечении упомянутого законного срока. Их право основывалось на общем положении, что "крепостное состояние, однажды прекратившееся, восстановлено быть не может, и получивший свободу не может быть обращен в крепость" [1]). Наибольший интерес представляет, однако, четвертая категория, не имевшая для обоснования своего права никакого титула, кроме давности. Эта группа состояла из лиц, которые "хотя и не приписались еще окончательно к какому-либо свободному состоянию, но с давнего уже времени поселились в Бессарабии, приобрели там прочную оседлость, обзавелись хозяйством и вошли в родственные связи с коренными обывателями. Мотивом для оставления на месте этой группы лиц послужило то соображение, что "таких людей едва ли можно считать ныне бродягами, и высылка их из настоящих мест жительства, где они водворены с давних пор, а некоторые уже более 20 лет, расстроив их благосостояние, может сверх того быть тягостна и для обществ, в которых они водворились и которым приносят без сомнения пользу своими занятиями и промышленностью".

---

[1]) Свод законов о состояниях, ст. 687.

В видах предупреждения побегов, принят был ряд административных мер, аналогичных тем, которые применялись при побегах за Кубань. Лишь одна из этих мер носила специфический местный характер и вызвана была установившимся в Бессарабии обыкновением приписывать беглецов к городским и сельским обществам на места умерших под именами последних. Для пресечения этого поставлено было в обязанность местному духовенству сообщать полиции обо всех умерших в течение года мещанах и крестьянах. Но, повторяем, несмотря на эти меры и энергичный розыск и высылку беглых, побеги не прекращались. В донесении от марта 1840 г. говорится: "но все сие весьма медленно ведет к предположенной цели, ибо высылаемые бродяги вскоре заменяются новыми, прибывающими беспрерывно из России и не только по одиночке, но даже целыми партиями. 11-го февраля прибыли в Кишинев разного пола и возраста 49 душ русских крестьян с повозками нагруженными разными пожитками и провизией, которые, будучи задержаны, все оказались беглыми из Калужской губернии крестьянами, принадлежащими разным тамошним помещикам и частью ведомству государственных имуществ. По обыску найдены у них билеты, писанные самым грубым почерком, некоторые же хоть и пред'явили плакатные паспорта, но также фальшивые. Описанный случай беспрепятственного прохода бродяг в Бессарабию из центра России есть уже не первый и служит доказательством упущения полицейских властей, допускающих явно и беспрепятственно переходить целыми партиями через расстояние более 1000 верст".

Одна из причин, препятствовавших борьбе с побегами, заключалась в географических и отчасти экономических условиях Бессарабии. Побеги легче всего было пресечь, загородив все пути и не давая беглецам пробираться до места. Но именно этот способ—устройство застав и кордонов—был неприменим к Бессарабии, в виду того, что она "по географическому положению находится совершенно открытою по всему протяжению реки Днестра: бродяги редко ходят главными трактами, а, если узнают о заставах, то ни один не пойдет через этот пункт, где может быть пойман, и проберется боковыми путями, которых весьма много—зимою по льду через Днестр, а летом в брод в мелководных местах этой реки". Являясь, таким образом, совершенно бесполезными для борьбы с побегами, заставы в то же время должны были принести большой вред в экономическом отношении, стесняя торговые и промышленные сношения Бессарабии с Херсонской и Подольской губерниями, "ибо известно, что всякая остановка влечет за собой расходы и отнимает у простолюдина охоту заниматься своим делом. Особенно люди, промышляющие здесь извозами и известные под названием чумаков, готовы отказаться от своего занятия, если будут встречать какие-либо остановки на пути". Бороться с побегами путем устройства кордонов было нецелесообразно еще и по той причине, что, тогда как побеги на линию и в Анапу "возникли вдруг и крестьяне начали стремиться туда целыми толпами, побеги крестьян в Бессарабию, начавшиеся с давнего времени, совершались постепенно, мало-по-малу и как бы незаметным образом". Из всего этого следовало, что внимание должно быть устремлено исключительно на места исхода и на положение в самой Бессарабии. Последнее, однако, внушало мало надежд, так как сила долголетней традиции мешала искоренению бродяжничества в этой области, которая "быв в прежнее время убежищем для бродяг, стекавшихся туда из разных внутренних губерний России, остается и доселе в понятии простолюдинов страною, свободною для безотчетного водворения. Сверх того, бродяги, преследуемые повсюду по Бессарабии, не находя для себя пристанища и привлекаемые мнимою свободою в смежных турецких владениях, решаются не только на тайные, но и на насильственные переходы за границу, и поставляют тем в самое затруднительное положение пограничную стражу, которая, как уже неоднократно случалось, будучи не в состоянии удержать их обыкновенными средствами, должна была употреблять оружие".

Безрезультатность борьбы при условии, что высылаемые из Бессарабии бродяги тотчас же сменялись вновь пришедшими, заставила Новороссийского и Бессарабского генерал-губернатора коснуться, наконец, основной и наиболее глубокой причины побегов. "По моему мнению, писал он, причин, побуждающих крестьян

к побегу, надобно искать вне Бессарабии, и как многолетние опыты показывают, что бродяги бывают почти исключительно из помещичьих крестьян внутренних губерний, то я думаю, не дают ли сами владельцы поводов к таковым побегам или жестоким с крестьянами обращением и непомерными налогами или другими стеснениями. Из губерний Новороссийского края равномерно бывали побеги помещичьих крестьян в Бессарабию, но давно уже почти совершенно прекратились при бдительном надзоре местных властей за действиями самих владельцев".

Невозможность быстро уловить беглецов в пределах Бессарабской области и неопределенность их положения в течение долгих лет ставила правительство в большое затруднение и приносила прямой убыток казне, т. к. эти элементы оказывались, помимо их желания, невключенными в податное обложение. Приходилось снова и снова прибегать к изданию законов, легализировавших status quo. В 1840 г. такой закон был издан специально для Измаильского градоначальства, а 24 февраля 1842 г. [1]) он был распространен на всю Бессарабскую область. Высочайшее повеление 24 сентября 1840 г. [2]) устанавливает приблизительно те же правила, что и постановление 16 мая 1839 г. о лицах, приобревших оседлость в Бессарабии, определяя новый срок для их приписки—шесть месяцев со дня об'явления постановления.

9-ая ревизия, имевшая место в 1850 г., т. е. через 15 лет после 8-ой, снова поставила вопрос о бродягах, как вовсе неприписанных до этого времени, так и неправильно записанных по 8-ой ревизии. Самый устав о производстве переписи заключал в себе пункт, который мог повести к усилению бродяжничества и породить "ложные слухи". Это был § 7 устава, согласно которому следовало вносить в списки и те семейства и лиц, которые "поныне нигде не прописаны и кои не должны опасаться никакого нарекания за то, что нигде не были зачислены, но по собственному их избранию будут приняты, как добрые сообщественники, в кругу их товарищей, к сословию коих они приищутся...". Вызвав ряд запросов с мест, параграф был раз'яснен в том смысле, что он относится только к коренным жителям области и не предоставляет права вводить там в ревизию беглых и беспаспортных людей. Исключение было сделано, однако, для всех бродяг, которые были в виду местных начальств при производстве там ревизии в 1835 г. и приобрели оседлость и обзавелись хозяйством, "дабы и далее не оставались без определительного звания и без платежа податей". Пропуск шестимесячного срока, предоставленного этим лицам для приписки указом 24 сентября 1840 г. и 24 февраля 1842 г., не был поставлен им в вину, т. к. распоряжение о приписке этих лиц в указанный срок "относилось не до них, а до местного областного начальства". Таким образом, в 9-ую ревизию были занесены уже на легальном основании все зашедшие в Бессарабию за 15 и более лет до ее производства. Таких оказалось 102 семьи. Однако, в 1854 г. состоялось новое постановление о причислении еще одной группы лиц из Аккерманского уезда, состоявшей из 130 семейств, зашедших в Бессарабию не позже 1845 года. Так, на протяжении десятилетий, приходилось законодательству санкционировать явления, к искоренению которых оно стремилось. А между тем за всеми этими скучными и однообразными постановлениями пульсировала, полная тревог и страданий, человеческая жизнь. В течение бесконечно долгих лет люди жили под гнетом страшной мысли снова потерять свою свободу и вернуться к прежним условиям существования. Они жили, как на вулкане, всегда готовые к катастрофе, которая могла ввергнуть их в могилу старого рабства. И все-таки они продолжали возводить на зыбкой почве фундамент для новой жизни, в то же время пытаясь укрепить его оффициальным признанием их права.

У помещицы Фон-Шрейдер из Александровского уезда Херсонской губернии бежал крестьянин Онуфрий Киктенко. Когда собственно этот Киктенко (он же Сорочка, он же Рубашка) зашел в пределы Бессарабии, из дела не видно. Во всяком случае очень давно, ибо он принадлежал к числу тех, которые должны были при-

---

[1]) Свод Законов, т. IX, ст. 957, прим. 2.
[2]) Св. зак. Устав о паспортах, т. XIV, ст. 629.

писаться по постановлению 24 февраля 1842 г. в шестимесячный срок к одному из казенных поселений Бессарабии. Но так как дело по его розыску помещицей поступило в суд 5 февраля 1842 г., т. е. до издания означенного указа, он пропустил срок приписки и остался в неопределенном положении. И вот, с этого времени начинается переписка между ведомствами, которая заканчивается только в 1855 году. В течение всех этих долгих лет судьба Киктенко висит на волоске, пока ведомства спорят о том, вменить ли ему в вину пропущенный срок. Живет Киктенко в селении Плахтеевке, где уже давно купил себе дом за 12 р. серебром; с ним живет его сын Иван, с которым они вместе бежали из именья; сын этот женат на дочери местного государственного крестьянина и имеет с нею двоих детей. Но приобретенное им имущество, по оценке земского суда на 200 р. ассигнациями, все было забрано помещицею Фон-Шрейдер в 1841 г. и дом был ею же продан. Первая катастрофа разразилась, но Киктенко не падает духом и начинает сначала. Он снова обзаводится хозяйством и домом, где живет с своим сыном и его семейством, занимаясь хлебопашеством и скотоводством в селении за определенную обществом плату. Помещица Фон-Шрейдер продолжает, однако, настаивать на возвращении ей ее живой собственности. Онуфрий Киктенко обязывается вознаградить ее, если окажется нужным, но с зачетом забранного ею имущества. В течение 13 лет дамоклов меч висит над головой Киктенко, пока наконец в 1855 году дело не разрешается в его пользу, но при условии, если он вознаградит помещицу, без всякого намека на зачет уже полученного ею (при отсутствии законных оснований) возмещения.

Дело Киктенко не единичный случай. 86-ти летний Ткаченко, за которого общество отказалось платить и имущество которого уже забрано, как и в предыдущем случае помещиком, с ужасом пишет, что общество, отказываясь от него, предоставляет взять его, изнеможенного старца, владельцу на отработки или ссылку в арестантские роты, и что он "как воспользовавшись однажды из крестьянства свободою, будучи причислен в мещане, за каковую свободу приговорен был к телесному наказанию, едва ли теперь подлежит вновь рабству помещика". И много таких стонов и жалоб доносится до нас из-за монотонных строк, выписанных четким канцелярским почерком.

В литературе по крестьянскому вопросу побеги помещичьих крестьян обычно причисляются к пассивным формам протестов, на ряду с самоубийствами и в противовес крестьянским бунтам, поджогам имений и насилиям над помещиками. Однако, вряд ли можно вполне согласиться с этой терминологией. Много мужества и усилий требовалось беглецам прежде, чем они добирались до своей цели, и еще больше—пока им удавалось упорной борьбой за существование в условиях первобытной культуры, часто с оружием в руках, добиться сносной жизни. Если прибавить к этому смертность в чуждом климате, болезни, острог, телесное наказание и тоску неизвестности за будущее,—мы оценим весь ужас крепостного гнета, за освобождение от которого уплачивалась такая высокая цена.

Елена Коц.

Условия труда рабочих при постройке С.-Петербурго-Московской жел. дороги[1].

Главноуправляющий путями сообщения граф Клейнмихель в июле 1850 года находился в командировке в Курской губернии. В Петербурге его замещал член совета главного управления инженер, генерал-лейтенант Готман. Последнему были даны инструкции, чтобы по делам, не терпящим отлагательства, он делал необходимое исполнение сам, а в чрезвычайных случаях доводил до сведения Николая I. Рапортам от 9 июля начальника полицейского управления железной дороги жандармского полковника барона Тизенгаузена о побегах рабочих[2]) он не придал значения и в порядке обычных дел направил их с курьером Клейнмихелю в Курскую губернию. Однако на последнего эти рапорты произвели ошеломляющее впечатление. Готман получил от него выговор за то, что не обратил на это дело должного внимания. Ему приказано было осведомить об этом деле Николая I и назначить чрезвычайное расследование.

Тизенгаузен сообщил следующее[3]): "5 числа сего месяца в 10 часов утра сбежали с пункта работ при р. Алешинко, Новгородской губернии, Валдайского уезда, рабочие Витебской губернии, Полоцкого уезда в числе 80 человек по невыдаче им подрядчиками Кузьминым и К°. 1 числа июля заработной платы и что корпуса жандармов поручик Анисимов с унтер-офицером Семенцом и приказчиком подрядчиков Мошенским, отправился за ними в погоню, настигнув их в 15-ти верстах, где они расположились отдыхать, начал убеждать их возвратиться на место работ, об'явив при том, что деньги будут тотчас им выданы, но все рабочие, вооруженные дубинками, крикнув ура, двинулись вперед, увидев же, что Анисимов их преследует, свернули в болото. Между тем, поручик Анисимов, оставшись на дороге в лесу, успел остановить старосту артели, уговаривал его убедить рабочих возвратиться, но они, увидев своего старосту, стоявшего у тарантаса, закричали ему: ты нам изменил—и бросясь к нему, сбили с ног и начали жестоко его бить. Когда Анисимов, видя такое ожесточение рабочих, хотел остановить это буйство, то в это самое время один из них нанес ему столь сильный удар дубиною, что он упал без чувств, и вся артель закричала: выпрячь лошадей, побьем всех их, но унтер-офицер Семенец и ямщик, поспешно подняв Анисимова и положа в тарантас, уехали в деревню Едрово, где Анисимову сделано было кровопускание. О происшествии этом известили местного станового пристава для принятия нужных мер к удержанию артели. Один из рабочих, пойманный приказчиком Мошенским, показал, что он был послан от артели к другой, находящейся близ деревни Кузнецовой, для об'явления ей, что они уже бежали и чтобы они так же не мешкали, но как они

---

[1]) Ср. Д. Каргин. Рабочие на постройке Петерб.-Московской жел. дороги. (Архив истории труда в России, кн. третья).

[2]) Архив Путей Сообщения. Дело № 2675/8233. 1850 г. Канц. Деп. ж. д. Упр Путей Сообщения и Публ. Зданий. „О крестьянах Витебской губ., бежавших с работ".

[3]) Краткое содержание приведено в № 3 „Архива истории труда в России".

не приняли этого предложения, то он, возвратясь на работу и не застав уже своей артели, отправился их догонять, и что бежавшая артель должна идти на г. Осташков, почему полковник Виланд приказал Мошенскому ехать туда для удержания артели с тем, чтобы он, в случае неуспеха, употребил старание захватить по крайней мере замеченного в лицо, одним только им, главного зачинщика, нанесшего удар Анисимову. Сообщив вместе с сим г.г. гражданским губернаторам: Новгородскому, Тверскому, Псковскому и Витебскому о приостановлении означенной артели рабочих и о возвращении их на место работ Валдайского уезда в деревню Кузнецово, с задержанием зачинщика в остроге,—честь имею донести о сем Вашему Сиятельству. Для отвращения же на будущее время подобного буйства, имею честь покорнейше просить Ваше Сиятельство о производстве над преступником, посягавшим на жизнь поручика Анисимова, военного суда и о наказании его на линии железной дороги, при собрании рабочих с каждой артели по несколько человек".

В другом рапорте говорилось о побеге крестьян Жиздринского уезда с другого уже участка работ. В третьем рапорте испрашивалось разрешение командировать подкрепление из 50 жандармов для водворения порядка.

Расследование было поручено начальнику штаба корпуса путей сообщения Мясоедову. Выбор этот Клейнмихель сделал удачно. Мясоедов должен был немедленно отправиться на линию работ "исследовать происшествие, открыть причину и всех виновных и удостовериться, получают ли рабочие следуемую им плату". Расследование осветило, как самое событие, так, главным образом, общие условия, в которых находился труд рабочих.

Обсуждение самого случая, равно и общих условий, послуживших причиной волнений, затянулось на долгие годы [4]). Этим делом заинтересовались многие: вмешалось министерство государственных имуществ, 3 отделение собственной е. в. канцелярии, московский генерал-губернатор,—но воз не двигался с места. Уже прямые участники и свидетели сошли со сцены: Тизенгаузена сменил Дурново, Николай I умер, С.-Петербургско - Московская жел. дор. отстроилась, стала уже Николаевской ж. д.; сам Клейнмихель был заменен Чевкиным, наконец, дело за давностью заглохло само собою в 1856 году.

Между тем, Мясоедов уже через $2\frac{1}{2}$ недели со дня поручения ему дела представил весьма серьезное расследование и одного этого документа, дополненного текстом нормального договора подрядчиков с рабочими было бы достаточно, чтобы выяснить вполне исчерпывающе истинные причины недовольства рабочих. Однако события шли своим чередом и вместо радикального лечения началась бюрократическая волокита. Интересно отметить, что другие ведомства ближе принимали интересы рабочих. Министерство государственных имуществ назначило совместно с путейским расследование дела, но его явно тормозил Тизенгаузен и оно так и не осуществилось. Даже московский генерал-губернатор князь Голицын стал на сторону сбежавших рабочих,—выдал им аванс по 30 коп. и вынудил подрядчиков уплатить рабочим хоть часть недоданных денег, а Клейнмихелю он пытался (декабрь 1850 г.) выяснить истинные причины волнений. Какая-то была особая атмосфера в ведомстве путей сообщения, говорившая о системе выжимания соков из рабочих, в каковой системе взятка играла главную роль.

Рассмотрим ближе выводы Мясоедова [5]), предварительно ознакомившись с нормальным контрактом, который заключался между подрядчиком и рабочими.

Нормальный контракт или "кондиции" с рабочими не фиксировали самого главного—заработной платы. Таковая плата устанавливалась добавочным к кондиции контрактом особо с каждой артелью рабочих. Плата эта определялась по соглашению. Согласно кондиций, период работ обычно определялся от 1 мая по 1 ноября,

---

[4]) Виновник нанесения удара, один из безвестных крестьян, Давыдов, забытый сидел в остроге и только через два года сам Николай I, обратив на него внимание, приказал кончить дело немедленно, что и было исполнено преданием Давыдова военному суду.

[5]) Служебный рапорт Мясоедова Готману, заместителю Клейнмихеля, и конфиденциальная записка, посланная непосредственно Клейнмихелю.

“если погода не воспрепятствует, в противном же случае подрядчики имеют право расчитать и ранее, не производя плату за остальные дни до срока, по расчету”. Время в пути до места работ и обратно относится за счет рабочих. За дождливые дни плата рабочим не производится; продовольствие выдается. Рабочие принудительно об’единяются в артели; навязывается круговая порука друг за друга. За неявку к началу работ, прогулы, пьянство и самовольную отлучку во время работы на артель накладывается штраф за каждого виновного по 50 коп. сер. в день, а за умерших в пути и не явившихся вовсе за болезнью вычитаются с артели задатки. Рабочий прикрепляется к артели и самовольный переход его в другую артель штрафуется, как прогул.

Случаи болезни и смерти во время работ обставлены следующим образом: “Если кто из рабочих сделается болен (чего Боже сохрани), то подрядчики обязаны его пользовать таким порядком, какой будет установлен для всех вообще артелей, вычитая с больного за продовольствие на харчи 15 коп. и за медикаменты, со времени поступления в лазарет, 5 коп. сер. в сутки и платы за те дни по расчету не полагать. Но если кто из рабочих волею Божию помрет, не отработав задаточных и забранных им денег, то таковые вычесть из общей суммы, причитающейся на артель: равным образом, кто по роду болезни и другим несчастным случаям, сделается вовсе к работе неспособным и выданных ему как задаток, равно и забранных во время работ денег не отработает, то по увольнении его с работы, оставшиеся на нем по расчету в долгу деньги также вычесть из общей суммы на артель за работы причитающейся или за него оные отработать. Вообще во всех случаях, в коих будут следовать с рабочих вычеты, они отвечают друг за друга круговою порукою”.

Нормы выработки и продолжительность рабочего дня и отдыха формулированы так: “Рабочие обязаны выходить на работы с рассветом дня и производить оные по урочно. Каждый рабочий в один день должен выкопать земли и отвести расстоянием: а) обыкновенного грунта—песку, глины, материка и подобных им от 5 до 25 пог. саж. две трети, от 25 до 50 половину, куб. саж.; б) крепкого грунта от 5 до 25 половину, от 25 до 50 одну треть, и в) щебенистого грунта от 5 до 25 одну треть, от 25 до 50 одну четверть. Если же расстояние будет дальше 50 пог. саж., то убавлять урока соразмерно прибавки расстояния по качествам грунтов, через каждые 10 пог. саж., именно: за 60 пог. саж. вместо 50/100 куб. саж.; 45/100 за 70 саж.; 40/100 за 80; 35/100 за 90 саж. 30/100, и 100 саж.—25/100. Те же из рабочих, которые будут поставлены особо для планировки земляного полотна и откосов, обязаны вырабатывать по (столько-то) кв. саж. на человека в день, по указанию прикащика. Если кто из рабочих выработает, т. е. выкопает и отвезет земли, более определенного урока, то подрядчики обязаны при расчете зачесть излишек за недоработку, а у кого таковой не окажется тому платить за каждую лишнюю сажень, в первых грунтах, означенных литерою а, с отвозкою оной на расстояние до 50 погонных сажен включительно, особо сверх установленной платы по 70 коп. сер.; во втором—крепком грунте—по 90 коп. сер.; а в третьем—щебенистом—с тою же отвозкою по 1 рублю 10 коп. сер.; при отвозке до 25 саж. плату полагать по расчету—с вышеуказанным расстоянием—за отвозку же далее сего расстояния—платить рабочему на каждые 10 погонных сажен за кубическую сажень земли по 3 коп. сер. Рабочим полагается со вступления в работу до 15 августа на обед и отдых времени 2 часа; при завтраке и паужине отдыха не иметь с половины же августа и после обеда отдыха не полагается”. Недоработка определенных норм влечет усиленный вычет по нормам уплат за излишне выработанное количество.

Во главе каждой артели поставлен старшина для наблюдения ”за нравственностью и успехами своих рабочих“, за что ему полагалась особая плата.

Продовольственный паек в кондициях определен так: ”Продовольствие, или харчи рабочим людям, без различия вероисповеданий, назначаются следующие: в постные дни: кашица и каша с постным маслом полагая то и другое круп 10 фунтов и масла 1 фунт на 10 человек; в скоромные дни кашица с говядиною свежею,

или соленою на каждого человека в сыром ее весе по $3/4$ фунта в день и каша с постным маслом. Хлеба ржаного досыта; но продавать и разбрасывать хлеб, оставшийся от стола, рабочим воспрещается, под опасением взыскания по 10 к. сер. за фунт и в штраф за каждый раз по рублю серебром".

Платье и обувь собственные. Помещение—"балаганы, бараки или землянки"—от подрядчиков. За утерянный инструмент вычитается заготовительная стоимость. Нетрезвое состояние и "непослушание" штрафуются по 50 коп. сер. По требованию начальства рабочие не имеют права отказаться работать в праздники или ночное время за плату 25 коп. сер. в день или ночь. Переходы рабочих в 35 верст считаются за рабочий будничный день.

Мясоедов, кратко излагая [6]) общие причины, вызывающие недовольство рабочих, отмечает непомерно большие уроки, превышающие нормы урочного положения; плохое качество пищи; обмеры выполненных уроков; неполучение заработной платы; недостаток в рубахах и обуви; тягостная принудительная круговая порука; спекуляции помещиков, управляющих и волостных правлений на труде крепостных или государственных подневольных крестьян; подневольная отработка неуплаченных податей; тайный уговор подрядчиков с бурмистрами; покровительство подрядчикам палат государственных имуществ. Главная же причина недовольства рабочих—неплатеж денег.

При одной и той же тягости работ свободный рабочий всегда устраивается выгоднее. Подрядчики предпочитают крепостных, так как бывают случаи, что из-за "темных денег" (взяток) сельские власти принуждали своих крестьян подписывать тягостные условия; помещик же выговаривал себе получение всех вообще денег, причитающихся его крестьянам, оставляя им лишь по 50 копеек на все расходы, на весь период работ в течение шести месяцев.

Сравнение договорных норм выработки с нормами урочного положения:

	По контракту:	По урочному положению:
	р а б о	ч и х.
1) На выкопку 1 куб. саж. земли полагается:		
а) обыкновенного грунта, песку, глины, материка и т. п. с отвозкою:		
от 5 до 25 пог. саж.	1½	2,87
„ 25 „ 50 „ „	2	3,45
б) крепкого грунта с отвозкою:		
от 5 до 25 пог. саж.	2	5,21
„ 25 „ 50 „ „	3	5,79
в) щебенистого грунта с отвозкою:		
от 5 до 25 пог. саж.	3	6,71
„ 25 „ 50 „ „	4	7,29
Выкопка с отвозкою далее 100 саж.	3	5,46
В среднем	2,58	5,22

[6]) В конфиденциальной записке Клейнмихелю Мясоедов изложил свои взгляды и соображения с широкой государственной точки зрения, затронув такие вопросы: Влияние государственных работ на страну в смысле развития промышленности. Статистические данные о квалификации труда по губерниям, вознаграждение за труд разной квалификации, способность населения выставить определенную рабочую силу. Причины недостатка рабочих рук—некредитоспособность государства и низкая оплата труда. Быт крепостных и свободных рабочих. Заботы правительства об улучшении условий труда. Роль подрядчиков, как организаторов труда и роль государства, как охранителя труда. Способ найма свободных рабочих и крепостных.

Иначе говоря, работа задавалась в два раза более норм урочного положения, в котором физические силы человека расчитаны на вес груза тележки в шесть пудов. Таким образом, жалобы рабочих на тягостность уроков—не безосновательны. Расчет говорит, что для выполнения условий контракта рабочий должен потратить 6 часов на выкопку 666 пуд. земли, т. е. ежеминутно нагружать тачку двумя пудами, не считая усилия на самое копание. Остальные 6 часов должен возить по 12 пудов вместо законных 6 пудов. Ежедневные обмеры работ с дробными частями недоступны пониманию необразованного крестьянина и влекут злоупотребления со стороны приказчиков.

Средний заработок за 6 месяцев: пайщиков 35 руб. сер. и равняльщиков 17 р. 50 коп. Для экстренных работ приходилось нанимать вольных рабочих за более высокую плату; неравномерность вознаграждения возбуждала справедливый ропот законтрактованных рабочих.

Штрафы за "лежалые" дни болезни определены в 20 коп. Стоимость же лечения подрядчику обходилась только в 10 коп. При дневном заработке "пайщика" (основного члена артели) 19½ коп. сер. и равняльщика и крючника 9¾ коп. вычеты по 20 коп. в день разоряли рабочих, если болезнь затягивалась. Эта угроза заставляла работать до тех пор, пока рабочий не сваливался с ног. При легких заболеваниях рабочие избегали врачебной помощи, боясь, что врач положит в лазарет и тем навлечет на них вычеты.

Ненормальность кондиций заключается и в том, что вместо воспрещения работать по праздникам, подрядчикам предоставлено право принуждать к работе за ничтожную плату.

Злоупотребления происходили и на почве выдачи вещевого довольствия с зачетом стоимости в заработок. За неимением денег рабочий вынуждался брать вещи по цене более высокой, чем рыночная, например: сапоги за 1 р. 30 к.—1 р. 50 к., вместо 60 коп.—70 коп.; полушубки 3 р.—4 р. вместо 1 руб. 50 коп.—2 р. и др. Это также уменьшало общий заработок. Подрядчики с невинным лицом говорили, что это делается по добровольному соглашению, а отнюдь не по принуждению.

Еще ненормальность в кондициях: с одной стороны право подрядчиков налагать штрафы за неявку, прогулы, отлучку и пьянство рабочих, а с другой стороны, неответственность их за задержку расчета с рабочими, иногда до месяца, без компенсации за потерянное время. При задержке уплат выдавались особые квитанции, которые переучитывались торговцами с потерей рабочими 20%.

Принудительное соединение круговой порукой случайных лиц налагало на артель обязанность отрабатывать уроки или уплачивать непосильный штраф за массовые побеги сочленов артели, что иногда влекло за собою для исправных членов артели учетверенные тяготы. Приведем расчет заработка.

	Пайщики.		Равняльщики и крючники.	
	Приход.	Расход.	Приход.	Расход.
Плата за 6 месяцев	35 р.	—	17 р. 50 к.	—
а) Дождливые дни, считая не более 6 за 6 месяцев	—	1 р. 40 к.	—	— р. 70 к.
б) Паспорт	—	1 р. 43 к.	—	1 р. 43 к.
в) Дорога на работу и обратно	—	3 р.	—	3 р.
г) 2 пары сапог	—	1 р. 40 к.	—	1 р. 40 к.
д) Полушубок	—	2 р.	—	—
е) Рукавицы и белье	—	1 р.	—	1 р.
ж) Казенные подати	—	6 р.	—	6 р.
Итого	35 р.	16 р. 23 к.	17 р. 50 к.	15 р. 53 к.
Остается	18 р. 77 к.		1 р. 97 к.	

Это в лучшем случае, считая покупки на вольном рынке, а не получение вещей от подрядчика, исправное выполнение уроков, почти полное отсутствие дождей, абсолютное здоровье. Обычно же рабочие оставались должны подрядчику.

Сопоставляя все совокупное действие тягот, не надо удивляться, что рабочие, несмотря на ожидавшее их жестокое наказание, бегали с работ.

Фактически нормальный договор являлся в руках подрядчиков прекрасным аппаратом для раззорения рабочих. К чему же приводило обращение с жалобами к властям? Жандармы усматривали в каждой из них бунт. Рабочий Давыдов был наказан 10 ударами розог за выражение недовольства пищей. Один жандарм дал по 80 ударов 80 человекам из партии в 728 рабочих, т. е. применил "обычную" расправу с десятым из толпы. К этим условиям добавлялось организованное спаивание рабочих водкой.

Заключение, к которому пришел Мясоедов, сводится к следующему: доверие к государственным работам среди рабочих падает; "заботы" правительства об улучшении положения рабочих вооружают последних против правительства; государство испытывает недостаток рабочей силы; разорение рабочих приостанавливает промышленность и развитие торговли; об'яснение подрядчиков невыполнения работ из-за недостатка рабочих рук является отговоркой,—притеснения отпугивают рабочий народ; подрядчик поставлен в безвыходное положение контрактом с правительством, от которого он получает за человеко-день 35 коп. при себестоимости работ в 38½ коп. серебром.

Меры, рекомендуемые Мясоедовым, сводились к следующему: охрана труда рабочих; соблюдение норм урочного положения; добровольное об'единение в артели с круговой порукой; контроль правительства за выплатой денег рабочим; улучшение пищи; уничтожение монополии подрядчиков по продаже рабочим вещей, разрешение свободной продажи вдоль линии жел. дороги; установление рабочей инспекции.

Вот какими словами закончил свою глубоко-продуманную записку Мясоедов: "Русский человек, по вере к Богу и царю, весьма терпелив, и надобно сделать ему через-чур много жестокого, чтобы он подумал ослушаться хотя временной власти, над ним поставленной, а потому и в настоящем деле, мне порученном, я обвиняю подрядчиков и те власти, кои безусловно, из денег, поручают им своих рабочих".

Только в декабре 1850 года по этой записке был сделан Департаментом жел. дорог доклад Клейнмихелю, после чего она была направлена в Совет Главного Управления путей сообщения и публ. зданий, где и пролежала до 1855 года, когда Совет удосужился рассмотреть ее вместе с письмом московского генерал-губернатора и вынести некоторые постановления, из которых самое главное то, что за окончанием работ по сооружению петербурго-московской жел. дороги никаких распоряжений уже не требуется.

Расследование, произведенное Мясоедовым, рисует те бытовые условия, окружавшие рабочего, в которых созидались первые наши железные дороги. Поэт Некрасов, под свежим впечатлением очевидцев, вложил в уста рабочих следующие слова:

"Мы надрывались под зноем под холодом,
"С вечно согнутой спиной,
"Жили в землянках, боролися с голодом,
"Мерзли и мокли, болели цынгой.
"Грабили нас грамотеи-десятники,
"Секло начальство, давила нужда...
"Все претерпели мы, Божии ратники,
"Мирные дети труда.

Д. Каргин.

Сельская школа после крестьянской реформы.

I.

Эпоха великих реформ, затронув все стороны государственной и общественной жизни, не могла не коснуться и дела народного образования. И правительство и общество и отдельные лица, захваченные порывом преобразовательного движения, отдали свой труд и энергию на выработку общих положений, долженствующих лечь в основу строительства по образованию народа. Особенное внимание было обращено на крестьянское население, выходящее из крепостной зависимости и приобретающее права свободных граждан. Уже при самом начале своей работы редакционные комиссии возбудили вопрос о сельских школах и свои соображения по этому предмету передали, вслед за обнародованием Положения о крестьянах 19 февраля 1861 г., министру народного просвещения Ковалевскому. В министерстве был образован особый комитет для "начертания общего плана устройства элементарных школ". Наравне с правительством и общество, в лице своих лучших деятелей и педагогов, с воодушевлением отдалось работе в области народного образования: "По самому существу своему вопрос о народном образовании выдвинулся на первый план. Во всех отраслях воспитательного и образовательного дела выяснилась потребность не частных улучшений, а общего обновления" [1]).

Но было бы большою ошибкою думать, что грань, отделяющая дореформенную от новой России, резко и сразу положила особый отпечаток на школу пореформенную. Еще долгое время сельской школе пришлось пользоваться тяжелым наследием дореформенного времени. "Та школа, которая называется ныне земской народной школой, говорит Каптерев, есть результат многообразного народно-общественного творчества. В основе ее лежит, без всякого сомнения, старинная дьячковская школа, созданная мастерами грамоты и поныне еще существующая кое-где в глуши, особенно же среди старообрядческого населения, например, в Пермской губернии. Из частной школы, существовавшей в силу частного договора между родителями ученика и учителем-мастером, она превратилась в общественную сельскую школу, содержимую сельским обществом. Эта сельская общественная школа была весьма плоха и бедна, с неподготовленным, мало образованным учителем и без учебных пособий, ютившаяся в сторожке или в обыкновенной крестьянской избе. От старинной дьячковской школы она ушла недалеко. Но вот явился новый школьный орган—земство—и мало-по-малу вошел в школьное дело. Сельско-общественная школа постепенно превратилась в крестьянско-земскую, потом в земскую почти всецело по источникам содержания и земско-общественную по своей внутренней педагогической организации, приданной ей общественниками-педагогами. Таким образом, в настоящей земской народной школе мы можем различать целый ряд напластований народно-общественного творчества по преимуществу массового, народного, когда она была всецело в руках народа, и творчества личного, лучших людей, когда она попала в руки земств и отдельных педагогов" [2]).

---

[1]) Татищев. Имп. Александр II, том 2.

[2]) Каптерев. История русской педагогики (1915).

В этих строках сжато и схематично представлен исторический ход развития сельской школы. Если обратиться к источникам, дающим материал для представления о сельской школе вскоре же после крестьянской реформы 1861 года, то получится картина, ничем не отличающаяся от дореформенного времени.—Сельская школа до крестьянской реформы, отданная под покровительство помещиков и самих сельских обществ, проявляла слабую жизнедеятельность. И в хозяйственном и в педагогическом отношении она была оборудована плохо; учителями были люди совершенно случайные, далекие от знания элементарной педагогии; крестьяне к школе относились равнодушно, так как никто не заботился пробудить интерес у них к делу образования, а самим им, без посторонней поддержки, трудно было проявить сочувствие к школе, да притом еще такой, которая имела чисто практическую цель "готовить волостных и сельских писарей, столь ненавидимых народом, фельдшеров и землемерских помощников" [3]). Лучшими учителями тогда могли бы, при желании, быть лица духовного сословия, но они почти не отдавались этому делу, будучи отвлечены своими прямыми обязанностями службы и чувствуя мало склонности к занятиям этого рода.

С момента освобождения крестьян правительством были приняты меры к открытию как можно большего количества школ. Без плана и руководящих начал правительство, в лице министерства внутренних дел, циркулярно предписывало мировым посредникам "принять меры в устройстве сельских школ советами и раз'яснением крестьянам пользы от обучения грамоты" [4]). Самое же устройство и открытие в селениях школ ставилось в зависимость от усмотрения крестьянского общества. Отсюда происходили такие явления: школы открывались целыми массами, но обеспечение их и постановка дела преподавания в них зависели от случайных обстоятельств. Или само общество, под влиянием воздействия на него со стороны мирового посредника, заботливо относилось к школе и давало ей возможность сравнительно сносно существовать; или просвещенный помещик принимал на себя расходы по оборудованию школы; или частные лица, преимущественно из молодежи, да, наконец, и духовенство, в лице лучших своих представителей, обучали детей в школе грамоте. Но там, где не было такой отзывчивости, дело образования строилось по рутине и шаблону и школы часто числились лишь на бумаге.

Примеры указанных явлений можно привести в достаточном количестве.

Случалось, что целые общества возбуждали ходатайство об открытии сельских училищ, беря на себя всю заботу о содержании их. Так, временно-обязанные крестьяне Михайловской волости, Славяносербского уезда, Екатеринославской губернии, составили в августе 1861 года приговор: в память освобождения из крепостной зависимости, построить и открыть на счет общества училище, для обучения детей грамоте и церковному пению [5]). Временно-обязанные крестьяне, поселенные на землях графини Бобринской, Владимирской губернии, Вязниковского уезда, в Холуйской слободе, представили мировому посреднику приговор о желании "устроить средства к первоначальному образованию крестьянских детей". "Священник Тихвинской церкви в селе Холуе и из дворян коллежский регистратор Брызгалов, служащий волостным писарем этой волости, из'явили готовность давать безвозмездно уроки в предполагаемой к учреждению школе" [6]). Ходатайства эти были удовлетворены, но министерство внутренних дел раз'яснило, что впредь открытие школ должно зависеть от Губернского по крестьянским делам Присутствия, "дабы преподавание Закона Божия принимал на себя кто-либо из священников, а обучение чтению и письму и первым правилам арифметики было поручаемо как священникам, так и другим лицам. С особенным же удобством такое обучение может возлагаться на волостных писарей, как одно из условий найма их в должности волост-

---

[3]) С. Миропольский. Школа и государство. Обязательность обучения в России.

[4]) Архив министерства внутр. дел, земский отдел, 3 отд. 1861 г., дело № 188 „О сельских школах, открытых духовенством при приходских церквах", ч. I-ая.

[5]) Архив м-ва внутр. дел, земский отдел, дело № 162, 1861 г.

[6]) Там же 1861 г., дело № 153.

ных писарей". Губернское же Присутствие обязано сообщать об открываемых школах для надзора за преподаванием местному директору училищ.

Такой дуализм власти над сельскою школою об'ясняется тем, что до выработки положения о народном образовании в пореформенное время (14 июля 1864 г.) сельские школы находились под действием устава о приходских училищах 1828 года, согласно которого "в помещичьих имениях приходские училища вверялись просвещенной и благонамеренной попечительности самих помещиков" [7]. С освобождением же крестьян такая "благонамеренная", а в действительности полицейская, попечительность переходила к органам министерства внутренних дел— Губернским по крестьянским делам Присутствиям. Надзор же за педагогическою деятельностью оставался попрежнему у директора училищ.

Министерство охотно поручало дело обучения волостным писарям, не считаясь с тем, "имеют ли они способность обучать", как требовалось уставом 1828 года. При погоне за количественным успехом в деле насаждения образования среди крестьян и при отсутствии настоящих учителей волостной писарь считался самым подходящим для этой цели лицом, тем более, что он удовлетворял и с точки зрения политической благонадежности. Вообще, полицейская точка зрения на сельскую школу в первоначальное по освобождении крестьян время была не чужда очень многим представителям власти. Так, начальник Забайкальской области в всеподданнейшем отчете за 1861 год говорит: "Неудобно было бы возложить надзор за учреждением и действием народных училищ грамотности на министерство народного просвещения. Училища грамотности не есть собственно училища, где преподаются науки, требующие помощи министерства, в котором сосредоточены научные средства. Народные училища грамотности суть скорее учреждения, относящиеся к домашнему благоустройству, и в этом смысле они прямо должны быть подчинены ведению полиции и, следовательно, министерству внутренних дел" [8].

Целый ряд сельских школ по разным губерниям содержался на средства владельцев [9]) имений, безвозмездно предоставлявших и самые помещения для школ. Среди них встречались и такие лица, которые сами занимались обучением детей. В губернаторском отчете по Московской губернии указывалось, что "лица образованных классов из молодежи с такою любовью занимаются с детьми, что последние полюбили их, заметно сделались вежливее, мягче нравами, развитее и стараются быть прилежными, чтобы не огорчить своих наставников". Из отчета же за 1862 год по Екатеринославской губернии мы узнаем, что "самому успешному открытию школ содействовало также и сельское духовенство, отозвавшееся на безвозмездное преподавание в них".

Не имея под руками сведений об общем числе сельских школ, открытых по губерниям отдельными классами общества, возьмем данные по Московской губернии, основанные на губернаторском отчете по 1 марта 1862 года. Всего школ числилось 44, из коих 26 открыты до обнародования Положения о крестьянах и 18— после. Из них открыто: помещиками—16; церковным причтом—12; по приговору сельских обществ—10; волостными старшинами—4; при фабрике—1; волостными писарями—1. В них обучалось 1012 мальчиков и 119 девочек. Общее число временно-обязанных крестьян значилось: мужчин 202.569; женщин—215.932, таким образом один учащийся приходился на 201 мужчин и 1814 женщин (в уездах Богородском, Коломенском и Рузском не было ни одной школы). Относительно открытой волостным писарем школы в отчете сказано: "волостной писарь Подольского уезда временно-отпускной рядовой Латышев обучает крестьян без всякой платы единственно для общего блага". Также и четыре сельские школы в Можайском уезде "содержатся на собственный счет волостного старшины".

---

[7]) Пругавин. Законы и справочные сведения по начальному народному образованию (1904 г.).

[8]) Дело м-ва внутр. дел, земский отд. 1861 г., № 188, ч. 1-я.

[9]) Там же, ч.ч. 1 и 2. Прк последующем изложении мы пользуемся материалами этого дела.

Что же представляла собою сельская школа первого времени после освобождения крестьян? Мы уже видели, что в самом начале 60 годов, еще до школьной реформы, заботы об образовании крестьян были возложены главным образом на помещиков и духовенство — этих "естественных опекунов народа". Однако, несмотря на большое, сравнительно, количество открытых школ, нельзя сказать, чтобы возникновение их находилось в зависимости от действительной преданности этому делу со стороны указанных сословий. Помещики, за немногими исключениями, открывали школы, чтобы показать свое рвение и преданность школьному делу, которое в большинстве их совершенно не интересовало. Открытые ими школы вскоре же переходили в ведение сельских обществ, причем "многие из таких школ, учрежденных помещиками и ими не поддерживаемых, были закрыты крестьянами, не имевшими ни средств, ни желания их содержать" [10]). Холодность духовенства к делу народного образования, недостаток у него времени на эти занятия были общеизвестным фактом. Школ, в массе показанных открытыми, в действительности вовсе не было, а существовавшие ютились по церковным караулкам и домам священников, плохо посещаемые или совсем не посещаемые учениками. О таких школах участник школьной реформы 1864 года В. Куломзин говорит следующее: "сначала народ в эти школы с радостью посылал детей, но вскоре он разочаровался: священники и церковно-служители, вместо учения, иногда заставляли детей колоть дрова, возить воду и корм скотине, вообще прислуживать по дому, учение шло вяло, за детьми присмотра не было никакого; школы опустели за весьма немногими исключениями" [11]).

Главный контингент учащихся в школах состоял из детей временно-обязанных крестьян, преимущественно, мальчиков. Но в некоторых школах, как например в Подольском уезде, Московской губернии, в сельце Михайловском, "в школе, открытой помещиком, обучались дети всех сословий", или в Климовицком уезде, Могилевской губернии, в одной из сельских школ "учились дворяне". В фабричных районах, как например, в Бронницком уезде, Московской губернии, "в одной из школ обучались как крестьяне, вышедшие из крепостной зависимости, так и прочих состояний, находящихся на фабрике".

Учение начиналось по окончании полевых работ, приблизительно, с Покрова, т. е. 2 октября, и прекращалось перед страстною неделею, т. е. в такой круг времени, когда крестьяне были свободны от полевых работ и не требовалось им помощи со стороны детей.

Учитель школы того времени не представлял собою ничего типичного и однообразного. Состав учителей был необыкновенно разнороден и порою поражает своим совершенным несоответствием званию учителя. О какой-либо специальной подготовке к учительскому делу в то время и речи быть не могло. "В начале 60-х годов мы слышим, что даже в Комитете грамотности (Петербургском), при обсуждении способов возможно дешевле обучать народ, раздавались голоса за обучение через волостных писарей, через солдат" [12]). Что же было можно ожидать от среднего обывателя, в большинстве оффициально "приставленного" к делу насаждения образования. Все почти делалось из расчета на дешевое и даровое обучение. Самыми подходящими учителями были священники и дьяконы, но они, как мы не раз отмечали, в огромном большинстве случаев отдавались нелюбимому ими делу сухо и неохотно. В школе, открытой в конце 1861 года священником села Сметанина, Яранского уезда, Вятской губернии, "под руководством его обучает мальчиков в своем доме рядовой Колесников с платою за каждого ученика по 2 рубля серебром". Попадались, правда, и примеры преданности со стороны священников делу просвещения, но очень редко. В Мышкинском уезде, Ярославской губернии, в селе Архангельском, (1862 год), на счет священника Воскресенского была открыта и содержалась школа, в которой обучением занимался он сам при помощи нанятого им

---

[10]) Д. Протопопов. История СПБургского Комитета грамотности. (1893 г.).
[11]) П. Милюков. Очерки по истории русской культуры, ч. 2.
[12]) Д. Протопопов. История Петерб. Комитета грамотности.

окончившего курс семинарии студента. В числе учителей состояли, как например, по Владимирской губернии, “окончившие курс духовной семинарии, волостные писаря, а также лица женского пола из духовного звания“. По Херсонской губернии— “три священника, один австрийский подданный, два мещанина и поселянин и два волостных писаря“. Любопытен состав учителей по Забайкальской области; здесь имеются: казаки старожилы; казаки малолетки; казачьи девицы; отставные чиновники; лица духовного звания, купеческого и мещанского; поселяне губернского ведомства; уволенные нижние чины горного ведомства; ясачные инородцы; отставные солдаты и отставной почтальон”. Подобная компания учителей вполне подходяща в Забайкальской области, начальник которой в 1862 году доносил министру внутренних дел: ”Вверив обучение детей в народном училище светскому преподавателю, должно возложить на него и обучение на память, без толкования; об'яснение же следует предоставить приходскому священнику. По краткости времени, конечно, священник не будет иметь возможности обучить многому, но многое и не требуется; если народ будет уметь читать, то книги духовного содержания дадут ему возможность приобрести то, чего он не мог получить в училище”.

Обучение было дешевое, труд учителя вознаграждался недорого. Плата учителю в месяц, со всех учеников, большой школы—рублей 14, средней—8 р. 5 коп., меньшей—2 руб. 10 копеек. С одного ученика приходилось от 14 копеек до 1 руб. 10 копеек в месяц.

Учебные пособия: книги, бумагу и проч. им давали отзывчиво относившиеся к школе помещики, священники, члены сельских обществ или приобретали сами родители, а иногда покупались ”на счет церковных сумм“.

Общий план обучения и занятий был указан в положении об училищах 1828 года, но, конечно, от этого плана отступали, да собственно никакого определенного плана и программ в описываемое нами время не было и быть не могло. В отчете по Пермской губернии за 1862 год говорится: “мальчики обучаются в воскресенье и праздничные дни, после утрени до обедни, молитвам, грамоте, письму, пению и счетам“ и далее: ”девочки посещают класс три раза в неделю: в понедельник, среду, пятницу; обучаются Закону Божию, грамоте, письму, рукоделию и пению“.

Имеются и некоторые указания о книгах, по коим происходило первоначальное обучение. В Забайкалье для училищ грамотности было отпечатано при войсковой типографии в Чите в продолжение двух лет, более 8 тысяч экземпляров азбуки, ценой 5 копеек за экземпляр; для чтения была составлена книжка в два печатных листа, под заглавием ”О мироздании“, заключающая вкратце математическую и физическую географию: отпечатанная в числе 3 тысяч экзепляров, она продавалась по 15 копеек. Составлялись там и другие книжки для чтения, как-то: Священная история, История России, Современное состояние России в географическом и статистическом отношении, Основные и гражданские законы Империи, арифметика.

”Невеселую картину состояния народного образования дает отчет по С.-Петербургскому Комитету грамотности за первые годы после освобождения крестьян, основанный на сообщениях многих корреспондентов,—говорит исследователь истории Комитета Протопопов: “методы обучения грамоте были устаревшие и на обучение чтению тратилось до трех лет. Дети томились, а родители видели в этом одну трату времени. Кроме того, холодность духовенства к делу народного образования, недостаток у него времени на эти занятия, невозможность найти других учителей: совершенный недостаток книг, дорогая их цена и даже невозможность достать их местами и в губернских городах; везде отсутствие между книгопродавцами и даже местными преподавателями знакомства с лучшими руководствами и облегченными методами передачи грамоты, одним словом недостаток денег, неимение книг, учителей, даже указаний, где и что приобрести можно и полезно, вот те препятствия, с которыми приходилось бороться лицам, сочувствующим потребности образования и желавшим учить или помогать обучению своими денежными средствами“.

Таков ”скорбный лист“, строки которого ясно рисуют безотрадное положение сельской школы на переломе старой и новой России, в период времени, непосредственно следовавший за обнародованием положения 19 февраля 1861 года.—Школа

эта продолжала еще жить старою дореформенною жизнью, когда образование ведалось казенными местами и их канцеляриями, когда не были вызваны к самодеятельности ни общество, ни передовые деятели его. Но постепенно наладилась общая работа по постановке начальной школы на правильный путь. Отдельные лица, педагоги и общественные деятели занялись разработкою педагогических вопросов "не по казенной надобности и за жалованье, а в силу призвания"[13]. Педагогические общества, Комитеты грамотности пошли навстречу практическим требованиям школы—высылали с 1861 года книги для школьного образования, открывали воскресные школы, учреждали школы для подготовки учителей. Правительство не могло оставаться в стороне от этого движения и хотя уже с 1862 года оно начало применять репрессии, будучи недовольно сильным проявлением общественного интереса к делу народного образования [14] (напр., закрытие повелением 10 июня 1862 года воскресной школы в Петербурге), тем не менее оно силою вещей вступило на путь школьной реформы.

II.

1864-й год был знаменательною датою в истории русского общества и просвещения. 1 января было обнародовано Положение о земских учреждениях, являвшееся необходимым последствием крестьянской реформы и отвечавшее запросам общества на самоуправление. Полгода спустя—14 июля было издано Положение о начальном народном образовании, давшее вместе с Положением о земских учреждениях населению "земских губерний" возможность взять дело народного образования в свои руки. "С этой поры появляется у нас на сцену общественная школа, немедленно же занявшая центральное место во всем последующем развитии школьного дела, несмотря на то, что внешние условия, в которых приходилось работать в области народного образования земству и другим органам местного самоуправления, были крайне неблагоприятны" [15].

Министр народного просвещения Головнин правильно подметил настроение общества, видевшего успех народного образования в дружной работе правительства и общественных организаций, и в проекте положения о народных училищах он указал на то, что если в дореформенное время образование всех классов общества было предоставлено системе казенных училищ, на содержание коих по всем ведомствам тратились значительные суммы, то система эта, еще до некоторой степени возможная для училищ высших и специальных, несостоятельна в отношении народных школ, для развития коих необходима "совокупная и, по возможности, свободная деятельность правительства, духовенства, общин и частных лиц" [16]. Эту мысль развил, при обсуждении в государственном совете проекта о земских учреждениях б. министр народного просвещения Ковалевский, признававший необходимым предоставить земским учреждениям, как общественным организациям, заботу о народном образовании: распространение народного образования должно составлять одну из самых существенных обязанностей земских учреждений и "стоять, по крайней мере, на одном уровне с народным продовольствием, благотворительными заведениями и попечением о распространении торговли и промышленности". У нас, продолжал Ковалевский, обращали все внимание на высшие учебные заведения, отчасти на средние; собственно же народные школы оставались в пренебрежении. "От этого наш храм просвещения, если смотреть на него прямо, представляет позолоченную крышу, довольно красивые стены, но самый зыбкий фундамент; конечно, такие здания не могут быть прочны"; этим устанавливается поразительно неравномерное

---

13) Каптерев. История русской педагогии.

14) Д. Протопопов. История СПБ. Комитета грамотности.

15) Фальборк и Чарнолуский. Народное образование в России.

16) Архив государств. совета, департамент законов, 1863 г. дело № 66; 1864 г.—дело № 23. При дальнейшем изложении хода законодательных работ по народному образованию мы пользуемся материалами этих дел.

распространение образования в разных слоях общества, а также и то, что так трудно приискать между крестьянами людей, способных для судебных и административных дел, им вверяемых, и затруднение это еще более увеличится, когда наступит время избирать между крестьянами депутатов в члены земских собраний и присяжных в будущие наши суды; между тем, среди крестьян обнаруживается "сильное стремление к грамоте—первой ступени образования". Отметив в заключение, что правительство, по состоянию финансов, не может учреждать рационально образованные народные школы, Ковалевский указал на необходимость, чтобы общество, как во всех странах Европы, приняло деятельное в этом участие, сколько для воспособления правительству в финансовом отношении, столь же для развития в самом себе начал самоуправления в хозяйственном смысле и возбуждения энергии к общественным делам, "уснувшей от беспрерывно и везде продолжавшейся над ним опеки, породившей в нем апатию и привычку возлагать все на правительство". По всем этим соображениям Ковалевский предложил всецело возложить наблюдение за начальным образованием на земские учреждения.

Однако, такая точка зрения не была принята государственным советом. По Положению о начальных народных училищах 14 июля 1864 года земство было отстранено от заведывания школами; для этой цели учреждались уездные и губернские училищные советы, в которые наравне с представителями от министерства народного просвещения и духовенства входили лишь по два члена от уездного и губернского земского собрания. Учреждение и открытие училищ возлагалось на городские и сельские общества, а также частных лиц с разрешения уездного училищного совета. Закрываться же училища могли по распоряжению училищного совета, "в случае беспорядка и вредного направления учения". Земству предоставлено было лишь попечение об усилении денежных средств школы. Духовенству же, в лице приходского священника, было поручено "наблюдение за религиозно-нравственным направлением во всех начальных и воскресных училищах". "Земская работа по народному образованию, имеющая в виду нужды того же самого крестьянского населения, которое обслуживается и органами крестьянского самоуправления, с самого же начала должна была считаться с таким совпадением задач. И действительно, между земствами и крестьянскими самоуправлениями сразу же возникла самая тесная связь. Однако, сословный характер крестьянского самоуправления и подчинение его властной опеке администрации служило основной причиной того, что учреждения эти должны были все время функционировать, как совершенно друг с другом не связанные и вполне друг от друга независимые, и земство, лишенное органических корней в массах населения, должно было искать различных обходных путей для укрепления связи своих просветительных учреждений с тем населением, для которого они назначались" [17]). Таким образом, общественная сила устранялась от влияния на народную школу и управлению над нею был придан характер бюрократический, с особым наблюдением со стороны духовенства; представителям земства предстояло принимать участие в бюрократических училищных советах.

Земство в самые первые годы своего существования, как ниже увидим, проявляло крайне разнообразное отношение к делу народного образования. Определенной точки зрения на задачи земства в этом отношении, конечно, не могло еще выработаться. Одни общественные деятели, как А. И. Кошелев, считали устройство школ общественно-настоятельною потребностью, которую должно было удовлетворять земство, обязанное взять народное образование в свои руки и организовать его [18]). Другие, как князь А. И. Васильчиков, находили, что инициатива открытия школ и содержания их должна принадлежать сельским обществам или волостям, а земства должны лишь им приходить на помощь [19]). Во всяком случае большинство земств, даже в самый ранний период своей деятельности, отзывчиво относилось к делу народного образования и оказывало пособие сельским обществам, содержавшим

---

[17]) Чарнолуский. Земство и народное образование.
[18]) А. И. Кошелев. Голос из земства, вып. I. (1869).
[19]) А. И. Васильчиков. О самоуправлении, т. II.

школы. В Александровском земстве (Екатеринославской губернии), под влиянием известного общественного деятеля и педагога барона Н. Корфа, сельская школа была взята в опытные руки и с большою любовью обставлялась и устраивалась и в материальном и педагогическом отношениях (также школы Бердянского уезда, Таврической губернии). Были, конечно, и такие земства, которые мало или совсем не уделяли внимания школьному делу. "Материальных средств, доходов у земств было мало, расходов много, всякого рода хлопот по благоустройству различных сторон народной жизни, весьма неблагоустроенной в то время, было слишком достаточно для самых энергичных земских работников. Естественно поэтому, что земство на первых порах своей деятельности не особенно ревновало о народной школе, да и самое это дело—сельская школа—представлялось как будто не сполна принадлежащим земству, его ведению" [20]).

В ту пору постройка и приискание помещений для школ, а также содержание школ—отопление, освещение, ремонт, прислуга лежали на местном сельском обществе, в значительной части в виде натуральной повинности, которая во многих местностях выполнялась родителями учащихся. А потому, участие уездных земств преимущественно выражалось в осуществлении "поощрительной" системы, заключавшейся в выдаче разного рода наград и пособий учителям за лучшее преподавание и ученикам за прилежание [21]). В 1868 году из 324 уездных земств [22]) ничего не ассигновали на народное образование 109, и в том числе все петербургские [23]) и шесть московских; затем в 40 уездах были ассигнованы ничтожные суммы. Сколько-нибудь крупные суммы, свыше пяти тысяч рублей, и даже до двадцати тысяч рублей, ассигновали лишь 24 уезда, в том числе 9 уездов Вятской, 4—Таврической, 3—Екатеринославской и 3 Самарской губерний.

В Пензенской губернии Краснослободское собрание ассигновало на 1869 год 4800 рублей, при этом было вменено в обязанность селам строить дома или отводить помещения под школы на свой счет, с устройством при училищах комнаты, в которой приходящие из соседних деревень ученики могли бы обогреться и в дурную погоду переночевать; Керенское земское собрание заявило, что "по примеру прежних лет, земство не может жертвовать на этот предмет своими средствами и что каждое общество, сознавши потребность образования, скорее средства эти найдет в среде своей", в уезде было всего 17 школ, из которых 9 церковно-приходских, 7 от обществ и только одна от земства, каковая в виду прекращения отпуска сумм была закрыта; отчеты остальных уездных собраний пестрят такими же приблизительно строками: "сельские школы существуют лишь для детей крестьянского сословия, а потому крестьяне и должны содержать училища", "предоставить сельским обществам и частным благотворителям поддерживать училища на свой счет".

В Ярославской губернии—Рыбинский уезд сделал большие успехи в смысле грамотности населения. Общими усилиями училищного совета, земства, волостных управлений, а главное сочувствием к этому делу крестьян было сделано то, что на 30.000 жителей мужского пола имелось, не считая 4 городских, 17 народных училищ, в которых училось более тысячи человек; от земства шло содержание учителей, снабжение книгами и другими учебными принадлежностями. Остальные же уезды (кроме Любимского) заявляли, что устройство школ должно быть возложено на самих крестьян и проч., между тем в Романо-Борисоглебском уезде три

---

[20]) Каптерев. История русской педагогии.

[21]) Губернские земства оставили за собою заботы о подготовке учительского персонала посредством устройства учительских институтов, учительских с'ездов, курсов и проч.

[22]) Ср. отчеты училищных советов в Журнале Мин. Нар. Просв., февраль, 1869 г., и отчеты земских собраний в труде В. Веселовского „История земства за сорок лет", т. I и в Журнале М. Н. Просв., Январь, 1869 г.

[23]) Петербургские земства были закрыты в 1867 г. по докладу м-ра вн. дел Валуева в виду „противной закону деятельности", и восстановлены в 1868 г.

училища были закрыты "вследствие отказа крестьян в отпуске денег на содержание этих школ".

Бердянское земство (Таврической губернии) постановило открыть в уезде 31 школу и воспитывать 50 крестьянских мальчиков, для образования из них сельских учителей. Останавливаясь на этом факте, Н. Корф говорит: "нам кажется, что причины следует искать не только в разумных и просвещенных немногих руководителях земского дела и не только в относительном богатстве крестьян, но и в том, что иностранные поселенцы бердянского уезда, болгары и немцы, приступая к земскому хозяйству, были подготовлены для него более дворян, руководящих земским делом почти повсеместно в России. Между тем, как наше дворянство вступило в земское собрание без малейшего навыка действовать сообща; между тем, как наши дворяне становились гласными, никогда до тех пор не задумывались над тем, что такое народная школа, больница, богадельня, удобные пути сообщения и т. п. — иностранные поселенцы — болгары и немцы получили совершенно иное политическое воспитание, благодаря тому виду самоуправления, которое было им предоставлено русским законом" [24]).

В Воронежской губернии Бирюченское земство отклонило предложение училищного совета об ассигновании трех тысяч рублей на открытие 27 школ, по тем соображениям, что "не резонно было бы навязывать училища тем обществам, у которых не назрела еще потребность в этом отношении".

Некоторые земства, не ассигнуя определенной суммы, измышляли другой источник дохода на содержание сельских школ. По Новгородской губернии Боровичское земство постановило повесить кружки для добровольных пожертвований на школы при церквах, волостных правлениях и питейных заведениях. Устюженское земство постановило взыскивать по 5 рублей с каждого питейного заведения на школьные нужды.

Орловская губернская управа в 1866 году представила проект устройства по волостям школ на "добровольные" сборы с обществ и на плату за ученье, по 1—2 рубля с ученика; губернское же собрание решило не принимать участия в развитии начального образования; Мценское собрание устранилось от дела, передав все в ведение училищного совета; Брянское—ввело подушный налог для содержания школ.

На недостаточность участия или полное отсутствие такового в развитии школьного дела внимание некоторых земств обращали сами сельские общества или представители их в земских собраниях. В Осташковском земском собрании (Тверской губ.) члены комиссии по народному образованию, принадлежащие к помещичьему и чиновному классам, предлагали, по неимению у земства средств, или совсем закрыть в уезде училища или оставить на весь уезд не более шести училищ из десяти на 27 волостей. Но один член из крестьян заявил, что "образование для крестьян самое насущное дело, необходимее, чем дороги, доктора и увеличение жалованья членам управы. На образование ничего не пожалеем, только чтобы дети наши были обучены грамоте". Собрание обещало дать на каждое училище по 100 рублей, да крестьяне от себя непосредственно по 100 рублей. В Смоленском собрании гласный из крестьян в 1868 году, обратив внимание на желание крестьян обучать своих детей грамоте и отсутствие у них при неурожаях средств к тому, заявил, что крестьяне, по силе возможности, собрали по две копейки с души, но в виду недостаточности такой суммы, он "просит вникнуть в быт крестьян по этому предмету, так как даны же возможность и некоторые средства бедным прочих сословий, например, в смоленской и вяземской гимназиях". Но смоленские земцы не желали "вникать", они продолжали лишь "поощрять" крестьян... через мировых посредников [25]).

До введения Положения, преподавание в сельских школах было почти исключительно в руках священников, то есть, вернее сказать, священ-

---

24) Вестник Европы, т. V (1881 г.).

25) Б. Веселовский. История земства, т. I.

ники числились наставниками при школах. С введением в действие Положения сельские общества, получив право приглашения преподавателей, во многих местностях предлагали эту должность тем же лицам, которых они издавна привыкли считать учителями народа, но почти повсеместно священники отказывались, хотя им назначалось не ничтожное вознаграждение. Поэтому возник вопрос о подборе подходящих для школ учителей. Отставными солдатами и волостными писарями ни сельское общество, ни тем более земские деятели и члены училищного совета не могли уже удовлетворяться. И вот, одно за другим земства принимают меры к подготовке учителей и поощрению наиболее лучших из них.

С.-Петербургское губернское земское собрание в 1868 году обсуждало вопрос об употреблении в 1869 году процентов с капитала, пожертвованного петербургским дворянством на образование бывших помещичьих крестьян и составлявшего более 46 тыс. рублей. Правда, вопрос этот был разрешен только в 1872 году, когда была учреждена учительская школа в составе мужского и женского отделений, но из прений выяснилась необходимость как в учреждении училищ, так в особенности в подготовке учителей. К тому времени школ в губернии было 292, в которых обыкновенно учились по 5—10—20 учеников; школы с 50 и 60 учениками составляли исключение. Учителя были только в 237 училищах. Из числа учителей: 86 из духовного звания, 12 гражданского ведомства, имевшие свидетельство на право обучения; среди остальных, не имевших таких свидетельств, было мещан и крестьян 50, отставных бомбардиров и солдат 35, прочие были не окончившие курс семинаристы и отставные канцелярские служители. Жалованье учителя получали от 25 до 125 рублей в год. Училища предоставлены были своим собственным средствам; книг почти не имелось и приобрести их было не на что.

В Московском губернском земском собрании также был поднят вопрос об учительской школе, но многие из поборников ее, "охладели к проекту", и учительская школа была открыта в с. Поливанове, Московского уезда, лишь в 1871 году (в 1874 году она была передана правительству, а земство содержало в ней стипендиатов).

Новгородское губернское земство открыло в 1869 г. в окрестностях Новгорода учительскую школу, исходя из того, что сельских учителей следует избирать по преимуществу из сельских жителей; во время воспитания они не должны порывать связи с крестьянским бытом и на летнее время не отрываться от полевых работ и от семейной жизни; курс обучения трехлетний; обучение бесплатное; каждый окончивший школу получал должность учителя с жалованьем в 120 рублей; по истечении 6 лет учителям давалась или единовременная ссуда от 100 до 300 рублей или годовое добавочное жалованье от 60 до 120 рублей. Школа просуществовала до 1889 г., когда была закрыта по экономическим соображениям [26]. В семидесятых годах Новгородское земство прибегло и к другой мере: учредило педагогические курсы в летние месяцы на 6—8 недель для слушания лекций наглядной методики.

В Воронеже были открыты в 1869 г. четырехгодичные педагогические курсы для приготовления начальных народных учителей, с содержанием на счет земства 24 стипендиатов.

К концу 1869 года существовали следующие учреждения для приготовления начальных народных учителей.

Старейшая по времени Дерптская учительская семинария для Прибалтийского края. Молодечненская учительская семинария для северо-западного края.

Учительские семинарии: в Кавказском учебном округе—Кубанского казачьего войска, в Могилеве устроенная за счет крестьян, в Новгороде, в Рязани; земские летние учительские курсы в Новгородской и Рязанской губерниях и в Новосильском уезде Тульской губернии [27].

---

[26]) Журнал Мин. Нар. Просв. 1869 г., Январь и Декабрь.—Б. Веселовский История земства. т. I.

[27]) Журнал Мин. Нар. Просв., Декабрь, 1869 г.

С.-Петербургский комитет грамотности в 1863 году открыл школу для подготовления сельских учительниц в виде класса при 1 Петербургской гимназии, но эта школа, имевшая в начале большой успех, была закрыта в 1867 году—"вследствие подозрительности правительства к частной и общественной деятельности в деле начального образования" [28]).

Другие земства ограничивались отпуском сумм для поощрения "усердных" учителей или наград "лучшим" учителям или на поощрение "лучших преподавателей и учеников": учителям выдавалось по 25 рублей в год наградных, ученикам от 14 до 5 рублей—за успехи по всем предметам, за уменье рассказать своими словами из катехизиса и священной истории и проч.

Касаясь обстоятельств, замедлявших успехи начального образования в селах, Н. Корф [29]) указывает на следующее. Первая причина—бедность сельского населения. В селении Комари Екатеринославской губернии, в 1867 году было всего 21 учащийся, а в 1868 году 88; об'ясняется это тем, что ранее платил учителю каждый из отцов особо, а в 1868 году общество, установив раскладку, ассигновало ему жалованье, а потому и бедные могли воспользоваться школою. По наблюдению за Времьевской школою, той же губернии, оказалось, что из 32 учеников, 21 такие, у которых имеются братья старше их,—школьного возраста,—но они не учатся, а работают дома. Таким образом, крестьянин, прежде всего, считается с тем, будет ли кому работать дома. С наступлением весны родители в большинстве забирают детей домой, говоря, что "за работу его кормить хлебом будут". Вторая причина—неисправность посещения школ учениками. По отзывам учителей, та школа посещается исправно, где детям весело и где дети любят учителя, и вообще чем лучше школа, тем она лучше посещается. В Павловской школе (Екатер. губ.) пропущено было учениками в ноябре месяце, до поступления учителя, рекомендованного советом, 293 учебных дня; в январе же месяце, несмотря на неблагоприятные климатические условия, тем же числом учеников было пропущено 125 дней. Причины пропуска уроков учениками указывались такие: "дома чинил сапоги, кожух чинил, болел животом, болен лихорадкою, батька дома оставил". Отсюда вывод: хорошая школа посещается исправнее плохой, но бедность родителей тормозит успех обучения.—Третья причина—степень домашней подготовки учащихся. Чем просвещеннее сфера, окружающая неучащегося ребенка до поступления в школу, тем легче ему достаются занятия в школе и наоборот. Корф, на основании своего педагогического опыта, приходит к выводу, что вообще ученики сельской среды мало подготовлены жизнью и обстановкою к восприятию школьных предметов и "из дому они начиняются убеждением, что в школе нужно зубрить", а не понимать прочитанное.—Четвертая причина—разновременное поступление учеников и чрезмерное накопление их в училище. И, наконец, пятая причина—разделение училищ на множество классов, при одном учителе. Обычно школы, по успехам и способностям учащихся, имеют не менее трех классов. Но есть школы с необыкновенной дробностью отделений, иной раз чуть не до семи классов.

В. Колпенский.

(Окончание следует).

---

[28]) Д. Протопопов. История СПБ. Комитета грамотности.
[29]) Журнал Мин. Нар. Просв., Февраль, 1869 г.

Рабочие на Ленских золотых приисках.

IV [1]).

Техническая обстановка труда.

Разработка золотоносной площади сводится, в существе, к тому, чтобы обнаружить в недрах земли и извлечь из них пласт песков, содержащих золото, и промыть пласт на особой машине для очистки золота от посторонних примесей. Сообразно с этим работы разделяются на три рода: разведочные, по добыче песков и по промывке породы.

Прежде всего, с целью установить ширину золотосодержащего пласта, местность исследуется специальными приспособлениями, по большей части бурильными машинами, а затем по получаемым пробам песков определяется степень ценности золотоносного пласта. Так как пласт то выходит на поверхность земли, то уходит в нее, иногда до значительной глубины, то порода может добываться либо посредством открытых работ, когда снимают все наслоения над серединой россыпи и, постепенно ее обнажая, производят выемку песков, либо же посредством работ закрытых или подземных, когда россыпь извлекается при помощи шахты. За исключением одного небольшого прииска добыча песка на промыслах Ленского Товарищества велась подземными работами. Пласт золотосодержащей породы, мощностью немного более сажени, залегает почти горизонтально под слоем пустой породы на глубине 12—15 саж., а местами до 30 сажень. Шахты пробиваются в расстоянии 50—60 сажен одна от другой; почти на каждом прииске Товарищества они соединены галлереями, проведенными вдоль речной системы. Для того, чтобы шахту не сдавливало с боков, ее от времени до времени раскрепляют бревнами, идущими на крест к стенкам. На этих бревнах стелятся помосты, к которым прикрепляют лестницы из тонкого леса со ступеньками из тонких брусков, по которым зимою в сапогах, с намерзшим на них снегом, спускаться весьма затруднительно.

На поверхности земли у отверстия шахты, („устье" шахты), устраивается деревянный ворот с конным приводом для под'ема из шахт бадей, наполненных породою, представляющий часто опасность для рабочих, находящихся внизу у шахты. От шахты пласт сперва прорезают двумя горизонтальными галлереями-штольнями, накрест, вдоль и поперек долины, а затем рядами поперечных и продольных штолен или штреков, шириною в 1½ сажени, рассекают его в виде клеток на квадратные столбы („стулья")—от 2—4 сажен по стороне квадрата. Передняя часть штольни (штрека), из которой вынимается порода, носит название *забоя*. Вышина штольни зависит обыкновенно от толщины золотоносного пласта,—в шахтах Товарищества имеются и такие штольни, по которым человек может пройти только согнувшись, а иногда даже лишь ползком. В каждом забое обычно работает 4—5 рабочих. Забои разрабатываются только такие, которые обеспечивают извест-

---

1) См. Архив истории труда в России, кн. 4-я, стр. 68—84.

ную норму золота в 100 пудах "породы"; другие же, "пустота", не разрабатываются вовсе, разве для того, чтобы достигнуть через нее золотоносной жилы. По мере выемки песков штольни закрепляют стойками с перекладинами у потолка Произведя такую подготовку пласта, начинают вынимать столбы между штольнями, причем кровля поддерживается отчасти столбами, складываемыми из камней, вынимаемых при разработке пустой породы. По мере отработки, давление земли на крепи все усиливается, а самая высота штолен значительно уменьшается. Крепи часто выгибаются, переламываются, а иногда расщепляются в лучину. Такой вид штольни производит не только на непривычного человека, но и на проработавшего некоторое время в шахте тяжелое впечатление, напоминая об опасности для жизни.

На большинстве приисков Товарищества золотоносный пласт, находится в полосе "*вечной мерзлоты*", где нужно оттаивать породу "пожогами"—кострами из угля и дров. Вечная мерзлота в одних шахтах сковывает не только торф и золотоносный пласт, но и почву, т. е. коренные породы, а в других она далеко не доходит до пласта; в иных шахтах нижняя часть торфов и золотоносный пласт талые, в некоторых же вечно мерзлые слои чередуются с талыми [2]). Если бы вечная мерзлота встречалась повсеместно и равномерно, то проведением шахт было бы облегчено и удешевлено во много раз. Шурфовка в мерзлоте, производимая оттаиванием дна шурфа раскладываемыми пожогами и, по освежении шурфа от угара, выемкой оттаявшей от пожога, на глубине нескольких вершков, породы не представляет особенных затруднений; шурфовка же в талых местах производится зимой поочередным замораживанием и оттаиванием шурфов, причем весьма часто шурф протаивает где нибудь больше, чем следует, и заливается водою.

Процесс оттаивания при подземных работах происходит следующим образом. У основания забоя, во всю его ширину, у стены, предназначенной к оттаиванию, насыпается крупный древесный уголь или кладется сухое смолистое дерево, которое и поджигается. Когда несколько разгорится пожог, то его засыпают гашеными углями, загораживают прислоненными к забою железными листами или решетками во всю ширину забоя и в таком виде оставляется шахта до утра, с открытым люком, через который проходит дым. На вход в шахты запирают решетками, чтобы кто либо из рабочих, с целью увеличения заработка, не вздумал спуститься в шахту [3]) и подбавить углей к забою, чтобы побольше протаяло. Таким образом, приготовляется талая земля для разработки золотосодержащего пласта на каждый день. От горения угля в шахте развивается настолько сильный угар, что требует не менее 12—14 часов для того, чтобы можно было вновь приступить к работе. При преждевременном возобновлении работы происходит отравление окисью углерода, однако, на приисках Товарищества никаких испытаний на присутствие окиси углерода перед спуском рабочих в шахту не производилось. При плохой вентиляции, а иногда и полном отсутствии ее, часто бывают случаи угара. Вообще развивающиеся от пожога газы действуют разрушительно на дыхательные органы рабочих, и они всегда страдают малокровием, одышкой и головными болями. Другое затруднение при подземных работах: обилие грунтовых вод—не везде и не все места штольни поддаются осушке.

Инструментами для добывания породы служат бур, лом и "кайла" для рыхления земли, в роде кирки. Когда пласт из ребровика-камня, с небольшою прослойкою между ними земли, настолько плотен, что ни кайла, ни лом пробить его не могут, приходится прибегать к взрывам динамита. Динамит Товарищество употребляло очень плохой, вследствие чего получалось много газов, вызывавших у рабочих тошноту и головокружение. Работы с динамитом производились без гуттаперчевых пер-

---

[2]) В. А. Обручев. Геологич. исследования Олекм.-Вит. горной страны и ее золотоносных россыпей (Иркутск, 1891 г. Из XXII т. Известий Вост.-Спб. Отд. Геогр. Общ.). В. И. Семевский. Рабочие на спб. золотых промыслах (СПБ. 1898 г.), т. II, стр. 320—322.

[3]) В это время стараются проникнуть в шахту хищники-копачи, о которых говорилось выше.

чаток и бывали случаи отравления динамитом при скатывании динамитных запалов голыми руками [4]).

Отделенная от массы, порода накладывается лопатами в тачки и затем, по досчатой настилке из отдельных "выкатов" откатывается и воротом подымается наверх. В целях экономии администрация Т-ва вместо новых досок или выкатов пользовалась старыми, избитыми, взятыми из отработанных шахт,—это понижало размер заработка рабочих, так как задерживало перевозку. Внутри шахт песок отвозился на ручных тачках, хотя можно было бы пользоваться лошадиной или механической силой. Рабочим приходилось 50—100—150 саж. везти тяжелую деревянную тачку с 7—8 пудами песку по тряской дороге, причем ¾ груза висит у них на руках. Постоянное, благодаря неровности выкатов, встряхивание действовало не только на производительность труда, но и на здоровье рабочих. При плохом освещении штолен часто происходили столкновения тачек, а по дороге бывало иногда такое скопление тачек, что рабочие теряли по 10—15 и более минут в ожидании очереди бадьи.

Поднятая из шахт золотоносная порода в летнее время отвозится непосредственно к золотопромывательной машине, а в зимнее время ссыпается в отвалы. Вагонетки передвигаются преимущественно лошадьми, хотя на некоторых приисках Товарищества в виде исключения их заменяли небольшие локомотивы и даже электровозы. Пески промывают в течение лета машинами, на которых задерживаются мелкие тяжелые пески с золотом, более же легкая пустая порода уносится водою вниз. Окончательно очищенное золото периодически отвозится под усиленным конвоем в г. Бодайбо и сдается в золотосплавочную лабораторию.

В больших рудниках наблюдается строгая специализация работы. Наиболее дорогою является работа забойщика, добывающего ископаемое из целиков его. Работа откатчика, нетребующая ни особой силы, ни особого уменья, расценивается гораздо дешевле. В небольших же приисках, где забойщикам нет надобности уходить далеко от шахт, на них же возлагается и доставка добытых песков. На приисках Товарищества при очень больших расстояниях откатки осталась организация работ мелкого прииска—на забойщика возложена и откатка. Приняв в основу организацию мелкого прииска, Товарищество совершенно не обращало внимания на специальности рабочих и сегодняшний забойщик мог завтра оказаться укладчиком пустой породы, поденным чернорабочим и т. д. по усмотрению смотрителя шахты [5]). Такое перемещение рабочего являлось невыгодным и для рабочих и для Товарищества: при ежедневной замене работ рабочий под вечер уже не ведет никакой подготовки к дальнейшей добыче, результаты которой в следующую смену могут достаться не ему, а кроме того, при частых перемещениях рабочий не успевает приспособиться к разнообразным условиям работ,—и то и другое понижают его производительность. При правильной же постановке работ вырабатываются специалисты, напр., по скалистым или по песчаным грунтам. С этой точки зрения Ленское Товарищество может быть рассматриваемо, как огромная совокупность кустарного характера промыслов, руководители которых не справились с делом, которым они заведывали [6]).

В связи с этим необходимо остановиться на вопросе, насколько при указанном условии удовлетворялись те требования, которые были установлены законом для

4) Один рабочий получил прогрессивную атрофию спинного мозга, в течение шести месяцев проработав по 12 ч., а иногда и более, по приготовлению динамитных запалов. Несмотря на свои 23 года, он представлял из себя полную развалину и едва плелся на костылях (См.: «Правда о Ленских событиях», стр. 34).

5) В этом между прочим проявляется то вредное влияние принятой на приисках Товарищества системы расплаты за под'емное золото, о котором было говорено выше в гл. III.

6) По замечанию члена Ученого Горного Комитета, Митинского, «дело это переросло своих руководителей». Отчет сенатора Манухина, стр. 94. Инженер Митинский, состоявший членом Комиссии сенатора Манухина, представил подробный доклад о технической постановке дела на приисках Ленского Товарищества.

однородных промысловых работ в видах минимальной охраны труда. Постановка дела на приисках Товарищества не соответствовала этим требованиям, причем нарушения закона имели постоянный характер.

Прежде всего нужно отметить отсутствие вентиляционных приспособлений в шахтах, особо опасное при работах в мерзлом грунте пожегами, последствием чего являлось частое отравление рабочих углекислотою 7). К этой же категории нарушений относится употребление на многих приисках жаровни (хмары), допускаемой законом только при разведочных работах, и отсутствие в ближайшем от шахт расстоянии (не дальше 1/4 версты) приемного покоя для оказания первой помощи в несчастных случаях. Требование, чтобы приисковое управление снабжало за свой счет рабочих при работах в воде непромокаемою обувью и одеждою, весьма часто не исполнялось вовсе или непромокаемая одежда выдавалась в изорванном, негодном для употребления, виде. Добиваясь в свое время 8-ми часового рабочего дня, рабочие особенно настаивали на сокращении работы в мокрых шахтах. Кроме того, закон требует, чтобы рабочим предоставлялась возможность при выходе из шахты высушивать платье и переменять его в теплом помещении. но таких раздевален и сушилок на приисках возле шахт устроено не было, многие же казармы отстояли от устья шахт на 2—3 и более верст. Рабочий в чем приходил, в том и уходил с работы, даже зимой, когда 40 градусный мороз сковывал их мокрые одежды и превращал в ледяные фигуры. Придя в казарму, нужно было сначала оттаять, а потом уже снимать одежду. При открытых работах на поверхности земли не имелось нужных помещений, чтобы в случае непогоды укрыться. Не было, равным образом, устроено и внутри шахт требуемых законом запасов доброкачественной для рабочих питьевой воды, рабочие вынуждены были пользоваться водою шахтовою, часто грязною и вредною для здоровья. С другой стороны, в шахтах допускалось загрязнение мест производства горных работ, так как на санитарное устройство отхожих мест не обращалось никакого внимания.

Правила касательно удобства работы также не исполнялись. Пути, по которым продвигаются люди и грузы, на рудниках должны быть достаточно просторны, чтобы разминовка людей и грузов была удобна. Между тем на ленских приисках ширина штреков оказывалась нередко недостаточною для свободного прохода рабочих, причем места откатки заваливались грудами крупных камней, удаление которых требовало бы особых приспособлений. Что касается устройства шахтных лестниц и содержания их, а равно и самих шахт, штреков и других мест для производства работ, в исправности, то и в этом отношении соблюдение установленных правил требовало бы значительных мероприятий, связанных с отпуском денежных средств. Скудное освещение входных спусков, неудобства крутых лестниц, недостаточная высота штреков и других мест откатки, отсутствие приспособлений для лесоспуска, тяжелые, устарелого образца, тачки, отсутствие площадок или сидений для отдыха и ряд многих, подобных указанным, нарушений технических правил свидетельствовали о полном небрежении со стороны управления не только к экономии рабочих сил, но и к охранению здоровья рабочих. Работы в шахтах Товарищества были не только вредны для здоровья, но и опасны для жизни рабочих. Они все время работали под страхом быть изувеченными обвалами и осыпями; много несчастных случаев происходило от падающих камней и плохого устройства спусков в шахты. Для спусков в большинстве случаев, как было упомянуто, употреблялись простые лестницы-стремянки, почти вертикально поставленные. По этим стремянкам рабочие спускались с инструментом в руках; освещение лестниц было весьма недостаточно: на шахту в 18—25 сажен глубиною бывало 2—3 электрических лампочки. Вследствие темноты и налипшей на спицах стремянки грязи, ноги то и дело скользят; иногда рабочие срывались и падали вниз или у них выпадал из рук инструмент и ранил спускавшихся ниже их. Согласно закона об ответственности предпринимате-

7) Отравление имело место даже во время пребывания ревизора, сенатора Манухина на приисках, 23 июня 1912 г., причем от угара пострадало около 200 рабочих.

тей за несчастные случаи с рабочими [8]), администрация приисков была обязана делать заявки о всех несчастных случаях; однако, она избегала это делать, несмотря на неоднократные штрафы. Но все же горным надзором было зарегистрировано очень много случаев несчастий. Так, например, в 1911 году на общее число 5442 рабочих было отмечено 896 несчастных случаев, т. е. 164,6 на тысячу. По данным управления Товарищества семь случаев кончились смертью, один—полной неспо-собностью к труду и лишь 24 несчастных случая—частичной неспособностью; во всех же остальных случаях здоровье, по определению врачей Товарищества, было вполне восстановлено. Но было дознано, что приисковые врачи проявляли чрезмерное стремление смягчать последствия несчастных случаев в интересах управления приисками. По крайней мере из особой таблицы, составленной окружным гор-ным инженером, видно, что в ряде случаев, когда приисковые врачи давали заклю-чение о полном восстановлении здоровья пострадавших, экспертиза правительствен-ных врачей устанавливала частичную утрату трудоспособности.

Сенаторская ревизия (1912 г.) убедилась, что Товарищество не исполняло элементарных требований для обеспечения гигиенических условий труда и безопас-ности рабочих. А между тем работа на золотых промыслах, по своей обстановке, условиям труда, жизни и т. д., является вообще одной из самых тяжелых и вред-ных для организма рабочих и требует от них крепкого здоровья, особой выносли-вости и физической силы. Она быстро истощает и разрушает организм рабочего.

V.

Условия найма рабочих.

В последние годы Товариществу уже не приходилось, как прежде, высылать агентов для контрактования рабочих на местах. Слава о ленском районе давно проникла в Нижегородскую и другие приволжские, а также в Вятскую и Пермскую губернии, откуда рабочие сами стали прибывать в Иркутскую губернию и здесь подряжаться на прииски, подписывая условия, выработанные Товариществом. На-конец, за самое последнее время рабочие нанимались исключительно на самих при-исках, причем в силу соглашения с подрядчиком по сплаву приисковая администра-ция почти всегда принимала всех его рабочих, нанятых им для сплава и выразив-ших желание остаться на приисках [9]). Возможность пристроиться на приисках является даже одним из побудительных мотивов наниматься на сплав и рабочие стали требовать, чтобы в договор с подрядчиком по сплаву включался пункт, по которому подрядчики обязывались — в случае желания рабочих — устроить их на приисках. В 1911 году, например, сплавщики не могли найти рабочих, и только обещание главного управляющего Товарищества, *что все рабочие со сплава* будут приняты на прииски, дало возможность подрядчикам по сплаву обеспечить себя необходимым контингентом.

Рабочие нанимались Товариществом со дня выхода их на работу по 10 сентября. Этот срок был взят потому, что позднее рабочие уже не могли бы выехать с приисков в виду наступления холодов и раннего прекращения пароходных рейсов. Осенний наем рабочих служил в руках Товарищества орудием для пониже-ния заработной платы, так как это был период, наиболее неблагоприятный для ра-бочих. При установлении в 1912 г. нового договора рабочие особенно настаивали на перенесении срока найма на весну. Весной требовалось на приисках более рабочих для промывки песка, часть их могла идти на вольную добычу золота в тайгу, часть на "старанье" (аренда у золотопромышленников права промывки песка с платою

---

8) Закон 2 июня 1903 года.

9) А. Невский. Ленские события и их причины, стр. 43—44.

по 1 руб. с золотника добытого золота), часть переходила на другие прииски. Весной рабочий мог переждать и добиться лучших условий, в крайнем случае уехать на родину. Но именно поэтому Товарищество воспротивилось [10] изменению срока договора. Управление настаивало на заключении договора по 1 сентября 1912 года, а рабочие желали заключить его на срок по 20 мая 1913 г. Управление указывало, что истечение срока договора 20 мая, почти в начале летней операции, когда начинаются наиболее спешные и важные работы, крайне неудобно, потому что управление в таком случае могло бы остаться на летнюю операцию без рабочих, если бы последние не пожелали возобновить контракт; между тем, при сроке договора 1 сентября 1912 года, т. е. в конце летней операции, уход хотя бы и значительного числа рабочих не оказался бы ощутительным для Товарищества, так как на зимнюю операцию работа обычно сокращается и в это время уходит большая часть рабочих.

Общие условия и порядок найма рабочих на золотые промыслы определялся, как выше было отмечено, особыми правилами, приложенными к Горному Уставу; ближайшие же, более подробные указания на обязанности и взаимоотношения золотопромышленников и рабочих устанавливались в каждом горном округе правилами внутреннего распорядка. Утвержденные 20 февраля 1895 г. правила о найме рабочих на горные, золотые и платиновые промыслы восполняли собою существовавший в то время пробел в законе, несколько точнее определяя правоотношения между нанимателями и рабочими и усиливая обнаруженную на практике недостаточность правительственного надзора за частною золотопромышленностью. Однако семнадцатилетний опыт применения означенных правил (к 1912 г.) показал, что они не отвечают ни потребностям времени, ни условиям быстро растущей промышленной жизни. Они опирались на бытовые условия давно прошедших лет и на такие патриархальные отношения между нанимателями и рабочими, каких нигде уже более не существовало [11]. Далеко не охватывая все совокупности правовых отношений между рабочими и предпринимателями, совершенно не обеспечивая интересов рабочих и в то же время открывая пред золотопромышленниками широкий простор для притеснения рабочих на законном основании, правила эти допускали, благодаря пробелу в законе, возникновение таких, основанных на договоре, отношений, на почве которых неизбежны были столкновения. Кроме того, содержавшиеся в правилах 1895 г. постановления о надзоре за деятельностью промышленников оказывались недостаточными, и карательные последствия являлись настолько ничтожными [12], что не могли обеспечивать исполнение закона.

На основании закона, Товарищество имело право заключать один общий договор со всеми рабочими, что оно и делало. При этом в выработке договора рабочие (до сенаторской ревизии в 1912 г.) не только не участвовали, но в большинстве случаев и не знали, что подписывали.

Договор не выставлялся предварительно для осведомления рабочих, в расчетных книжках он не был напечатан [13]. Предусматривая возможность заключения договоров о найме как с отдельными рабочими, так и с артелями и целыми группами рабочих, правила 1895 года устанавливают, между прочим, что в договоре должны быть обозначены работы, на которые нанялся рабочий, или же условие о том, что рабочий принимает на себя обязанность исполнять *всякие работы*, производимые на промысле. Последствием этого явилась возможность включения золотопромышленни-

10) См. «Правда о Ленских событиях», стр. 18. Ср. изложение С. Манухина переговоров относительно изменения условий договора (Отчет, прил. № 18, стр. 3—5).

11) С. Манухин. Отчет, стр. 98.

12) Неисполнение установленных законом требований грозило промышленникам лишь денежным штрафом до 50 руб. и в немногих случаях (Уст. пром. ст. 153—155) до 500 руб.

13) «Правда о Ленских событиях», стр. 18. А. Тюшевский. К истории забастовки и расстрел рабочих на Ленских приисках, стр. 10.

ками в договорах общей оговорки, обязывавшей рабочего выполнять всякую работу, какую ему прикажут, причем неспособность рабочего исполнять такую, новую или даже несвойственную для него, как специалиста, работу создавала основание для нарушения со стороны заведывающего промыслом договора найма ранее истечения его срока. Другим основанием для досрочного расторжения договора закон устанавливал *леность* рабочего, то есть понятие, не только неопределенное, но допускающее самое широкое, ничем не ограниченное толкование. Ставя, таким образом, силу действия договора в полную зависимость от одностороннего усмотрения промыслового управления, закон на ряду с этим предоставлял тому же управлению право сполна удовлетворять рабочих следуемой им платою единожды в год *по окончании* промысловых работ, если в договоре с рабочим не устанавливалось иных, более частых сроков для расплаты. Это ставило рабочего в полную денежную зависимость от промышленника.

Такой порядок был до известной степени возможен в те давно минувшие годы, когда рабочие находились на полном иждивении предпринимателя-хозяина, пользовавшегося в отношении их всею полнотою власти, но за то принимавшего на себя все заботы о пропитании, размещении и удовлетворении других жизненных потребностей рабочих. Сама жизнь доказала невозможность расплаты с рабочими один раз в год, заставила Товарищество установить периодическую выдачу части заработка наличными деньгами. Однако то обстоятельство, что управление могло не производить расчета до конца операции, придавало упомянутым выдачам характер особого каждый раз одолжения и служило источником недоразумений, а нередко орудием давления на провинившегося или неугодного управлению рабочего не имевшего права требовать до срока выдачи заработной платы.

Заведующий промыслом имел по закону право, в пределах не более одной трети действительно причитавшегося рабочему к установленному сроку заработка, налагать на него, в качестве дисциплинарного наказания, денежные пени за прогул, непослушание, нарушение правил внутреннего распорядка и разные другие провинности. Взысканные деньги поступали в особый капитал для больных и увечных рабочих.

Обычною и почти единственною формою заключавшихся договоров о найме были договоры общие [14], предъявлявшиеся для подписания "разного звания рабочим людям", которые после сего обязывались исполнять точно, добросовестно и аккуратно всякого рода горные, цеховые и домашние работы как на приисках, так и в поисковых и разведочных партиях, повинуясь беспрекословно указаниям руководителей работ. Рабочий, если на договоре не отмечалось, что он принят на специальную работу, обязывался исполнять всякую общую работу. Таковых же отметок на договорах обыкновенно не делалось, потому что договор подписывался всеми рабочими без различия профессии. Но и нанявшихся по какой-либо специальности управление в праве было ставить на общие работы, если оно находило, что специальность эта таким людям "не достаточно хорошо известна". Со стороны низших приисковых служащих пользование правом такого перемещения и особенно угрозою применения этой меры давало повод к постоянным злоупотреблениям.

При найме в гор. Бодайбо рабочие должны были идти на прииски по 25 верст в день, получая на продовольствие лишь по два фунта сухарей [15]. При переводе с одного прииска на другой, если расстояние не превышало пяти верст, рабочие должны были совершать переход *в свободное от работ время,* не получая за это

---

14) Текст договора Ленз́олото с рабочими на операцию 1911—12 года (до стачки) и нового договора, выработанного при содействии сенаторской ревизии и принятого Товариществом 25 июня 1912 г., и постатейное сравнительное изложение обоих договоров приведены: в Отчете С. Манухина (приложение № 18, стр. 1—35) и в «Правде о Ленских событиях» (приложение №№ 4—5, стр. 10—17).

15) Иногда расстояние достигало 200 верст.

особой платы; при переводе же на прииск, отстоявший на более значительное расстояние, они должны были проходить не менее 25 верст в сутки за плату в 75 коп. в сутки. В местах, где нет постоянных жилищ (напр., при производстве разведок), рабочие обязывались в случае надобности строить себе помещение сами. Оговорка эта находилась в противоречии с требованием правительственного надзора [16].

Рабочий день установлен был договором с 1 апреля по 1 октября в 11½ час., а зимою в 11 часов в сутки, причем род и тяжесть работы не принимались во внимание. Однако, на практике Товарищество принуждено было отступить уже от этого условия договора и продолжительность рабочего дня зимою и летом была доведена до 10 часов, не считая перерыва для обеденного отдыха, а при некоторых работах даже до 8 часов. Но и десятичасовой рабочий день являлся чрезмерным при наиболее тяжелых работах. К тому же понятие мокрого забоя, где само Товарищество допустило восьмичасовой день, не имело точного определения и рабочие вынуждены были нередко оставаться по десяти часов в таких, признаваемых за сухие, забоях, пребывание в которых было крайне изнурительно. Равным образом, десятичасовой день при некоторых вахтовых водоотливных работах был чрезмерно тягостен [17].

Обеденный перерыв в число рабочих часов не входил. При работах урочных—временем окончания рабочего дня считалось выполнение заданного урока. Число часов ночной смены не должно было превышать десяти. В случае надобности Управление могло назначить три восьмичасовых смены и тогда рабочие обязывались работать без отдыха 8 часов под ряд.

В действительности продолжительность 10 часового дня удлинялась, так как в число рабочих часов не входило время, которое рабочий тратил на переход от шахты до казармы, расстояние между которыми нередко достигало нескольких верст. Рабочие же при золотопромывальной машине (именно—так наз. галечники, люковщики, мазилки и промывальщики) обязаны были оставаться при съемке золота и после обеденного и вечернего звонков или свистков, до окончания съемки.

Что касается праздничного отдыха, то таковой определялся договором на зимний период—по закону; в летнее же время с 1 апреля по 1 октября — отдыхи предоставлялись по усмотрению промыслового управления только два раза в месяц. Но даже устанавливая условия праздничного отдыха, соответственно Уставу Горному, договор делал вместе с тем оговорку, колебавшую значение точного смысла закона: “вообще, при всех обстоятельствах, не терпящих отлагательства, рабочие должны выходить на работы во всякое время, хотя бы это был час отдыха или неурочный час суток”. Правом этим промысловое управление пользовалось весьма широко. Правом назначать работу в праздник промысловое управление пользовалось и с особой целью,—оно засчитывало работу в такой день вместо наказания за прогульный день, что позволяло не выдавать рабочему полуторной платы за работу в праздники [18].

При поступлении на работу выдавалась рабочему расчетная книжка установленного образца, в которую заносились суммы заработка, а также суммы полученных денежных выдач. Пользуясь дозволением Горного Устава, чтобы расчетные

---

16) Обязательное постановление, изданное 12 июня 1908 г. Иркутским по горнозаводским делам Присутствием (§ 3) о мерах к охранению жизни и здоровья рабочих на горных заводах, горных и золотых промыслах. (См. Отчет сенатора Манухина, приложение № 13, стр. 1—6).

17) Согласно правилам внутреннего распорядка был установлен 10-ти часовой рабочий день. По замечанию авторов «Правды о Ленских событиях» (стр. 19), сделано это было для того, чтобы во всякое время иметь право изменить продолжительность рабочего дня путем соответственного изменения правил внутреннего распорядка.

18) Манухин, Отчет, стр. 102.

книжки хранились. по желанию рабочего, в конторе промысла, Товарищество ввело в договор правило, по которому не менее одного раза в месяц книжки эти представлялись в контору для проверки и записей. Засим книжки, уже вопреки требованию того же закона, не возвращались рабочему в недельный со дня представления срок, а оставлялись в конторе, что лишало рабочих возможности своевременно проверять размер своей заработной платы. Уплата последней полностью должна была по договору происходить не ранее, чем по истечении срока договора, что являлось вполне согласным с законом. Но вместе с тем, по договору предусматривалось право—один раз в месяц—отпуска рабочим, в счет их заработка, необходимых им припасов и товаров по ценам, утвержденным окружным горным надзором, а также выдачи деньгами в размере по усмотрению промыслового управления. Такое правило давало управлению возможность отказывать рабочим в выдаче наличных денег и предлагать, взамен того, талоны и ярлыки на получение разного рода товаров и припасов из магазинов и амбаров Товарищества.

Договор запрещал рабочим заниматься какими бы то ни было делами по золотому промыслу и в виде компенсации за это определял вознаграждение за так называемое "под'емное" золото в размере не ниже двух рублей за золотник, а при самородке весом более трех фунтов за излишек сверх 3 фунтов—уже по рублю за золотник. Кроме того, включенное в договор правило о том, что найденное у рабочих золото конфискуется в пользу Товарищества, давало на практике повод к обыскам, производимым до возвращения рабочего из шахты в казарму, причем найденное у него еще не сданное под'емное золото отбиралось, или же против рабочего возбуждалось уголовное преследование за кражу. Договор содержал в себе лишь краткую ссылку на статью правил о найме, указывавшую случаи, в коих рабочие имели право уйти до срока; в то же время договор тщательно перечислял случаи, когда управление могло расчитать рабочего до срока: за неспособность к работе; неявку на работу более 3 дней сряду без уважительных причин; леность; дерзость или дурное поведение; сборища толпами, угрожающие порядку и спокойствию; всякое вообще нарушение со стороны рабочих договора.

Кроме самого договора, имели существенное значение правила внутреннего распорядка, составлявшиеся горнозаводскими управлениями и утверждавшиеся окружными горными инженерами. Некоторые правила, действовавшие на приисках Товарищества в операцию 1911—1912 года, были несогласны с законом и открывали простор к широкому толкованию. Так, не были назначены дни отдыха, дни, когда рабочие могли пользоваться банею, являться для приема к окружному инженеру и т. д. Не было выяснено, когда именно рабочие обязаны являться утром на работу, что давало управлению повод требовать их явки на работы к первому сигналу и в сущности сводилось к удлинению рабочего дня на полчаса. Праздничный отдых мог быть нарушен не только из-за таких работ, необходимость которых вызывалась той или иной грозившей опасностью, но и работами, долженствовавшими предотвратить "остановку обычных работ". Одно правило гласило, что "за работы в дни общих отдыхов будет подсчитываться полуторная плата, но только тем рабочим, у которых в течение месяца, в который они задолживались на работы, в дни общих отдыхов, не окажется прогулов; каждый прогул засчитывается за рабочий день в отдых",—этим путем установлено было штрафование рабочих в пользу владельца предприятия за прогульные дни и притом в размере полуторного дневного заработка, тогда как согласно закона взыскания с рабочих должны были обращаться в особый капитал, предназначавшийся на нужды больных рабочих.

Выше было отмечено, что рабочие могли привозить свои семьи не иначе, как с предварительного разрешения администрации. Но так как оно выдавалось лишь в исключительных случаях, то обыкновенно семья рабочего появлялась на отводах Товарищества явочным порядком и поселялась, после усиленных просьб, в казармах, причем рабочие по договору обязывались посылать состоявших при них женщин и подростков на работу, отказываться от которой те не могли. Женщины,

назначавшиеся в прислуги, получали 60 коп. в сутки на своем и 30 коп.—на хозяйском содержании. На поверхностных же горных работах они получали $\frac{2}{3}$ платы, определяемой по таксе мужчинам. Кроме платных работ, договор обязывал женщин безвозмездно убирать жилое помещение. Подростки получали в день от 50 до 70 коп. и, будучи назначаемы на работу, снабжались, как и женщины, расчетными книжками и подчинялись тем же правилам, как и остальные рабочие. Правила эти служили основанием для постоянных недоразумений. Жена и мать семейства, обремененная заботами по хозяйству, не могла располагать своим временем, так как, по усмотрению любого промыслового служащего, ее переводили с одного прииска на другой и назначали прислугою, вопреки ее воле, нередко к холостому человеку. Принудительное разлучение супругов и связанные с проживанием у посторонних лиц соблазны служили часто источником раздоров и несогласий, а иногда и тяжких семейных несчастий и драм. Малолетние дети, оставшиеся без присмотра; муж, вынужденный обращаться к посторонним для изготовления ему пищи, стирки белья и т. п.: оторванность жены и матери от семьи,— все это окружало жизнь рабочих тяжелою атмосферою. Почти все женщины, заведывая хозяйством холостых работников, прозываемых "сынками", получали ежемесячно около трех и более рублей. Некоторые предприимчивые женщины обслуживали до пяти "сынков", увеличивая этим свой достаток.

Не останавливаясь на некоторых других пунктах договоров, так или иначе нарушавших интересы рабочих, нужно сказать, что по общему свидетельству договор ставил рабочих в беззащитное положение, сводя на нет самые основные права более слабой из договаривающихся сторон. Обязательства исполнять всякую работу и не отказываться от перевода с одной работы на другую, с одного прииска на другой давало беспредельную власть в руки промысловой администрации: ослушников воле начальства всегда можно было перевести с хорошей работы на плохую, часто даже вредную для здоровья, или отправлять в сильные холода с семьей на дальние прииски [19]). Обязательство посылать на работу женщин и ответственность мужей за их невыход на работу не только создавало бесправное положение женщины, но и лишало их естественной защиты мужей [20]). Лишение бесплатного проезда до "жилого" места всех рассчитанных зимой рабочих, а также рабочих, рассчитанных "по своей вине" (определяемой каждый раз самой администрацией), отгоняло последнюю тень самостоятельности и независимости рабочего, повергая его в положение срочного рабства. Даже защитник Товарищества признает [21]), что от промысловой администрации всецело зависело установление наличности нарушения рабочим того или другого пункта и поэтому исчезало малейшее подобие равенства сторон в договоре. При нахождении приисков в глухой тайге, при полной монополии Товарищества в крае, рабочий был не в состоянии даже самовольно уйти с работ и фактически нарушить договор [22]). Если же кто-либо из приисковой администрации желал удалить неприятного ему рабочего, найти повод для этого было нетрудно. Удаленный рабочий не в состоянии был предъявить иска к Товариществу, так как ему и проживать было негде, и заработка было не найти пока тянулся бы процесс.

Ал. Блек.

(Окончание следует).

---

20) В «Правде о Ленских событиях» приведены многочисленные примеры и ряд ярких показаний свидетелей. См. прил. № 182, стр. 165, № 185, стр. 167, № 184, 215, 248 и др.

21) «Правда о Ленских событиях», прил. № 47, стр. 81; № 79, стр. 93; №№ 189—209 и др.

22) А. Невский, стр. 41—43.

Очерк истории труда в России.

I. Общие условия хозяйственной жизни в древнейшей Руси — с 6 по 10 век.

Историю труда нельзя понять без истории хозяйства; первая составляет неразрывную часть второй. Нельзя понять положение труда, если неизвестно, куда, главным образом, этот труд был направлен. Между тем, по отношению к древнейшей Руси вопрос о господствовавшей тогда отрасли хозяйства является крайне спорным. Поэтому, требуется тщательный его пересмотр и обоснованное решение.

Но, прежде всего, следует оговориться по вопросу о точном хронологическом определении того, что надо разуметь под словами "древнейшая Русь". По довольно давней уже традиции принято древнейший период русской истории именовать Киевской Русью или Киевским периодом, начиная его 6-м веком и заканчивая в 12-м. Осторожнее, однако, этот период Киевской Руси разделить на два—с 6-го до половины 10-го века и с половины 10-го до конца 12-го [1].

Куда, на какую отрасль хозяйства направлен был труд на Руси с 6-го до половины 10-го века?

В последнее время возродился очень старый ответ на этот вопрос, сводящийся к тому, что русские или восточные славяне, как и славяне вообще, были исстари земледельцами. Основания этого взгляда таковы: 1) люди везде и в особенности славяне начинали земледелием: это доказывает слово "соха", древнейшее значение которого—"палка, жердь", т.-е. виловатый сук, которым первоначально вскапывалась земля; 2) "на всех славянских языках совпадает корень жить и название хлеба, жито; слово брашно означает более частным образом муку, потом пищу вообще, затем имение; обилье означает и урожай и богатство; всем славянским языкам знакомы обще-индо-европейские термины главнейших земледельческих операций—пахать (в форме орати — лат. arare, греч. arao и т. д.) и сеять (лат. serere. лит. seti и т. под.), обще-индо-европейское название плуга орало (греч. aratron, армянск. araur) и серпа (греч. harpe, лат. sarpere); жатва обще-славянское слово точно так же, как и нива"; 3) "названия хлебных растений—овса, ячменя и т. д. —общее более или менее всем славянским языкам", а то обстоятельство, что славяне узнали пшеницу и просо и даже возделывали их, несомненно, явствует из происхождения обоих этих слов от глагола пьхати = молотить [2]; 4) преобладание земледелия доказывается аграрными, колядскими и другими песнями, жатвенными праздниками и пословицами, отражающими земледельческий труд [3].

---

1) Пишущий эти строки в ранних своих работах отдал дань прежней традиции (см. напр., «Обзор русской истории с социологической точки зрения», ч. I). В настоящее время он от этого взгляда отказывается (ср. «Русская история в сравнительно-историческом освещении». т. I).

2) Покровский, Очерк истории русской культуры, часть I (изд. третье), стр. 29, 42, 44.

3) Плеханов, История русской общественной мысли, т. I, М. 1919, стр. 40—43.

Разберем эти доводы по порядку. Верно, что соха значит в глубокой древности палка, жердь и что, следовательно, древнейшим орудием славян—да и не одних славян—при вспашке была палка. Но, во-первых, значит ли это, что палка, хотя бы она называлась и сохой, была всегда "виловатым суком, которым первоначально вскапывалась земля?" Нет, не значит: древнейшее назначение палки или дубины—быть оружием, в частности охотничьим оружием [4]). Значит, слово соха вовсе не доказывает, что славяне и тем более люди вообще "начинали земледелием". Да и вообще можно считать установленным, что люди сначала долгое время земледелием не занимались.

История и значение слов жито, брашно, обилье, орать, сеять, орало, серп, жатва, нива подтверждают только никем не оспариваемый факт, что славяне, еще не разделившись на далеко разошедшиеся в разные стороны племена, занимались земледелием, но не дают еще основания утверждать, будто они "главным образом, при помощи земледелия добывали себе пищу". Только на такой же вывод уполномочивает нас и происхождение проса и пшеницы от пьхати. И, наконец, в том же смысле можно толковать и колядские и иные песни, жатвенные праздники и пословицы.

Итак, земледелие у славян уже было, когда они жили все вместе. Это несомненно. И странно было бы, если бы было иначе: так было у всех народов на той ступени развития, на которой тогда находились славяне. Вопрос не в том, существовало ли земледелие—оно бесспорно существовало,—а в том, было ли оно главным источником средств существования. И некоторый свет на этот вопрос проливает уже цитированный сейчас лингвистический материал. Во-первых, он указывает, что славяне сначала копали палкой, виловатым суком, т.-е., что у них долго существовало мотыжное земледелие. А такое земледелие может быть подсобным занятием,—не более. Во-вторых, он убеждает в преобладании сначала, даже в исключительном посеве проса—очень неприхотливого растения, столь же универсально-земледельческого первоначально на юге, сколь таким на севере являлся ячмень, кстати также долго именовавшийся там "жито", т.-е. хлеб по преимуществу перед другими видами хлебных растений. Не даром же и Маврикий, писатель 6-го века, указывает, что у славян из земледельческих продуктов ("плодов", как он выражается) "больше всего проса" [5]). И это преобладание проса является ярким признаком второстепенного значения земледелия. Наконец, и в материале древних народных песен есть указание, что просо сеяли только девушки, женщины, а мужчины этим не занимались [6]): при существовании лишь женского земледелия нельзя предполагать господство земледельческого производства над другими ветвями хозяйства.

И если мы в дополнение ко всему этому примем во внимание бесспорный факт разброда славян в 6-м веке в разные стороны и учтем данные об общем характере их жизни и быта, сообщаемые византийскими писателями этого времени, то не будет сомнения, что первенствующим, господствующим земледелие тогда не было. "Живут славяне и анты в жалких хижинах, далеко расставленных друг от друга, и часто меняют свои места жительства"—пишет Прокопий [7]), а Маврикий ему вторит: "в лесах и болотах, посреди рек и стоячих озер, живут они, недоступные посторонним... и жизнь ведут прямо разбойническую"; "тех, кого они держат в плену, они не держат в рабстве бессрочно, но ограничивают их рабство известным сроком, после чего отпускают их, если они хотят, за некоторую мзду в их землю или же позволяют им поселиться с ними, но уже как свободным людям и друзьям"; "среди них бывает много раздоров и мало согласия", "все держатся противополож-

---

[4]) Мартилье, Доисторическая жизнь, стр. 107.

[5]) Maurikios. Strategicon.

[6]) В песне, где девушки поют: «а мы просо сеяли», а мужчины отвечают: «а мы просо вытопчем».

[7]) Procopius, De bello gothico, lib. III.

ных мнений, и никто не хочет уступить другому"; "земли славян и антов лежат вдоль реки", "близко от них леса, болота и поросшие тростником места" [8].

Но не только в 6-м веке, а и позднее—до 10-го столетия—земледелие далеко не преобладало. Наш Начальный летописный свод, каждый раз как он касается хозяйства,—ни словом не упоминает до 10-го века о земледелии, говоря о других занятиях [9]. "Рало" впервые упоминается лишь в конце 9-го и в 10-м веке [10]. Ибн-Даста, араб 10-го века, подтверждая, что славяне "более всего сеют просо", в то же время отмечает второстепенность земледелия, гиперболически утверждая, что "славяне совершенно не имеют пашен" [11]. Наконец, когда речь заходит о богатстве Руси,—к этому богатству даже в 10-м веке не причисляются продукты земледелия [12]. В сущности, и те исследователи, которые, как мы сейчас убедились, преувеличивают экономическое значение земледелия в древнейшей Руси, не отрицают, что охота и пчеловодство или бортничество были очень важны по крайней мере в 9-м и 10-м веках [13]. Выходит, следовательно, что раньше они были неважны, а когда появились на Руси варяжские князья, которые стали торговать с Византией, арабами и хозарами мехами, медом и воском, то эта потребность княжего хозяйства выдвинула на первый план охоту и бортничество. Карамзина в свое время упрекали в преувеличенном представлении о значении и влиянии государства. Отзвуки такого карамзинизма и потом существовали в идее о том, что русское общество создано государством, — идее, теперь если и не окончательно отвергнутой, то в очень значительной степени поколебленной. В разбираемом сейчас взгляде преувеличенное представление о значении государства опять возродилось: государственные в известном смысле потребности, точнее запросы княжего хозяйства произвели целый переворот. Так ли это?

Что охота и пчеловодство были всего важнее в то время,—на это данных у нас более, чем достаточно. Справедливо цитируется здесь летописное свидетельство 975 года об убийстве Люта Свенельдича, заехавшего на охоте в древлянскую землю из земли полян, Олегом, князем древлянским, как указание на то, что "территории племен именно в охотничьем отношении были отделены в древней Руси не менее резко, чем отделены друг от друга территории современных нам бразильских индейцев" [14]. Верно, что убедителен здесь и факт устройства Ольгою "становищ и ловищ" в земле древлян после ее покорения [15]. Сюда надо прибавить еще, что по Святославу мед, воск и меха были главными богатствами Руси [16], что Игорь и Ольга одаривали греков мехами [17], что в конце 9-го века древляне платили дань черными куницами [18], и что, по арабским данным, тогда вывозились из Руси меха выдры и черных лисиц [19].

Все это так и уж, кажется, теперь спору не подлежит. Но дело также в том, что это—далеко не "новообразование", а традиция далекого прошлого, непрерывно существовавшая. В самом деле: ведь северяне еще до прихода варяжских князей, следовательно вне их влияния, платили дань хозарам по шкуре белки с дыма [20]. Еще раньше Кий, Щек и Хорив, по занесенному в летопись преданию, были зверо-

---

8) Maurikios, Strategicon.
9) См., наприм., рассказ о Кие, Щеке и Хориве.
10) Начал. летопись под 883, 964 и 981 годами.
11) Гаркави, Сказания мусульманских писателей о славянах и русских.
12) Начал. летопись под 969 г.
13) Покровский, Очерк истории рус. культуры, I, стр. 45.
14) Покровский, Очерк истории рус. культуры, I, стр. 45.
15) Там же, стр. 46.
16) Нач. летопись под 969 г.
17) Там же под 945 и 955 г.г.
18) Там же под 883 г.
19) Гаркави, Сказания мусульм. писат.
20) Нач. лет. под 883 г.

ловами [21]). Сами же сторонники первенствующего значения земледелия в древнейшей России признают, что "слова лов, ловить, сеть и тенеты, несомненно, древне-славянские" [22]), и хотя они и утверждают, что "археология упорно отмалчивается на этот счет" [23]), но с этим согласиться нельзя: и мед и остатки шкур зверей, не говоря уже об охотничьем оружии, обычны среди археологических материалов. Да и странно бы было, если бы было иначе: нет сомнения, что не земледелие, а охота, бортничество и—прибавим сюда—скотоводство были виднейшими и важнейшими отраслями хозяйства в патриархальном быту, в эпоху, предшествовавшую тому периоду, о котором сейчас у нас идет речь. Как же могло случиться, что земледелие временно отодвинуло их на второй план, чтобы потом опять почтительно посторониться перед ними под влиянием варяжских князей с их разбойничьим сбором дани и не менее разбойничьей торговлей? Прибавим только, что скотоводство было, разумеется, не "сложным и трудным", а очень простым, примитивным, выгонным, с содержанием скота круглый год на подножном корму— точь-в-точь как и теперь, например, в восточной Сибири.

II. Труд в древнейшей Руси.

Предшествующее изложение дает достаточную, как кажется, основу для характеристики положения труда в древнейшей Руси. Конечно, земледелие тогда уже существовало, но еще только как подсобное, второстепенное занятие, главными же отраслями хозяйства были охота и пчеловодство. Уже это обстоятельство и общая сильная подвижность и редкость населения свидетельствуют об одной важной стороне в организации труда, о степени его напряженности, об известном уровне техники. Ясно, что напряженность была невелика, техника была очень низка. Достаточно в этом смысле и прямых указаний. И "ловы" и "тенета" и "сети"—признаки примитивной охоты. Пчеловодство не даром носило название бортничества: оно было диким, лесным, сопровождалось прямым, хищническим истреблением пчел: не даром один позднейший князь говорил еще: "не передавивши пчел не есть и меду". Земледелие в лесной и болотистой стране могло быть только подсечным или ляди́нным. Скотоводство существовало почти только как выгонное. Торговля была разбойничья, и масса населения в ней участия не принимала.

При наличности этих наблюдений становится вполне понятным известие Маврикия о рабах у славян, выше уже приведенное: "тех, кто у них в плену, они не держат в рабстве бессрочно, подобно другим народам, но ограничивают их рабство известным сроком, после чего отпускают их, если они хотят, за некоторую плату в их землю или же позволяют им поселиться с ними, но уже как свободным людям и друзьям". При господстве примитивных отраслей хозяйства, при крайней экстенсивности техники производства, при сохранении натурального хозяйства нет нужды ни в большом числе рабов, ни в их вечности и наследственности, потому что не существует потребности в эксплоатации чужого подневольного труда,—и своего, свободного достаточно. Рабство и вообще несвободный труд — не характерный, не господствующий, а второстепенный признак положения труда в древнейшей Руси. Правда, высшие слои общества и до варягов и особенно после их прихода пленниками-рабами торговали, но эта торговля удовлетворяла потребностям в несвободном труде, существовавшим в иностранном, не-русском хозяйстве, и имела отношение к народному хозяйству Руси, главным образом, в том смысле, что служила источником дополнительного, избыточного дохода для верхов общества.

Впрочем, надо оговориться: плен и вытекавшее из него рабство, вообще мягкое и временное, являлось при продаже рабов на византийском и хозар-

21) Там же—в начале, в рассказе без годов.
22) Покровский. Оч. ист. рус. культ., I, стр. 45.
23) Там же, I, стр. 45.

ском рынке одним из наиболее ярких проявлений хищнической, экстенсивной техники хозяйствования, расхищения, хищнической эксплоатации производительных сил. Не создавая внутри страны многочисленного и прочного контингента несвободных рабочих, рабство того времени до известной, довольно значительной, степени давало такой контингент более передовым хозяйствам других народов и в то же время и на месте создавало или по крайней мере подготовляло кадры будущих несвободных и полусвободных состояний, которые должны были сложиться в целую компактную армию тогда, когда для того созреют подходящие хозяйственные условия. Реально, в действительности несвободное состояние не было частым и распространенным, тем более прочным и постоянным в древнейшей Руси. Но, не создавая реальности, положение вещей в то время чревато было возможностью порабощения для всякого свободного человека, особенно, если он почему-либо отбивался от союза, к которому принадлежал, порывал с ним так или иначе связи, становился "изгоем", т.-е. человеком, которому не дано жить нормальной по тому времени жизнью [24]).

Значит, нормальным в древнейшей Руси состоянием труда был труд свободный. Спрашивается теперь: был ли этот свободный труд личный или коллективный, и если коллективный, то какой коллектив его организовывал? Древнейшая Русь знала только кровные коллективы—племя, род и семью. Племя обладало определенной территорией, которая имела, прежде всего, как верно замечено [25]), охотничье значение: вся территория данного племени находилась в монопольном охотничьем пользовании только его одного. Значит ли это, что все племя вольно, свободно пользовалось подходящими для охоты угодьями на всем пространстве племенной территории? Едва ли. Повидимому, и племенная территория была более или менее разграничена между родами. Это явствует из известного, классического летописного текста о полянах: "живяху кождо своим родом, на своих местех, владеюще кождо родом своим". А что такое род? Это—совокупность родственных семей. Тот же летописный текст живо и ярко нам это показывает, иллюстрируя свое приведенное сейчас положение примером трех братьев Кия, Щека и Хорива и сестры их, Лыбеди. Характерно здесь и то, что каждый из них жил особо, очевидно, со своими семьями, причем Лыбедь, вероятно, была вдовой—домоправительницей, как впоследствии Ольга при малолетнем Святославе и как вообще была позднее еще, во времена пространной Русской Правды, мать-вдова при малолетних детях: Кий жил у перевоза Боричева, Щек на горе Щековице, Хорив на горе Хоривице, Лыбедь на реке Лыбеди. Конечно, это—предание, в конкретных подробностях—в именах и лицах—недостоверное, может быть, это то, что Швеглер в римской истории называл "этиологическим мифом" — попытка наивно истолковать причины названий урочищ, персонифицируя происхождение этих названий. Но дело не в этом, —дело в том, что народ, слагая эти предания, верно отражает бытовые условия. А если так, то становятся понятными и ясными взаимоотношения между семьей и родом. Род владел сообща землей, а в пределах этой земли хозяйствовали и вольно, захватно пользовались землей отдельные семьи, жившие каждая особо. Этот вывод подтверждается, с одной стороны, некоторыми наблюдениями, относящимися к позднейшему времени, с другой—данными археологии.

Позднейшие наблюдения касаются способов межевания по Русской Правде еще 12-го века: там мы встречаем "межу ролейную" [26]), т.-е. пашенную, проведенную опахиванием земли, и "дуб знаменный" или "межный" [27]), т.-е. со "знаменем", с высеченной зарубкой или знаком определенной формы. И то и другое известно

24) Изгой от гоить, давать жить: Калачев, О значении изгоев в «Архиве ист.-юридич. сведений о России», 1-ая половина, кн. 2-я, стр. 59—69.

25) Покровский, Очерк истории русской культуры, I, стр. 45.

26) Русская Правда, Троицкий список, статья 65 (здесь, как и везде, по изданию Калачова—текст Русской Правды).

27) Там же, статья 66.

было еще в 19-м веке в степных и лесных местностях Сибири со слабым населением,—там, где господствовало недавно вольное или захватное землепользование: все домохозяева определенного селения или волости в назначенный день и час собирались вместе на конях, по данному знаку раз'езжались и, если местность была степная, опахивали себе участки для пользования в этот год, а в лесных местностях "зачерчивали" или "затягивали" их, т.-е. обозначали пределы предполагаемых в наступающий год к использованию участков зарубками, значками, "знаменами" на деревьях [28]).

Таковы позднейшие данные, подтверждающие факт вольного семейного пользования землей в пределах родовой территории, пополняющие недостающие звенья той цепи, остатками которой являются известия наших источников. Что касается археологических данных, то они дают нам конкретные материальные остатки тех самых семейных поселков, о которых говорит Начальный летописный свод в рассказе о Кие, Щеке, Хориве и Лыбеди. Это так называемые городища, те "дымы" или "домы", с которых платилась тогда дань [29]). Эти городища обыкновенно имеют треугольную или круглую форму, окружены валом, имеют в окружности от 300 до 450 шагов, но иногда только 200, а подчас и 1.000. Незначительность площади городищ и показывает, что это — остатки семейных поселков [30]). Напрасно их считали остатками древних городов [31]) или местами для богослужения [32]). То были просто укрепленные однодворные семейные поселки.

Конечный вывод ясен: в древнейшей Руси характерной формой труда был труд свободных людей в родственном коллективе—семье: род давал территорию семье, свободно ею используемую в ее пределах: племя давало родам племенную территорию, в пределах которой роды могли также свободно передвигаться и временно использовать землю особенно для охоты, бортничества, а также для скотоводства и отчасти для земледелия. Приведенная характеристика положения труда в древнейшей России показывает, что средний свободный человек того времени пользовался известной степенью обеспеченности, экономической самостоятельности, поскольку он был членом семейного, затем родового и племенного союзов. Это обстоятельство и вольное пользование землей глубоко отложились, прочно залегли в народном сознании. И потому русский крестьянин, подобно всем другим,—например, эллинскому, как показывает Гесиод, или итальянскому, как то выразил Иоахим из Фиоре, — видел золотой век позади, в прошлом, идеализировал это прошлое и пытался восстановить его в казачестве. Русский крестьянин мечтал о тех временах, когда он крестьянином-землеробом в настоящем смысле этого слова еще не был или почти не был.

III. Хозяйство 10—12 веков.

Важнейшая перемена, обнаружившаяся в 10—12 веках, заключалась именно в превращении древнего свободного человека — "людина" — в крестьянина-земледельца, смерда, как он тогда назывался. В этом вопросе теперь нет и, кажется, уже не может быть разногласий: земледелие стало по крайней мере равным охоте, пчеловодству, скотоводству, даже, повидимому, превзошло их по экономическому своему весу и значению. Нет нужды поэтому пытаться исчерпать все относящиеся сюда доказательства. Достаточно упомянуть о важнейших решающих. Их два: одно летописное известие, другое—народная "старина", былина, притом уже северная, относящаяся, повидимому, к концу периода, быть может, даже к началу следую-

---

28) Филимонов, Формы землевладения в северо-западной Барабе.
29) Нач. летопись под 883 и 904 годами.
30) Ключевский. Курс русской истории, ч. I.
31) Самоквасов, Древние города России. (Спб. 1873), стр. 98—100, 112.
32) Это—мнение Ходаковского.

щего, но отражающая результат того, что совершилось именно в период, к которому мы переходим.

Весной 1103 года, едва начались полевые работы, съехались у Долобского озера южно-русские князья для обсуждения вопроса, следует ли немедленно идти походом на половцев. Мнения разделились. Подавляющее большинство во главе со Святополком Изяславичем киевским высказалось против похода, Владимир Мономах был за то, чтобы поход был немедленно предпринят. Но чем аргументировали обе стороны? Они аргументировали интересами земледелия и земледельца—смерда: Святополк и его единомышленники говорили, что нельзя отрывать смерда и его коня от полевых работ для похода, а Владимир Мономах указывал, что если поход не состоится, половцы все равно перебьют крестьян, уведут их лошадей и прекратят полевые работы 33). Бытовая земледельческая обстановка русской жизни в 12-м в. обрисовывается, таким образом, очень ярко. Быть может, она не так доминировала в 10 и 11-м веках, но приведенный рассказ убеждает, что и тогда она быстро подготовлялась и воплощалась в действительность.

Так было на юге. Так же было и на севере, как о том свидетельствует былина о Микуле Селяниновиче. Что речь в этой былине идет о северной пахоте,—это видно из вывертывания валунов, описываемого в былине 34). А все содержание этого превосходного в своем роде образца народного эпоса не оставляет сомнения в том, что здесь изображается огромная экономическая и социальная революция: земледелие окончательно победило, и потому мужик-землероб Микула Селянинович оказывается во всех отношениях превосходящим и Вольгу—этот отзвук знаменитого викинга Олега 35)—и всю его "дружинушку хоробрую".

Итак мужик победил, земледелие восторжествовало. Настали ли для русского земледельческого труда и трудящихся лучшие, чем прежде, дни?

IV. Земледельческий труд 10—12 веков.

Уже в былине о Микуле — этом хвастливом, даже восторженном дифирамбе земледелию и земледельцу, его силе и превосходству над старыми охотниками и разбойниками—есть одна черта, в которой проскользнуло, пробилось, быть может, против воли тех, кто ее сложил, сознание, что новый земледельческий труд тяжелее старого: поднять и вытряхнуть сошку не могла вся дружина Вольги: земледелие — тяжелый труд, изнуряющий, требующий необыкновенной силы и терпения, это — страда... И страда даже тогда, когда оно в высшей степени экстенсивно, примитивно, когда его техника— первоначальная: лядинная, огневая, подсечная. В год не приготовишь пашни на новине. Нужно по меньшей мере два года: в первый — ободрать кору, подсушить деревья; только на второй —вырубить, выжечь, выкорчевать, а потом уже—пахать. И чтобы всецело отдаться земледелию, нужен запас семян для посева и пропитания, необходимы постройки для сушки хлеба или хотя бы для прикрытия его от атмосферических влияний, надобны орудия и, главное, живой земледельческий инвентарь—скот, хорошо выкормленный, не содержащийся вечно на подножном корму.

Все это — трудности, почти непреодолимые для охотников, бортников, первобытных скотоводов, лишь изредка и отчасти обращавшихся к самому примитивному земледелию, служившему подспорьем, подсобным занятием. Без чужой помощи теперь не обойтись, а она даром не дается. И вот начинается взаимный обмен услуг. Богатые помогают бедным, снабжая их постройками, живым и мертвым инвентарем, семенами, подчас и деньгами—это все носит название "купы" — займа под залог личности занимающего,—дают и небольшой участок земли для работы на

33) Нач. летопись под 1103 г.

34) В. Миллер, Очерки русской народной словесности, М. 1897, стр. 168.

35) Там же.

себя—peculium, "отарицу". А бедные обязуются нести на богатых рабочую повинность на их пашне в уплату долга и так работать до самой уплаты, которая происходит или работой или деньгами. Отсюда и получается состояние "ролейного закупа", полусвободного пашенного работника на кредитора и отчасти на себя, обеспечивающего свой заем самозалогом, залогом своей личности, и потому не могущего уйти без расплаты, подчиненного дисциплинарной власти кредитора, могущего "бить его про дело", но отвечающего, если "бьет несмысля, пьян". Закуп может занять деньги у другого и, уплатив долг, уйти; он защищен от обид судом князя. Но он не вполне правоспособен: за преступление его отвечает его кредитор-господин, который, платя за него штраф, обращает его в своего "обельного", т.-е. полного (от "облый"—круглый, полный) холопа; закуп на суде допрашивается в качестве свидетеля только "по нужде"—и то лишь в мелких делах [36].

Так, лишь только земледелие стало побеждать,—появилось состояние полусвободных земледельческих рабочих, заложивших себя кредитору батраков с наделом. Сразу подул ветер крепостничества, полусвободы. Но, конечно, этим дело не ограничилось. Организаторы земледельческого хозяйства того времени—богатые ростовщики—князья, бояре, епископы, монастыри—и обельных, полных своих холопов сажали на пашню. И, наконец, это приложение к земле полусвободного и несвободного труда, затраты средств на организацию труда, трудность расчистки почвы и проч., создали понятие частной, личной собственности на землю: "земля моя, потому что на ней сидят мои люди" [37], и на нее затрачены мои средства—таков был вывод, сделанный верхами общества. Торжество земледелия создало понятие и факт личной земельной собственности—княжеской, боярской, архиерейской и монастырской.

А как же Микула Селянинович, вольный могучий пахарь севера? Ведь он то ни от кого не зависел! Отдельные поселенцы, проникавшие на Волгу, Оку с их притоками и далее к Северному океану, продиравшиеся сквозь "дебри непроходимые и дрязги великие"—леса и болота, до известной степени были действительно независимы. Но то были люди, уже прошедшие или по крайней мере наблюдавшие школу, если не холопства, то закупничества, убегавшие от этой неволи или полуневоли, уже приспособившиеся несколько к земледелию. Да и на новых местах они, как и южно-русские смерды-земледельцы, не усвоили себе понятия о своей собственности на землю: они еще и позднее своим считали только носилье—труд, вложенный в землю, и его результаты—"роспаши и ржи", а землю считали ничьей, вольной, "божьей да государя великого князя".

И вот эта прибавка "государя", т.-е. господина, владельца—все равно князя, боярина, архиерея, монастыря—показывает, что и здесь, на севере, без помощи сверху при постановке земледельческого хозяйства обойтись все-таки не удалось. Несвобода или полусвобода шла по пятам переселенца, раз он стал земледельцем по преимуществу или исключительно.

V. Другие формы труда в 10—12 веках.

Крестьянин-земледелец, как мы только что видели, при самом своем происхождении, при появлении на исторической сцене, носил в себе зародыш рабства и крепостничества. Это же можно в общем и целом повторить и о его современниках—трудившихся в других отраслях хозяйства и общественной жизни. Конечно, в то время уже были мелкие ремесленники в городах и кустари в деревнях, раб-

---

36) См. Рус. Правда, Троиц. сп., ст. 51—55, 57, 59; Мейер, Древнерусское право залога: «Юрид. Сборник» Мейера, Казань 1855, стр. 225; Неволин, Пол. Собр. Соч., т. V, стр. 147; Чичерин, Опыты по истории рус. права, стр. 154; Яковкин, Закупы Р. Правды: «Журнал министерства народного просвещения» за 1913 год.

37) Ключевский, Курс русской истории, ч. I.

гавшие на заказ или на местный небольшой сбыт. До нас дошло несколько очень ярких и интересных конкретных картинок этого порядка. Таков, например, рассказ Новгородской летописи о том, как житель подгородного погоста Пидьбы вез в Новгород на базар продавать горшки в то самое время, как идол Перуна был ввергнут в Волхов и плыл под большим волховским мостом [37]. Сюда же относятся сообщения Патерика Печерского о том, что в Киево-Печерском монастыре монахи "копытца (т.-е. чулки) плетяще и клобуки (шапки)", а Феодосий прял шерсть "на сплетение копытцам" [38]. Есть и другие подобные факты.

Но характерно, что по Русской Правде "ремесленник" и "ремесленница"—холопы [39]. Даже такая интеллигентская профессия, как воспитание детей, повидимому, всегда или почти всегда была связана с рабским положением: рабами в Русской Правде являются "кормилец" (дядька) и "кормилица" [40]. По тому же памятнику бывали холопы—поверенные своих господ по их торговым делам, тиуны или приказчики [41] и т. д. Этому соответствовало и умножение источников холопства в 10—12 веках. Прежде единственным, повидимому, источником был плен, и он обыкновенно приводил лишь к временному рабству, не потомственному и не наследственному. Теперь плен, как источник холопства, сохранился: князья во время своих междоусобий после побед уходили обычно, "ополонившись челядью" [42]. Но, кроме того, возник и развился целый ряд других источников и способов порабощения. То были купля-продажа в рабство, женитьба на рабе без особого договора о свободе с ее господином, служба приказчиком или ключником также без особого договора [43], рождение от несвободных родителей, т.-е. от брака холопа с рабой [44], наконец, незаконный уход закупа от господина и кража, им совершенная [45]. Сгущение атмосферы несвободы, рабства в 10—12 веках явствует и из того обстоятельства, что бояре или княжие мужи стали зваться тогда огнищанами. Из всех толкований этого слова надо признать правильным только то, которое об'ясняет слово "огнищанин" именно как "рабовладелец", потому что словом "огнища" в древнем, относящемся к 11-му веку, переводе 12-ти проповедей Григория Богослова передано греческое слово andrapoda (=рабы) [46]. Отожествление бояр с рабовладельцами лучше всего показывает, как много на Руси 11—12 веков пользовались они рабским трудом.

Были ли в те времена свободные представители интеллигентных профессий? В Русской Правде упоминаются "летьц" [47], т.-е. лекарь, врач и "писец" [48]. Но второй был, вероятно, чиновником князя, а первый просто деревенским знахарем. В монастырях игумены и монахи, подобно знаменитому Сильвестру, который будучи игуменом Михайловского Выдубицкого монастыря в Киеве, "написа книги си летописець", или печерскому монаху Нестору, "иже написи летописец", занимались литературным творчеством. Составлялись летописные своды, проповеди, поучения, переводилась греческая художественная литература, были монахи-иконописцы. Был и писал, несомненно, вышедший из рядов дружины высокоталантливый певец "Слова о полку Игореве". Во всем этом нельзя не видеть зародышей будущей

37-bis) Новгор. летопись под 990 г.

38) Эти факты впервые отметил и оценил Аристов: «Промышленность древней Руси».

39) Рус. Правда, Акад. сп., ст. 24; Троиц. сп., ст. 14.

40) Там же.

41) Рус. Правда, Троиц. сп., ст. 111, 112, 114.

42) Напр., нач. лет. под 1096 г.

43) Рус. Правда, Троиц. сп., ст. 102.

44) Там же, ст. 93.

45) Там же, ст. 52.

46) Ключевский, Подушная подать и отмена холопства: «Рус. Мысль» за 1886 г., июль, стр. 3, 4, прим. Перевод Григория Богослова в «Известиях Академии Наук по отдел. рус. яз. и словесности» за 1855 г., т. IV, стр. 311.

47) Рус. Правда, Акад. сп., ст. 5.

48) Рус. Правда, Тр. сп., ст. 67.

профессиональной интеллигенции. Конечно, слабые элементы ее были и раньше—в лице тех волхвов и гадателей древнейшей Руси, известия о которых уцелели в наших летописях и остатки которых держались очень долго спустя после оффициального принятия христианства, далеко, как известно, не повсеместного и сопровождавшегося сохранением многочисленных и разнообразных остатков язычества,—двоеверием. Мы остановимся еще ниже на происхождении интеллигенции более подробно.

Остается, наконец, отметить как редкое исключение существование наемного труда в 12-м веке: в пространной Русской Правде встречается указание на срочных рабочих, работающих из-за хлеба, иногда и с небольшой денежной доплатой. Повидимому, это бывало лишь в случае крайней бедности и голода. Это—зародыш русского пролетариата, разумеется, в самой элементарной еще форме.

VI. Хозяйственная характеристика удельного северо-востока России в 13—15 веках.

Со времен появления книги Павлова-Сильванского: "Феодализм в древней Руси" не может, кажется, существовать сомнения в том, что феодальные отношения, а, следовательно, и феодальное хозяйство не были совершенно чуждыми русскому историческому прошлому. Но при всей важности сближений и параллелей, приведенных названным исследователем, его работа страдает тем основным недостатком, что намечает лишь сходства, не изучая различий. Кроме того, она мало внимания обращает на хозяйство, и потому остается нераз'ясненным и даже не поставленным вопрос о причинах особенностей русского феодализма. Очевидно, необходимо углубить здесь исследование, чтобы выяснить эту важную научную проблему, без решения которой невозможно сделать ни шагу вперед в изучении истории труда в России удельного времени. Хорошо известно, что и на западе Европы не во всех странах феодализм отлился в одинаковые формы, вернее, не было ни одной страны, не имевшей своих особенностей в феодальных порядках и отношениях, и что эти особенности в последнем счете об'ясняются отличиями в феодальном хозяйстве разных стран,—тем, было ли такое хозяйство более передовым или более отсталым сравнительно с классическим типом феодального хозяйства, представленным средневековой Францией [49]. Тот же метод углубленного сравнительно-исторического исследования необходимо применить и к изучению русского феодального хозяйства.

Классическим феодальным хозяйством надо считать вовсе не натуральное хозяйство, как часто думали прежде, а хозяйство денежное, товарное, но рассчитанное на небольшой, местный, узкий, замкнутый рынок верст в 20—30, иногда и менее в окружности от центрального базара. Таково именно и было хозяйство Франции с половины 9-го до конца 12-го века. Наш русский феодализм запоздал сравнительно с французским и вообще западно-европейским: полный расцвет русского феодализма относится к 13-му веку и началу 14-го века. Но он не только запоздал хронологически, а и отстал по существу: он не был основан на товарном хозяйстве с местным рынком, а покоился на более примитивном, почти целиком натуральном хозяйстве. Господство натуральных владельческих оброков "посопом", т.-е. хлебом в определенном количестве мер, или долей урожая (половиной, третью, четвертью и пр.), натуральных государственных повинностей (городовое, ямчужное дело, ямская гоньба и пр.), натуральных кормов местной администрации, частые указания

---

49) Относящийся сюда материал сведен и разработан пишущим эти строки во II томе его „Русской истории в сравнительно—историческом освещении"; ср. для Франции Flach, Les origines de l'ancienne France; Sée, Les classes rurales et le régime domanial en France au moyen âge; Lamprecht, Beiträge zur franz. Wirtschaftsleben и пр.; для Германии—Dopsch, Die Wirtschaftsentwickelung der Karolingerzeit; для Англии—Виноградов, Исследования по соц. ист. Англии,—Средневек. поместье Англии и проч.

на собственное потребление производимых хозяйственных благ, слабость торговли — особенно внутренней,—все это ставит вне сомнения общий натурально-хозяйственный облик удельной северо-восточной Руси. Натуральный характер оброков, государственных повинностей и наместничьих и волостелинских кормов слишком ясен и известен, чтобы на этом дольше останавливаться. Приведем только два-три конкретных примера производства не на продажу, а с чисто-потребительскими целями. Известно, что Сергий Радонежский шил сапоги для братии своего же монастыря [50]). Он же со своими сподвижниками, а также Стефан Махрищский, Пахомий, основатель Сыпанова монастыря, строитель великоустюжского Архангельского монастыря Киприан, занимались земледелием также исключительно на монастырский обиход [51]) и т. д.

Переход к преобладанию земледелия, совершившийся, как мы уже видели, еще раньше, теперь получил совершенно определенные формы: у удельных князей, как и у бояр, монастырей, епископов, на первом плане стояло, именно, сельское хозяйство [52]). И соответственно этому, как и раньше, сложилось и господствовало крупное землевладение натурально-хозяйственного типа; земля подверглась "окняжению" и "обояренню", крестьянство на удельном северо-востоке—между Окой и Волгой—обезземелилось, если не совершенно и окончательно, то в подавляющем большинстве случаев: нельзя было обзаводиться хозяйством и вести его без чужой помощи, без поддержки более состоятельных людей, отсюда и вышло в конце концов окняжение и обояренне земли. Все доходы с земли брались обычно натурой—продуктами земледелия или работой—и шли на содержание княжого или боярского двора, дворни огромной, как огромны были часто и самые имения, военных и хозяйственных слуг. Обширность и разбросанность нескладного внутренно-несвязного натурально-хозяйственного целого осложнялась и дополнялась тем, что и военные и хозяйственные слуги снабжались за службу и для службы землей во временное и условное—поместное—владение, соответствовавшее западно-европейскому бенефицию на светских землях и прекарию на землях церковных. Даже терминология часто была тожественной на западе и у нас: beneficium по точному смыслу этого слова, соответствующему жизненной функции земли, ими обозначаемой, был жалованьем; и наше поместье иногда называлось также жалованьем [53]). Поместья раздавались и князьями — удельными и великими [54]), и боярами [55]), и монастырями [56]), и архиереями [57]).

Изложенная характеристика хозяйства русского удельного северо-востока дает основание прежде всего для того вывода, что в 13-м и 14-м веках классовое расчленение общества сделало весьма заметные успехи: выделился и сложился особый класс крупных землевладельцев светских и духовных—необходимый признак всякого феодализма, законченного в своем развитии и недоразвитого, и параллельно этому образовалось зависимое владение — служилое (поместье) и крестьянское, половничья и вообще по преимуществу натуральная аренда.

Но недоразвитость русского феодализма сказалась ли на положении трудящихся, на условиях труда в удельной Руси? Это—основной вопрос в исследовании истории труда в России. К решению его и необходимо теперь обратиться.

---

50) Великие Минеи Четьи, вып. III, 1507 и след.
51) Рожков, Сельское хозяйство Моск. Руси в XVI в., стр. 327.
52) Бахрушин, Княжеское хозяйство в XV и первой половине XVI в.: «Сборник в честь В. О. Ключевского», стр. 564.
53) Собрание Госуд. Грамот и Договоров, т. I, №№ 86 и 87.
54) Собрание, там же, т. I, №№ 22, 86, 87.
55) [illegible], Тверской уезд в XVI в.
56) Пискарев, Древн. грамоты и акты Рязанск. края, №№ 10, 16, 18.
57) Рожков, Сельск. хозяйство М. Руси в XVI в., стр. 62, 461.

VII. Положение труда в удельной северо-восточной Руси 13 и 14 веков.

То обстоятельство, что развитое феодальное хозяйство запада Европы покоилось на базе узкого местного рынка, не широкой, но все же уже товарно-хозяйственной, привело к совершенно определенной организации труда, вполне приспособленной к такой базе. Узкий местный рынок создавал замкнутое, почти вполне самодовлеющее, но внутри органически сплоченное хозяйственное целое. Несколько десятков или сотня-две тысяч человек, живших в пределах крупной баронии, должны были по необходимости точно регламентировать свои взаимоотношения и в первую очередь хозяйственные функции для того, чтобы укрепить это хозяйственное целое, этот почти совершенно изолированный экономический мирок, чтобы упрочить его существование, не допустив его разрушения, крушения. Отсюда вышли две характерные черты в положении трудящихся на средневековом европейском западе — цеховой строй ремесла и прикрепление крестьян к земле.

Исследователи много спорили об исторических прецедентах цехового строя: то выводили его из римских традиций, то считали предшественниками цехов вотчинные magisteria ремесленников, то, наконец, что сейчас пользуется наибольшим успехом, придерживаются теории свободного происхождения цехового строя. Поскольку речь может и должна идти о прецедентах, быть может, всего вернее то воззрение, что они имеются и здесь и там—и в свободных и в вотчинных, зависевших от землевладельцев ассоциациях. Но, не отрицая значения точного и верного решения вопроса о прецедентах, мы все же не должны забывать, что проблема определения происхождения цехов заключается не только в установлении их исторических прецедентов, но и, главным образом, в определении тех реальных причин, которые дали этим прецедентам продолжение, обеспечили им жизненность. Среди этих реальных причин хозяйственным условиям принадлежит решающее значение.

В самом деле: почему утвердился цеховой строй с цеховой принудительностью, т.-е. запрещением заниматься ремеслом тем, кто в цех не записан, с точным регулированием цен, количества и качества производимых каждым ремесленником товаров, с определенной регистрацией взаимоотношений мастеров, подмастерьев и учеников? Он мог утвердиться только потому, что все было построено на узком местном рынке, расчитано было на неширокий сбыт. Надо было избежать сколько-нибудь чувствительных потрясений и пертурбаций. Отсюда и вышла цеховая регламентация.

Таково же в существе своем происхождение и поземельного прикрепления крестьян, т.-е. такого порядка, по которому не только крестьянин не может оставить свой участок, но и землевладелец не имеет права оторвать от этого участка крестьянина, продать его, заложить, вообще подвергнуть отчуждению в другие руки независимо от земли, им занимаемой, перевести с участка на участок, из имения в имение, из одной области страны в другую, вообще разорвать крестьянина и землю, им занимаемую, на две части. Крестьянин и земля при наличности прикрепления к земле—неразрывное целое, компактное, единое, неделимое. Все это необходимо именно потому, что узкий местный рынок нуждается в определенном количестве сельско-хозяйственных продуктов, продаваемых по определенной цене, следовательно, в постоянном количестве сельско-хозяйственных рабочих. Разрешить при таких условиях не только крестьянину свободно уходить, но и землевладельцу произвольно распоряжаться его личностью, осуществлять личное, а не поземельное прикрепление значило бы подвергать благосостояние населения, тяготевшего к данному местному рынку, опасности сильных потрясений, угрожавших полным развалом, гибелью.

В удельной Руси почти не было товарного хозяйства с узким рынком, господствовало хозяйство натуральное. Не могло быть, следовательно, и сложившегося,

развитого цехового строя и прикрепления крестьян к земле. То и другое подтверждается всеми имеющимися в нашем распоряжении источниками. Конечно, в наших городах, по крайней мере позднее, существовали ремесленные слободы, которые, повидимому, организовывались корпоративно, на подобие цехов, но нет следов ни цеховой принудительности, ни регламентации цен, количества и качества вырабатывавшихся изделий. С другой стороны, хорошо известно и прочно установлено, что крестьяне пользовались свободой перехода. Эта свобода перехода засвидетельствована, не говоря уже о позднейших данных, таким документом 14-го века, как духовная грамота удельного князя Владимира Андреевича [58]. Свобода крестьянского перехода имела, надо думать, экономическую подкладку: среднее крестьянское хозяйство того времени в большинстве случаев, вероятнее всего, могло, с помощью землевладельцев, сводить концы с концами, обойтись без непоправимого по крайней мере дефицита. Это видно из того, что по старинной традиции, отмеченной позднее, нормальный крестьянский участок—выть, равная “однокольцу”, т.-е. владельцу одной колышки или телеги [59], иначе—рабочему на одной лошади,—был достаточен для содержания средней крестьянской семьи. Однако, это справедливо далеко не для всех случаев, а только для их большинства, притом лишь при нормальном ходе хозяйства, когда не было пертурбаций или невзгод, его постигавших. А такие пертурбации и невзгоды при низкой землевладельческой технике случались очень часто. Отсюда проистекала задолженность многих крестьян, и она мало-по-малу уже тогда опутывала крестьян и стесняла свободу их перехода. Вследствие этой задолженности, имения нередко отчуждались вместе с “крестьянским серебром”, с долгами, лежавшими на крестьянах, а, следовательно, и с самими должниками “со крестьяны”, как прямо выражаются грамоты [60]. Затем в 14-м веке встречаем важное ограничение свободы крестьянского перехода: в договорных грамотах князья взаимно обязываются “промеже себя не принимать в свои уделы” людей данных, черных, письменных, численных или числяков и тяглых [61]. Все эти термины, несомненно, относятся к крестьянству: люди данные те, которые платят дань—прямую подать, черные—платящие подати и отбывающие повинности, тяглые—несущие тягло, т.-е. те же подати и повинности, письменные, численные люди и числяки—переписанные, занесенные в писцовую книгу, исчисленные в ней по количеству, сосчитанные с теми же целями обложения. Это, значит все крестьяне. Их право перехода тут прямо не уничтожается, но оно стесняется путем взаимного уговора князей не принимать их в свои уделы из чужих.

Наконец, в среде крестьянства было много закладней, людей заложившихся за кого-либо, отдавшихся под чужое покровительство и защиту, подчинившихся чужой частной юрисдикции и финансовой, податной власти: закладничество—это западно-европейская коммендация, зачаточная форма феодализма [62]. Закладни, как и западно-европейские коммендаты, не были связаны со своими патронами постоянною связью подданства, вассалитетом. Но зародыш вассалитета здесь уже имелся налицо. Юридически закладни все же считались свободными, не причисляясь к холопам.

Свободными же были в это время и так называемые кабальные люди—состояние, обязанное своим происхождением также долгу, задолженности. Так назывались лица, сделавшие заем и обязавшиеся особым письменным актом—“служилой кабалой”—за проценты по этому займу, “за рост служити” кредитору “по вся дни во дворе его”. Уплатив долг, кабальный человек мог свободно уйти от бывшего своего кредитора.

---

58) Собрание Государственных Грамот и Договоров, т. I, № 40.
59) Милюков, Спорные вопросы финансовой истории Московского государства, стр. 43.
60) Русская Историческая Библиотека, т. II, № 8.
61) Собр. Госуд. Грам. и Дог., т. I, №№ 34, 35 и др.
62) Павлов-Сильванский, Феодализм в древней Руси.

Таковы были довольно уже многочисленные признаки, указывавшие на стихийные тенденции житейских отношений и порядков, подготовлявшие если не прямо крепостничество, то стеснение крестьянской свободы перехода, и отчасти также на сознательные стремления и попытки верхов общества—князей по крайней мере—в том же смысле и направлении. Но натурально-хозяйственное обширное, часто разбросанное, черезполосное земельное владение князя, боярина, монастыря, епископа не могло обойтись одними крестьянами. Их оброки, изделье, помочи не давали ему всего, что нужно. Большой боярин, удельный, тем более великий князь, настоятель богатого монастыря, князь церкви— митрополит или архиепископ нуждался в многочисленной дворне, в обслуживании своего дворца и разных статей или, как тогда выражались, "путей" дворцового хозяйства, в уходе за лошадьми и вообще скотом, в наблюдении за столом—яствами и питиями, в правильном содержании и организации охоты—звериной и птичьей и т. д., наконец, в постановке огородничества, садоводства и дворцовой пахоты. Все это требовало рабочих сил разных рангов и видов, и эти рабочие силы были несвободные, холопские, рабские, причем холопы соответственно своим специальным назначениям дифференцировались, разделились на несколько разрядов. Среди них, прежде всего, выделялись "большие холопы", т.-е княжеские и боярские приказные люди,—ключники, посельские, тиуны, вообще "слуги под дворским", подчиненные дворецкому и начальникам дворцовых путей—стольнича, чашнича, конюшего, ловчего, сокольничего. Эти слуги под дворским, хозяйственные слуги князей и бояр, управляющие и приказчики их имений и руководители отдельных отраслей большого натурального хозяйства, были одним из элементов будущего дворянства, ибо они жили на дворе князя или боярина, откуда и получился термин "дворяне". Был еще ряд холопов "меньших". То были, прежде всего, холопы-страдники, сидевшие на дворцовой пашне [63]), далеко не обширной, но все же существовавшей. Садовники и огородники в удельное время обычно были тоже холопами [64]). То же надо в сущности повторить, вероятно, и о конюхах и других разрядах низших слуг по разным отраслям дворцового хозяйства. Наконец, среди полных холопов, вполне несвободных людей, подобных тем, кого прежде называли холопами обельными, значились еще ордынцы и делюи. Ордынцы—это пленные, выкупавшиеся князьями из татарской орды и поселенные на княжеских землях [65]). Делюи,—вероятно, предшественники будущих "деловых людей", может быть, работавшие иногда и на пашне князя и уж во всяком случае занимавшиеся ремесленной работой на него, но жившие на господском дворе, а не особо.

Источники холопства были попрежнему разнообразны: сюда относилась потомственность холопского положения—рождение от родителей-холопов, затем женитьба на рабе, замужество за холопа, продажа, обращение в рабство за долги. Личное положение полного холопа было юридически и фактически близко к полному бесправию. Правда, за убийство чужого холопа полагалось наказание, но, по уставной Двинской грамоте 14-го века, господин, ударивший своего холопа и причинивший ему этим смерть, не подвергается судебному преследованию [66]). Холопы не облагались и прямыми податями: по княжеским договорам 14 и 15-го веков, дань "на полных холопех не взяти" [67]).

Н. Рожков.

(Продолжение следует).

---

63) Ключевский. Подушная подать и отмена холопства в России; Бахрушин. Княжеск. хозяйство—в «Сборнике» в честь Ключевского, стр. 565.

64) Бахрушин—в «Сборнике» в честь Ключевского, стр. 568.

65) Соловьев. История России, т. IV.

66) Акты Археогр. Эксп., т. I, № 13.

67) Собрание Гос. Грамот и Договоров, I, №№ 33, 35 и др.

Военно-судные комиссии для рабочих на золотых приисках в Сибири.

Сибирские золотые прииски частных лиц обслуживались в первую половину девятнадцатого века преимущественно ссыльными, так назыв. посельщиками (поселенцами). Уголовное прошлое большинства из них накладывало, несомненно, известную печать на моральный облик всей массы приисковых рабочих. Но помимо того, тяжелые условия труда, а также нездоровая атмосфера, царившая на приисках, как естественный спутник "золотой горячки", равным образом деморализовали приискового рабочего. Соблазн похитить несколько золотников ценного металла был слишком велик для человека, психическая устойчивость которого не могла не подрываться обременительным трудом при неблагоприятных условиях повседневной жизни. Золото, добытое в рабочее время, поступало в распоряжение хозяина без какого-либо (помимо месячного жалованья) вознаграждения рабочего. Но золото, которое рабочий находил в часы, свободные от обязательных занятий (старательские работы), и которое он должен был сдавать хозяину, оплачивалось по определенной цене. Эти обстоятельства побуждали рабочего, с одной стороны, чрезмерно напрягать свои физические силы на старательских работах, а с другой стороны—в случае счастливой находки покидать прииски до срока договора, захватив с собою найденное старательское золото (а порою украденное у хозяина), чтобы продать его скупщикам, платившим более высокую цену, чем та, которая была установлена на прииске и которая нередко преуменьшалась приисковыми служащими путем обмана.

Полковник Щербачев, состоявший чиновником особых поручений при генерал-губернаторе Западной Сибири кн. Горчакове, побывавший на приисках в Томской губернии в 1836 г., заметил томскому губернатору, одновременно являвшемуся главным начальником Алтайских горных заводов, корпуса горных инженеров генерал-майору Шленеву, что приисковые рабочие получают малое вознаграждение. Но Шленев, недовольный тем, что Щербачев "делал какие то там наблюдения", посоветовал ему не "обнаруживать такие филантропические чувства преступникам" и попросил его входить в об'яснения касательно приисковых работ и платы за них не с рабочими, а с горным начальством; более того: Шленев уведомил о своей беседе со Щербачевым кн. Горчакова, дабы мнение Щербачева не могло поселить в рабочих "мысли к разным неограниченным требованиям от промышленников и даже к самым беспокойствам".

Случилось, что "беспокойства", действительно, произошли в следующем 1837 году, но не потому, конечно, чтобы Щербачев оказал какое-либо воздействие на рабочих.

В начале июня Шленев был уведомлен о том, что на некоторых частных золотых приисках его губернии (подчиненной генерал-губернатору Западной Сибири) рабочие произвели беспорядки. Посетив главнейшие промыслы и сделав заключение, что мещане, крестьяне, а особенно поселенцы (ссыльные), каждое лето в той или иной степени нарушают условия, заключенные с золотопромышленниками, текущим

за летом позволили себе ряд противозаконных поступков. Шленев признал необходимым предать виновных военному суду. В чем же заключались те исключительные, как можно было ожидать, обстоятельства, которые побудили томского губернатора прибегнуть к суровому содействию военного трибунала? Вот что произошло по словам самого губернатора [1].

На промысле почетного гражданина Мясникова, расположенном в верховьях речки Кундата, рабочие, став на сторону одного из своих товарищей, вступившего в пререкания с приисковым служащим, перебросили последнего через себя, а затем избили двоих служителей. Подобный же случай произошел и на другом промысле того же хозяина у речки Талановки. На промыслах второй гильдии купца Бобкова в Ачинском уезде Енисейской губернии (подчиненной ген.-губернатору Восточной Сибири), в которых рабочие, заявив, что не хотят работать за тринадцать рублей в месяц и угрозою самосуда заставив и остальных рабочих присоединиться к ним, разошлись по своим избушкам; на другой день приисковый приказчик согласился платить в конце лета по пятнадцать рублей без вычета за праздничные и табельные дни, в чем выдал подписку; но все же шесть рабочих хотели добиться увеличения платы до двадцати рублей и выдачи рабочим некоторых вещей [2].

На Воскресенском прииске, принадлежавшем купеческой компании, поселенец Енисейской губернии Некораков потребовал, чтобы для старательских работ ему было разрешено промывать те пески, какие он пожелает (ранее промывавшиеся им пески были бедны золотом); когда же ему в этом отказали, он и прочие рабочие “оказали грубости и ругательства”. Прибывший на прииск отдельный заседатель Безрялев послал трех казаков арестовать Некоракова, но он стал защищаться ломом и звать товарищей на помощь. Они решили не выдавать его. На прииск были вызваны горный ревизор и казачий сотник с 28 казаками. Рабочие встретили казаков на коленях и, обязавшись не выдавать друг друга, заявили, что не станут на работу, пока отряд не уйдет. Однако, затем, по указанию приказчиков и нарядчиков, были под разными предлогами вызваны и задержаны те, которые возбуждали прочих к неповиновению: их заковали в ножные кандалы и увезли; они кричали, что “мир их выдал”; некоторые рабочие бросились было за ними, но были отогнаны. На Талюльских промыслах коммерции советника Попова рабочие потребовали увеличения платы за старательское золото с трех до четырех рублей за золотник, угрожая, в случае отказа, уйти с промысла. Одновременно на Бурлегских промыслах Попова рабочие потребовали, чтобы им были предоставлены для старательских работ другие пески, более обильные золотом; им в этом не отказали, но с условием, чтобы они снимали торфяной пласт, дабы обработка шла надлежащим образом, однако рабочие не согласились на такую работу [3].

Все, виденное на промыслах, привело Шленева к заключению, что рабочим живется вовсе не плохо, и что отнюдь не в дурном содержании или в низкой заработной плате надо искать причину беспорядков: виноваты в этом некоторые золотопромышленники, которые, в своих выгодах, увеличивают рабочим, вопреки контрактам, плату, чем дают им “беспокойный повод” выставлять новые требования; это

---

1) Архив министерства внутр. дел, департамент полиции исполнительной, 1837 г., дело № 248 «О беспорядках, происшедших между рабочими на частных золотых приисках Томской и Енисейской губерний».—Архив горного департамента, 3 отделение, 2 стол, 1837 г., дело № 309 «О хищничестве золота и о бунте рабочих в Сибири и об учреждении в Енисейске военно-судной комиссии». Ср.: В. Семевский. Рабочие на сибирских золотых промыслах (1898 г.), т. I, стр. 37—45.

2) Сообщив об этом енисейскому губернатору, Шленев просил его на будущее время отклонять наем поселенцев Енисейской губернии на работы в Томской губернии, так как они повсюду «оказали возмутительный дух».

3) Шленев приказал наказать розгами двенадцать рабочих, как подстрекателей, после чего, по его словам, работы старательские возобновились и каждый заработал в тот день по пяти рублей.

заключается в уверенности рабочих, что пока они действуют скопом, любой проступок их останется безнаказанным, и именно с этим надо бороться и так как мир, несомненно, будет стараться своими показаниями обелить товарищей, привлеченных к ответственности за учинение беспорядков на приисках Томской губернии, то необходимо предать виновных военному суду (как это установлено за хищение золота), учредив специальную военно-судную комиссию в составе горного ревизора, отдельного заседателя и казачьего офицера. Этого порядка надлежало бы держаться и впредь; при военном суде наказание следует сейчас за совершением преступления и это приведет к тому, что самовольство и буйство, начинающие входить у рабочих в привычку, прекратятся.

Военно-судная комиссия, предложенная Шленевым, не представлялась новшеством. Еще в 1834 г. [1] было велено по Пермской и Оренбургской губерниям предавать похитителей и скупщиков драгоценных металлов не гражданскому суду, а военному, как это уже было ранее установлено в отношении их соучастников из горных людей: в виду этого в указанных губерниях были открыты особые военно-судные комиссии, приговоры которых утверждались главным начальником горных заводов Уральского хребта и тотчас приводились в исполнение, независимо от числа осужденных по одному и тому же делу. Учреждать военно-судные комиссии и санкционировать их приговоры было предоставлено тогда же генерал-губернаторам Западной и Восточной Сибири, но они не воспользовались таковым правом. Шленев первый возбудил этот вопрос.

Шленев по должности губернатора был обязан немедленно уведомить генерал-губернатора Горчакова о событиях на приисках и испросить у него разрешение на учреждение военно-судной комиссии. Но он медлил с донесением. Это не было без серьезной причины. Приведенная выше беседа Шленева с чиновником особых поручений при Горчакове о материальном положении приисковых рабочих и некоторые данные, которые будут отмечены в дальнейшем, указывают на то, что Шленев и Горчаков различно относились к борьбе между хозяевами и рабочими из-за оплаты труда. Грубо очерчивая позиции, занятые ими в этом вопросе, можно сказать, что Шленев стоял на стороне золотопромышленников, а Горчаков склонялся к рабочим. Это несоответствие во взглядах влекло за собою между обоими администраторами антагонизм, который должен был обостриться, благодаря тому, что Шленев по должности главного начальника Алтайских заводов был подчинен министру финансов Канкрину, к которому и апеллировал при столкновениях с Горчаковым по горным делам. В этих условиях между губернатором и генерал-губернатором произошел конфликт по делу, которое было в дальнейшем поставлено в связь с вопросом о беспорядках на приисках.

В Западной Сибири (как в Пермской и Оренбургской губерниях) была запрещена выделка вещей из золота, а тем более торговля золотом—этим имелось в виду отвратить приисковых рабочих от утайки старательского или похищения хозяйского золота. Но запрет нарушался,—чтобы обезопасить себя от преследования, скупщики золота выделывали из него кольца по образцу беспошлинно привозившихся из Китая и накладывали фальшивое китайское клеймо. Один из таких скупщиков, купеческий сын Хлебников, был присужден к наказанию, причем, однако, согласно приговору, утвержденному Горчаковым, найденные у Хлебникова золотые кольца должны были быть возвращены ему, так как не было доказано, чтобы они были сделаны из золота, похищенного на приисках. Но Шленев, настаивая, что кольца, как сделанные из золота с приисков, подлежат передаче в казну, об'явил Горчакову, что в качестве начальника Алтайских горных заводов он не приведет приговор в действие, пока не будет отменено постановление о возвращении колец Хлебникову, которое послужит поводом к дальнейшему хищению рабочими золота на приисках. Это заявление явилось как бы искрой, воспламенившей давно нако-

1) Именной указ сенату от 10 мая 1834 г. Полное собрание законов, № 7065.

лившийся горючий материал. Горчаков ответил Шленеву крайне резко [5]) и это то письмо, полученное Шленевым, повидимому, тогда, когда он готовил донесение по поводу беспорядков на приисках, побудило его задержать свой доклад. Разумеется, Шленеву все же пришлось, в конце концов, обратиться к Горчакову за разрешением учредить военно-судную комиссию, но вслед затем он послал тождественное донесение министру финансов Канкрину.

Горчаков отнесся отрицательно к действиям Шленева на промыслах. Он сообщил (9-го июля) министру внутренних дел Блудову, что, признавая необходимым принятие строжайших мер при беспорядках на приисках, и не видя из запоздалого донесения губернатора, чтобы в течение почти целого месяца было произведено кем-либо законное расследование происшествий, он возложил таковое на двух своих чиновников с тем, чтобы виновные были преданы суду при 11-м линейном Сибирском батальоне, а не, как желает губернатор, чтобы вопреки общим постановлениям, суд был составлен из тех лиц, которые не только производили первоначальное изыскание на месте, "но слабостью или неосмотрительностью своих распоряжений могли даже содействовать к распространению беспорядка".

Блудов не замедлил (31 августа) представить о томских событиях доклад Николаю I. Соглашаясь с мнением губернатора, что для предотвращения подобных происшествий необходим пример строгого и скорого суда, Блудов предложил предать военному суду рабочих, виновных в беспорядках, происшедших как в Томской, так и в Енисейской губерниях, предоставив в целях ускорения наказания утверждение приговоров по принадлежности генерал-губернаторам Западной и Восточной Сибири, даже при условии, если суд приговорит к телесному наказанию более девяти лиц, хотя обычно в таких случаях дело окончательно рассматривалось в Петербурге. Впрочем, Блудов опоздал со своим докладом. Его опередил Канкрин.

В качестве главы министерства финансов, заинтересованного в развитии золотопромышленности, в увеличении добычи металла, дававшей казне доход, Канкрин вообще был готов оказывать поддержку хозяевам приисков. Получив же донесение Шленева о беспорядках на приисках в Томской губернии, он счел нужным тем решительнее протянуть руку помощи золотопромышленникам, что уже из дела Хлебникова он увидел, что казна терпит ущерб от запрещенной торговли золотом и связанного с ней хищения золота или, по крайней мере, выноса золота на рынок рабочими, а кроме того, ему был доставлен документ, подтверждавший, что рабочие, несмотря на благоприятные условия их жизни на приисках, уносят с приисков золото и продают его скупщикам. То было донесение местного жандармского начальника, гласившее, что на частных золотых приисках Томской губернии рабочие-ссыльные, несмотря на высокую оплату труда, улучшенное содержание, ни, наконец, на то, что за золото, добытое старательской работой, получают по три рубля за золотник, "не забывают настоящего ремесла своего, с которым познакомила их в начале нужда или дурные примеры, а сдружила уже привычка, и возвращаясь с приисков по окончании работ, а иногда и прежде, временно убегая, крадут по несколько золотников" золота, искусно пряча его в обуви и в одежде, и продают в Томске по пять рублей.

На основании приведенных сведений Канкрин спешно приступил к разработке мер, направленных против торговли золотом, а, следовательно, и против хищения

---

5) Горчаков писал 12 июня: «согласие ваше (на приговор Хлебникову) мне совершенно бесполезно, и не иначе, как неуместному упорству или незнанию ваших обязанностей могу я приписать отказ в. прев-ства исполнить вполне конфирмацию, окончательно мною утвержденную в силу высочайше предоставленной мне власти, и коей затем, ни г. министр финансов, ни другой кто без особенной воли государя императора изменить не вправе... Предлагаю безотговорочно исполнить ее в точности, и предоставляю принесть на мою несправедливость жалобу, как рассудите за благо в виде доноса, а не протеста, на который не имеете никакого права».

его рабочими. В это то время поступило донесение Шленева о приисковых беспорядках и оно позволило Канкрину связать вопрос о хищении золота и торговли им с вопросом о буйствах рабочих, возникающих на почве старательских работ, и придать борьбе со всеми таковыми явлениями более суровый характер.

Не дожидаясь установления соответствующих общих мер, Канкрин дал немедленно ход донесению Шленева, хотя и знал, что беспорядки по Томской губернии были прекращены "без особенных последствий". Об'ясняя в докладе государю (20-го августа), что своеволие рабочих в столь отдаленном крае надо искоренить в самом начале действительными мерами, Канкрин поддержал предложение Шленева о предании рабочих военному суду, но с тем, чтобы судьями были назначены чиновники горного, военного и гражданского ведомства, не принимавшие участия в подавлении беспорядков и в местном расследовании их, причем для ускорения наказания приговор суда подлежит утверждению губернатора. Впредь же дела о подобных преступлениях должны быть рассматриваемы особыми постоянно функционирующими военно-судными комиссиями, которые предположено учредить в Томской и Енисейской, а впоследствие, если понадобится, и в Иркутской губернии, как о том подробно будет сказано,—докладывал Канкрин государю, —в всеподданнейшей записке "о прекращении тайной торговли золотом, похищаемым с частных сибирских промыслов", еще не представленной.

На приведенном докладе Канкрина Николай положил резолюцию: "всех виновных из каторжан судить по полевому уголовному положению, прочих военным судом и г.-м. Шленеву приговоры приводить в исполнение, кроме одной смертной казни".

Покончив, таким образом с судьбою рабочих, учинивших беспорядки в Томской губернии, Канкрин не замедлил представить (31 августа) государю только что упомянутую записку о прекращении тайной торговли золотом. Ее содержание было более широкое, чем заглавие.

Заявив, что и частный золотой промысел и казна терпят значительные убытки от продажи рабочими золота за пределами приисков, описав конфликт из-за золотых колец между Горчаковым и Шленевым [6]), Канкрин об'яснил, что беспорядки, происшедшие по Томской губернии, заставляют правительство обратить внимание на хищение золота, каковое зло может усилиться с распространением в пустынных землях золотопромышленности, обслуживаемой преимущественно людьми, сосланными за различные преступления. Наметив далее некоторые меры против торговли золотом, Канкрин предложил учредить в Томской и Енисейской губерниях комиссии военного суда для суждения как похитителей и скупщиков золота, так и рабочих за буйство и неповиновение властям: комиссия должна состоять из военного чиновника, назначаемого по принадлежности генерал-губернаторами Западной и Восточной Сибири, из горного чиновника, определяемого в Зап. Сибири начальником Алтайских заводов (в Восточной—генер.-губернатором), и гражданского чиновника, назначаемого местным губернатором; приговоры по делам о хищении золота утверждаются генерал-губернатором, а по делам о неповиновении установленным властям и сопротивлении воинской команде—утверждаются губернатором, как это введено в отношении военных судов над крестьянами, возмутившимися против помещиков.

Следовательно, столкновения рабочих с хозяевами по поводу старательских работ, как завершавшиеся обычно неповиновением властям, поддерживавшим золотопромышленников, должны были остаться в ведении одних губернаторов; генерал-губернатор был отстранен от врачевания этого самого больного места в жизни приисковых рабочих. А между тем, именно, из дела о беспорядках на промыслах Том-

---

6) Канкрин признал мнение Шленева правильным, но все же сделал ему замечание за неподчинение распоряжению Горчакова.

ской губернии, принятых во внимание при составлении указанного правила, видно, что нельзя было, как мы сейчас в этом убедимся, отдавать судьбу рабочих, обвиняемых в учинении "беспорядка", в руки губернатора, являвшегося вместе с тем начальником Алтайских горных заводов и тем самым тесно связанного с благополучием золотопромышленников.

Хотя в силу приведенного выше высочайшего повеления по поводу беспорядков на приисках Томской губернии Горчаков был вынужден передать это дело всецело в руки Шленева, но все же результаты расследования, произведенного по его поручению двумя чиновниками, он не преминул сообщить министру внутренних дел, якобы только для того, чтобы доказать необходимость принятия общих мер в целях упорядочения приисковой жизни, но в действительности, как можно полагать, Горчаков надеялся, что министр сумеет использовать итоги расследования в интересах рабочих, преданных суду. Такой вывод можно, по крайней мере, сделать на основании тех данных, которые Горчаков сообщил Блудову.

"Получив ныне следствие, на месте произведенное законным образом,—писал Горчаков 5-го октября 1837 г.,—вполне раскрывающее все обстоятельства бывших беспорядков и существенные причины волнения на Воскресенском прииске, о которых генерал-майор Шленев рассудил за благо умолчать, обязываюсь приложить к сему краткую записку, приемля честь присовокупить, что братья Казанцевы (владельцы Воскресенского промысла) и управляющий прииском мещанин Кутин за лживые поступки и притеснение рабочих, а отдельный заседатель Безрядов за несправедливое наказание посельщиков Ермолина и Алексеева, подавшее первый повод к сопротивлению, безрассудное повторение распоряжений своих по тому же предмету чрез несколько дней, и непростительное потворство ко многосотенному нахождению во вверенной ему дистанции беспашпортных людей, преданы мною законному суждению".

Опорочив тех лиц, которые ближе всех стояли к рабочим, Горчаков велел затем решительно осудил действия Шленева, высказав уверенность, что министр согласится, "сколь предосудительно было поведение гражданского губернатора, обязанного оказать столько же справедливости, сколько и строгости, *а не потворствования явному злоупотреблению хозяев прииска*". "Безрассудно было бы утверждать,—писал далее Горчаков,—что ссыльно-поселенцы, собирающиеся для золотоискательства, строгой нравственности и не склонны к своевольству; однако же, чувство справедливости так впечатлено в сердце каждого человека, что бывшие доселе беспокойства по большей части получали свое начало от притеснения хозяев или нарушения обещаний по так назыв. старанию, коим при найме обыкновенно обольщали рабочих"; так как рабочих нанимают обыкновенно не в месте их постоянного жительства, где путем известных формальностей можно было бы зафиксировать условия найма, то разбирать споры о размере платы за старательскую работу крайне трудно; при потворстве местного начальства, хозяева рассылают приказчиков, которые ловят рабочих, кто где встретился, нередко беспаспортных, и "обязывают их подписанию на контрактах, заблаговременно и незаконно составленных, коих кондиции, по дошедшим жалобам, не всегда им даже вполне сообщаются"; в виду этого Горчаков предложил на рассмотрение сибирского комитета новый способ найма рабочих, удобный и несложный, против которого золотопромышленники, "привыкшие к своевольству и поныне пользовавшиеся слабостью местного надзора, представляют разные возражения", а между тем, никакие меры укрощения рабочих не приведут к цели, пока не будут установлены справедливость и порядок.

Указание Горчакова на "предосудительное" поведение Шленева не было голословно. Если в ряде случаев рабочие действительно произвели буйство, то в других случаях события были представлены губернатором в искаженном виде. Например, на Талаюльских промыслах рабочие не оказали неповиновения, они лишь просили об увеличении платы, да и то потом сами отказались от этого, уступив на убеждения управляющего приисками. На Бурлевских промыслах прерванные было работы возобновились без принуждения еще до приезда губернатора, тем не менее

губернатор лично разбирал происшедшее и подверг телесному наказанию двенадцать
рабочих. С другой же стороны было установлено, что на Воскресенском промысле.
принадлежавшем купеческой компании, рабочих обманывали при расчетах за старательские работы: вместо 2 р. 50 к. за золотник общего золота и 3 руб. 5 к. частного им выдавалось за золотник первого—менее рубля, а второго—менее полутора
рубля. На этих же промыслах рабочий, нашедший самородок золота в куриное яйцо,
не только не получил причитавшегося вознаграждения, но по распоряжению Казанцева, брата одного из компанионов, был наказан ста ударами розгою за то, что будто
бы хотел украсть самородок. Контракты с рабочими были составлены не по закону
(например, не указывалось число тачек песку, подлежавших разработке рабочими,
а оставлялся пробел), но смотритель поселений утверждал такие договоры.

Чтобы дорисовать взгляд Горчакова на то, что происходило на приисках Томской губернии, отметим, что, когда Шленев выступил с протестом по поводу того,
что чиновники Горчакова, производя расследование, отобрали шнуровую книгу на
Воскресенском промысле, в которую записывалось добываемое золото, и вернули ее
лишь тогда, когда извлекли из нее нужные сведения, Горчаков ответил Шленеву,
что его чиновники не произвели этим никакого беспорядка в делопроизводстве и
“подвергнуть главное горное начальство (во главе которого стоял Шленев) ответственности не могут, разве *за очевидное его послабление к мошенничеству* тех,
которые не устыдились в течение целого лета наглейшим образом *обвешивать* рабочих при приеме старательского золота и *разными своими притеснениями возбудили первый повод к возникшим беспокойствам*”.

Все это стало известным Канкрину, но он не попытался изменить свой проект
учреждения военно-судных комиссий, переданный (сентябрь 1837 г.) по распоряжению государя в государственный совет, где он был окончательно рассмотрен лишь
в следующем году.

Государственный совет нашел, что рабочих из числа *ссыльных*, в случае их
неповиновения, “подвергать военному суду справедливо и нужно”, но нет надобности предавать военному суду за подобные преступления рабочих “из свободных таможних жителей” (кроме случаев похищения золота), так как подобный порядок
стеснил бы частную золотопромышленность, ибо в народе может распространиться
мнение, что вольная работа на промыслах соединена с принуждением и никто не
пойдет туда работать [7]. В остальном проект Канкрина о мерах борьбы с беспорядками, производимыми приисковыми рабочими, был принят государственным советом [8].

Вскоре были открыты две военно-судные комиссии: одна—в Томске, другая—
в Красноярске.

Комиссиям не были подсудны все противозаконные деяния ссыльных-рабочих [9]: побеги с приисков, т.-е. уход с работы до срока договоров, а равно уголовные преступления не подлежали компетенции комиссий. Но вот, по предложению

---

7) Это изменение не было лишено известного практического значения, так как с течением времени ссыльные перестали составлять подавляющее большинство среди приисковых рабочих.

8) Мнение госуд. совета, высочайше утвержденное 6 июня 1838 г. Незадолго до того, 30 апреля 1838 г., было утверждено «Положение о частной золотопромышленности на казенных землях в Сибири», некоторые пункты которого были направлены к охране интересов рабочих.

9) Указ сенату от 6 июня 1838 г. гласил: «§ 3 Суждению сих Комиссий, кроме похитителей и переводителей золота, подвергать и вольнонаемных из с с ы л ь н ы х на казенных и частных промыслах находящихся, в случае неповиновения и сопротивления их установленным властям, предоставя утверждение приговоров по сим делам местным гражданским губернаторам».

генерал-губернатора Восточной Сибири, сославшегося на то, что рабочие из числа ссыльных на приисках часто "делают смертоубийства и другие преступления", государственный совет постановил предавать суду комиссий рабочих, обвиняемых в тех преступлениях, за которые полагается торговая казнь, причем он вменил комиссиям в обязанность давать возможно скорый и безостановочный ход таковым делам, так как долгая безнаказанность нередко поощряет к новым преступлениям, особливо тех людей, порочные наклонности которых едва обуздываются близким наказанием. Что касается побегов, то только в виду их множества,—число убегавших с работ доходило до одной трети всего числа рабочих,—рассмотрение таких дел не было передано военно-судным комиссиям [10]).

Юлий Гессен.

---

10) Высочайше утвержденное 10 марта 18[illegible] г. мнение госуд. совета.

Уничтожение половничества в 19-м столетии.

I.

Половничество, т.-е аренда крестьянином у владельца земли для жилья и обработки за половину урожая, оказалось необычайно устойчивой формой землепользования в Вологодской губернии, просуществовав с 14 века до 80-х годов 19-го столетия. Половничество известно не только в России [1], в которой оно в 14—15 веках существовало во многих местностях северной и средней полосы [2]; до позднейшего времени половники сохранились в нескольких уездах Вологодской губернии—Устюжском, Никольском, Сольвычегодском и в очень незначительном числе в Яренском.

Половники происходили из черносошных крестьян, попавших в особые экономические условия "по разным приключениям, а паипаче по бедности", по выражению составленной о них в 1822 году в министерстве внутренних дел записки [3]. Бедность, задолженность и обезземеление приводили крестьян в половничество; нередко крестьянин становился половником на своей прежней земле, переходившей к другому владельцу за долг или путем продажи. Владелец платил за половника все денежные подати и повинности, иногда давал ему рабочий скот и земледельческие орудия или ссуду на их приобретение, лес на постройку жилища и за это получал половину урожая хлеба, а также половину сена и соломы с земли, занятой и обрабатываемой половником. Половники жили у владельцев по срочным записям или без них, по соглашению, и могли переходить от одного владельца к другому или возвращаться в свое прежнее состояние, так как они не укреплялись лично за владельцем и рассматривались законом, как люди свободные, сохранявшие за собою все права черносошных крестьян. Несмотря на это, они оказывались часто в тяжкой зависимости от владельцев земли и половничество нередко становилось наследственным достоянием.

Невозможность расплатиться с владельцем, вернуть полученные от него ссуды, трудность переселения на новое место и устройство на нем пашни и жилья заставляли половников терпеть свое положение, которое было значительно хуже положения государственных и помещичьих крестьян; владельцы, считая половников временными арендаторами своей земли или как бы наемниками, не были склонны особенно заботиться об их благосостоянии и в этом отношении помещичьи крестьяне были более обеспечены.

Половнические отношения сохранились почти в полной неприкосновенности с древности до позднейшего времени; законодательство закрепляло эти отношения, стараясь регулировать их, пока более близкое знакомство с бытом половников заставило правительство принять меры к ликвидации половничества, как ненормаль-

---

1) Напр., во Франции, Германии. Ср.: Попов „Половники".—памятная книжка Вологодской губ. за 1862—63 г. г., т. II. Статья „Половники" в Вологодском сборнике 1881 г., вып. II.

2) Дьяконов, „Половники поморских уездов в XVI и XVII веках". Спб. 1895.

3) Архив государств. совета, комиссия законов, 1822 г., дело № 160 542.

ного состояния, в которое попала часть государственных крестьян. Половники привлекли к себе усиленное внимание правительства в 19-м столетии и в законодательстве о них за этот период намечаются три основных момента: 1) издание положения о половниках 1827 года, когда законом закрепляются и нормируются создавшиеся веками жизненные отношения и только зарождается мысль о возможности их ликвидации; 2) в 30-х и 40-х годах намечается стремление правительства к постепенному уничтожению половничества, и 3) после крестьянской реформы, в 70-х и 80-х годах усиление мер к ликвидации половничества.

Более близкое знакомство правительства с положением половников и изучение их быта начались в 1816 году, когда один из половников подал жалобу графу Аракчееву на злоупотребления своего владельца при сдаче рекрут [4]); жалоба была признана незаслуживающей уважения, но узнав, что купцы и мещане Вологодской губернии имеют у себя в половничестве вольных людей, Александр I усумнился— действительно ли это вольные люди и не имеют ли купцы, вопреки закону, крепостных? Для расследования этого, начались собирание сведений о половниках, вскрывшее крайне тяжелое их положение, зависимость, близкую, по свидетельству местного начальства, к кабале и рабству, от "деревенских владельцев", т.-е. хозяев занимаемых половниками земель,—купцов, мещан и государственных крестьян.

По сведениям собранным министерством внутренних дел в 1819 году, в уездах Вологодской губернии, Устюжском, Никольском и Сольвычегодском, значилось 274 владельца, у которых было половников 5,132 ревизских души; у большинства владельцев жило от одного до десяти половников, у шести от ста до двухсот и у одного—пятьсот. Земельные участки половников были в общем невелики—у некоторых владельцев на ревизскую душу приходилось по одной десятине земли, у большинства от двух до пятнадцати десятин, и в очень редких случаях по шестьдесят десятин. Точное количество владельческих земель, находившихся в пользовании половников, не было известно из-за неразмежевания этих земель с землями государственных крестьян и соседних помещиков. Некоторые из половников имели собственные земледельческие орудия и рабочий скот, другие получали их от владельца или брали ссуду деньгами; семена для посева и лес для построек они получали в большинстве случаев от владельцев; при постройке и починке домов некоторые владельцы давали им пособие. Все положенные подати платились за половников владельцами по одинаковой раскладке с государственными крестьянами; земские повинности, денежные и натуральные несли сами половники и лишь в редких случаях владельцы. Для рекрутской повинности половники, наравне с государственными крестьянами, были расписаны на пятисотные участки, поставляя рекрут по очереди, без вмешательства владельцев. Хлеб, сено и солому, собираемые ежегодно, половники и владельцы делили пополам осенью, по окончании обмолота; семена для нового посева брали из общего количества зерна до раздела. Скот и всякая живность разделу не подлежали.

Взаимные отношения владельцев и половников основывались на старинных обычаях, часто подававших повод к притеснениям и произвольным требованиям со стороны владельцев, тем более, что многие из половников жили на владельческих землях без записей, а лишь по взаимному соглашению. В 20-х годах 19-го века вологодское губернское начальство сообщало о крупных несогласиях между крестьянами и владельцами, вызванных малым количеством земель у большинства владельцев и приростом половничествующего населения на этих землях; владельцам приходилось платить подати за большое количество половников, из которых многие уходили на посторонние заработки из-за недостатка земли; владельцы отказывали таким крестьянам от половничества, так как платить за них подати было невыгодно.

---

[4]) Дела архива гос. совета, комиссии законов—1822 г. № 160/542; департамента законов—1823 г. № 7 и 1827 г. № 43; журналы совета м-ва внутр. дел 11 авг. 1819 г. (№ 11) и 14 янв. 1821 г. (№ 6). Архив м-ва внутр. дел., деп. общих дел., 1831 г., дело № 58, заключающее в себе переписку 20-х годов.

В течение 20-х годов министерство внутренних дел и государственный совет с целью нормировать издавна сложившиеся условия половничества, выработали положение о половниках, изданное 31 декабря 1827 г. [5]). Правительство руководилось желанием устранить из половнических отношений все неясности, которые давали повод к злоупотреблениям владельцев и стесняли половников; по-видимому, в этом была серьезная необходимость, так как местное начальство неоднократно указывало на крайне тяжелое и бедственное положение половников, поддерживаемое отсутствием о них законодательства. В замечаниях вологодского генерал-губернатора на проект положения о половниках [6]) видно настойчивое стремление оградить половников от приближения власти владельцев над ними к помещичьей, т. е. личного укрепления крестьян за владельцами. Очевидно, действительность вызывала такие опасения и экономическая зависимость половников от владельцев не без основания казалась местным властям близкой к кабале и порабощению. Положение 1827 г. лишь закрепляет юридически установившиеся веками половнические отношения, стараясь устранить возможность злоупотреблений и произвола; устанавливается и определяется юридически самое положение половника со всеми его особенностями, чего не было в законодательстве предыдущих времен; главная забота — установить определенное положение, избежать на будущее время тех несогласий, которые прежде наблюдались. Для этого было требование от половников определить свои отношения к владельцу: дать записи на известный срок аренды. Владельцам запрещалось принудительно налагать на половников какие-либо работы, кроме земледельческих, и вменялось в обязанность в случае смерти половника до окончания срока записи держать на земле его семью и платить за них подати.

Половник рассматривался, как сельский работник, отдающий владельцу свой труд и половину урожая за [illegible] ему землю, жилье и несение за него всех денежных податей и повинностей; выполнение натуральных земских повинностей — службы десятскими и сотскими, починка мостов, гатей и дорог при владельческом материале, возлагается на половников; ранее это разграничение денежных и натуральных повинностей, как было указано выше, не всегда проводилось; оговорена возможность заменить отдачу владельцам половины урожая денежным оброком по взаимному соглашению и разрешено отпускать половников для работ, согласно общим правилам об отлучках крестьян, — очевидно, для устранения несогласий, возникавших на почве ухода половников в 20-х годах. Положение 1827 г. имело в виду, главным образом, ограждение интересов половников, живущих у владельцев, и [illegible] предусматривало переселение их на казенные земли, хотя и указывало [illegible] ухода из половничества.

II.

[illegible] существовавших и [illegible] положение 1827 г. не предвидело возможности [illegible] в силу пестроты и запутанности житейских отношений. [illegible] что жизненные условия половников [illegible].

По сведениям на 1829 г. половников в Вологодской губернии [illegible] часть из них заключила записи с владельцами, [illegible] Иные [illegible] половников, не обрабатывая сами земли, [illegible] другие же, оставаясь на прежних землях, обрабатывали их в свою пользу, [illegible] владельцы не заключали с ними записей, [illegible]

---

[5]) 2-е полное собрание законов, № 1678.

[6]) Архив гос. совета, деп. законов, 1826 г., дело № 7 и 1827 г., дело № 40.

[illegible] Кн. 5, [illegible]

себя: кроме подушной, они платили за половников и оброк [7], хотя оброк обычно платился крестьянами, в зависимости от их принадлежности, — помещику, в казну или удел, т.-е. их хозяину.

Выходом из половничества, путем перехода на казенные земли, могли воспользоваться лишь немногие. Переселение требовало значительных денежных затрат и колоссального труда по расчистке вновь занимаемого лесного пространства под жилье и пашню: в первый год переселения на выбранном месте вырубались "новинные подсеки", которые выжигались на следующий год и тогда лишь можно было сеять на этом месте хлеб. Следовательно, половник рисковал остаться без хлеба на первый год переселения [8].

От переселения половников удерживало и то, что казенные земли для них не были отведены к 1830 г. в достаточном количестве.

Поэтому были приняты в 1831 г. следующие меры, предложенные вологодским губернским начальством [9]. Половники, живущие на владельческих землях, и сами владельцы освобождались от уплаты оброка; для переселения половников было постановлено определить необходимое количество казенной земли; переселение разрешалось только осенью, причем переселяющиеся должны были засевать оставляемые ими поля озимым хлебом, чтобы новые поселенцы на этих участках не оставались без хлеба; при первом переселении половники освобождались на три года от всех податей. Не успевших переселиться в 1831 г. и не давших записей, решено было приселять к таким деревням государственных крестьян, в которых на душу приходилось более 15 десятин земли.

Увидя, что узаконение половничества не улучшило положения половников, и постепенно присматриваясь все ближе к условиям их быта, правительство приходит к мысли об уничтожении половничества, как ненормального состояния, в котором оказалась часть черносошных крестьян. С этой целью оно препятствует новым переходам в половничество, разрешенным в 18-м веке [10]. Так, стало известным, что по 7-й ревизии в Устюжском и Никольском уездах оказалось 105 крестьян, записанных черносошными, но давших в это время половнические записи; выяснилось, что и они и предки их, хотя и были всегда черносошными, но жили на владельческих землях, не имея "казенной тяглой земли". Сенат указом 4 октября 1835 г. постановил: уничтожив данные крестьянами записи, оставить их в прежнем положении и войти в соглашение с владельцами земель, на которых жили эти крестьяне, об уступке им земли или поселить их в тех волостях, где они значились по ревизии и где окажутся свободные земли. Сделано это было для пресечения дальнейших переходов черносошных крестьян в половничество, окончательно признанное безотрадным состоянием для крестьян [11]. Так, например, начальник Вологодской губернии [illegible], хорошо знакомый с бытом половников, заявил, что "в самом существе своем быт сей представляет [illegible]. [illegible] в себе, с одной стороны, [illegible] к половнику владельца, с другой — [illegible] на себя обязательств, — отсюда возникают с той и другой стороны [illegible] правительство в [illegible]; а между тем, крестьянин сей в [illegible] своей есть [illegible] общих узаконений государства, как [illegible] есть половник? Он ни казенный, ни помещичий, ни

[7]) Общая сумма податей за половника равнялась в 1830 г. 12 р. 30 коп. ассигн. с души; из них подушной — 3 руб., оброку — 9 руб. и на устройство путей сообщения — 30 коп.

[8]) Дело архива министерства вн. дел, департамента общих дел 1830 г., № 2 и [illegible] 1857 г., № 11.

[9]) [illegible] утвержденное 8 апреля 1831 г. мнение госуд. совета. 2-е полное собрание законов, № 4457.

[10]) Указ 10 янв. и 23 февр. 1796 г. требует лишь регистрации перехода черносошных крестьян в половники и обратно, разрешая эти переходы.

[11]) Архив мин. внутр. дел, департамента общих дел, 1833 г., дело № 79.

ольный хлебопашец и не мещанин, следственно чуждый правам, выгодам и защиты
каждому из сих классов людей предоставленных"... При посещении губернии в
1836 г. Белговский нашел, что "благосостояние казенных крестьян Устюжского
уезда, не взирая даже и на беспризорное управление ими, далеко превосходит
того же уезда половников", —положение последних он прямо называет бедственным.

В течение 30-х годов большая часть половников продолжала жить в прежних
селениях, несмотря на данные им после 1831 г. отсрочки для переселения. В 1836
году половников насчитывалось в Устюжском уезде 3.595, Никольском— 169, Соль-
вычегодском—168 и Яренском—42 души; из них дали записи владельцам 1957
душ, а остальные продолжали жить без записей у владельцев и не переходили на
отведенные в 1833 г. земли, отговариваясь их непригодностью. Главной причиной
недачи записей был страх: многие принимали их за крепостные акты или прежнюю
кабалу и опасались через них закрепоститься владельцам. От переселения же полов-
ников удерживала бедность. Для ускорения переселения министерство финансов
решило облагать с 1837 г. не переселившихся и не давших записей оброком. Но и
это не помогло и только вызвало задолженность и сильное обеднение многих полов-
ников. Переселение попрежнему было не под силу большинству из них, а многие
владельцы "отказывали им от хлебопашества", не давали земли, не желая держать
их у себя без записей. Значительная часть половников оказывалась совершенно не-
обеспеченной, лишенной хлеба и даже пристанища. Многие, уходя из дому нищен-
ствовали. Начальник губернии был очень встревожен этим, и высказывая в 1836 г. опасения в возможности беспорядков среди крестьян [12]), просил отсрочить
переселение до 1841 г. на прежних основаниях или оставить половников на ме-
стах, хотя бы и без записей, а за это время систематически подготовить необходимые
условия для переселения: найти в достаточном количестве пригодные земли, вы-
яснить стоимость переселения, определить более удобный способ его, сообразно с
местными условиями, позаботиться о продовольствии переселяемых.

В связи с этим указом 3 ноября 1837 г. было предписано начать на местах
подготовительные работы по переселению, в силу чего в Вологодской губернии была
составлена комиссия из двух чиновников и землемера для изучения местных усло-
вий. А до начатия переселения было решено постепенно приселять половников к
пространным деревням государственных крестьян [13]).

Работы по подготовке переселения затянулись, и только в 1840 г. (10 апреля)
были утверждены правила о половниках [14]). Их насчитывалось по 8-й ревизии
[illegible] душ, из них [illegible] жили по записям у владельцев, а остальные не давали
записей. [illegible]

[illegible]

[12]) Подобные же опасения находим и в дополнительной записке о ... многих
бездомных половников. Архив мин-ва внутр. дел, деп. общих дел, 1835 г., дело № 0.

[13]) В течение 30-х годов были приняты меры к обеспечению пристанищем бес-
домных половников, не принятых владельцами по нетрудоспособности; их оказалось
к 1831 году в Устюжском уезде 92 души.

[14]) 2-е полное собрание законов, № 13372.

[15]) Дела архива ... по техническим условиям не могут
быть в настоящее время использованы ... находящейся в архиве ...
[illegible] 1840 г.

исключительный случай и допускается лишь с согласия казенных крестьян и только в тех деревнях, где на душу приходится более 15 десятин, причем старожилы вознаграждаются дополнительно отводимыми им землями.

В правилах 1840 г. видно стремление одновременно с уничтожением половничества организовать по возможности планомерное заселение свободных пространств Вологодской губернии: половники обязаны были селиться не отдельными семействами, а целыми деревнями, строящимися по определенному плану, причем нужно было отводить им участки так, чтобы новые деревни могли входить в состав ближайших волостей, а также были расположены близко к рекам, городам и в местностях, благоприятных для земледелия и развития промышленности. Заботы по водворению переселяемых и помощь им возлагались на государственных крестьян соответствующих волостей: они обязаны были в виде "соседнего пособия" помочь половникам в расчистке и распашке земли и постройке жилища, а также дать взаймы, с возвращением в течение трех лет, хлеба из своих магазинов на первое время. За это сельские общества получали от казны по 25 руб. за каждую вновь водворенную душу. Переселенцам выдавалось от казны пособие на обзаведение, возвращаемое в течение десяти лет без процентов; размер его был различен, смотря по местным условиям,—каждая семья должна была иметь нужные земледельческие орудия и по меньшей мере одну лошадь, одну корову и пару овец. При переселении с половников слагались все прежние недоимки и давалась трехлетняя льгота от всех податей и взноса "окладочного хлеба" в запасные магазины; от рекрутства они освобождались на десять лет со времени окончательного водворения, причем в случае дурного поведения крестьян эта льгота отменялась.

Новые правила о переселении не облегчили его: помощь переселенцам, требуемая от государственных крестьян, была очень обременительна для них; даваемые переселенцам льготы были, видимо, недостаточны и трудности переселения попрежнему удерживали многих на старых местах, хотя они были уже записаны по ревизии государственными крестьянами. Они не заключали условий с владельцами, и последние отказывались платить за них подати, но держали у себя, получая с них по обычаю половину урожая. В результате явилась сильная задолженность половников: на 1-е января 1843 г. на крестьянах, живших за владельцами без записей (2.043 души) было 51.307 руб. 62 коп. сер. недоимок. Некоторые из записанных в государственные крестьяне стали снова поступать к владельцам (с 1833 г. из 2.889 этих крестьян 846 вошли вновь в половничество), причем и с той и с другой стороны выражалось желание заключить условия [16]. Видя, что переселение нисколько не облегчилось, правительство решило сложить с них накопившуюся недоимку, полагая, что на переселение нужно было значительно больше денег и установило в 1843 г. еще трехлетний срок для выселения половников [17]. Для половников, остающихся на владельческих землях, также и владельцы освобождались от платежа оброка; уплата податей предоставлялась взаимному соглашению крестьян и владельцев с обязательным указанием платящих в заключаемом условии.

III.

Переселение половников шло очень медленным темпом: за время с 1840 по 1865 год перешло в государственные крестьяне 2.668 душ. Большинство же оставшихся в половничестве заключило к 1865 г. письменные условия с владельцами; к этому времени оставалось в неопределенном положении всего 85 половнических семейств, состоявших из 128 душ мужского пола; некоторые из них не могли переселиться из-за старости и нетрудоспособности, другие же [illegible] с владель-

---

[16]) Дело архива гос. совета, деп. законов, 1843 г., № 45.

[17]) Высоч. утвержденное 2 июля 1843 г. решение гос. совета по департаменту законов. Второе полное собрание законов, № 17[illegible].

...ели о земле или ожидали приискания для них удобных казенных земель [18]. В 1866 г. половники вместе со всеми государственными крестьянами были переданы министерством государственных имуществ в ведение общих и местных учреждений по крестьянским делам и включены в общий состав волостей.

После реформы 1861 года было обращено внимание и на положение половников. Указом 27-го мая 1875 года [19]) устанавливался новый порядок их устройства. Была отменена помощь им при переселении от государственных крестьян. С другой стороны, переселенцам были предоставлены различные льготы и пособия от казны. Так, например, переселенцам назначались безвозвратные пособия: на обзаведение и устройство жилищ по 20 рублей на каждый двор; отпускался лес для построек по 15 руб. на двор или безплатно по 100 корней в местностях обильных лесом; на покупку скота и земледельческих орудий по 20 руб. на семью. В течение трех лет со времени переселения половники могли получать на топливо казенный лес, также, если на их участках не было дровяного леса. Заимообразно, с половинной рассрочкой в течение трех лет, переселенцы получали деньги на покупку семян; это пособие выдавалось в размере сообразно с местными условиями и ценами; в случае отказа крестьянского общества, в которое вступали половники, или местного земства дать им заимообразно нужное количество семян. Переселенцы в первые три года вовсе освобождались от податей, а в следующие три платили их в половинном размере; все недоимки за прежнее время слагались при переселении. Все прежние особые узаконения о половниках отменялись и они приравнивались к другим крестьянам, как при переселении, так и в том случае, если они оставались на прежних местах. Заключенные контракты с владельцами оставались в силе до окончания их срока, и, если половники и в дальнейшем желали нанимать земли, то должны были это делать по общему установленному гражданскими законами порядку. Правила 1875 г. не считали переселение наилучшим способом уничтожения половничества, как это было в 1849 г., а предусматривали и возможность покупки крестьянами занимаемых земель у владельцев.

Сохранились данные [20]), рисующие картину, хотя и не полную, половнических отношений, сложившихся в 70-х г.г. Ряд интересных бытовых штрихов мы находим в ведомости о числе половников, относящейся к июлю 1896 г.: по 10-й ревизии половников в Вологодской губ. значилось: (в Устюжском у. —1.962, Никольском—420 и Сольвычегодском—38). Но из них фактически находилось в половничестве в Устюжском уезде 1.820 душ, в Никольском—387 (о Сольвычегодском уезде данных нет, и вообще сведения о нем очень скудны). Вышедшие из половничества крестьяне переменили свое положение не только путем переселения или приобретения земель, но и иными. Некоторые дошли до окончательного обезземеления, порвали всякую связь с землею, превратившись в работников по найму: по Устюжскому уезду значится 54 и по Никольскому 1[illegible] крестьян "за неимением оседлости находящихся на заработках у разных лиц и в разных волостях"; из половников Устюжского уезда один, проживающий в Устюге, оказывается причисленным в устюжское мещанское общество, а один воспользовался еще новым выходом из половничества: "вышел по женитьбе в другую деревню, войдя в дом"; имеются крестьяне, не живущие более у владельцев, которые отказали им от земли (таких в двух названных уездах 22 души). Но более определенно их судьба не известна. Половники образовали к 1876 г. 20 сельских обществ (в Устюжском уезде 12, Ни-

18) Записка о половниках, находящаяся в деле архива м-ва вн. дел, 6 делопроизводства земск. отдела, № 43 за 1875 г.

19) Второе полное собрание законов, № 55867. — Дело архива гос. совета, по главному комитету об устройстве сельск. состояния, № 158 за 1875 г.

20) Архив м-ва вн. дел, 6-е делопроизводство земского отдела 1869 г., дело № 35, 1875 г.—№ 43 и 61, 1876 г.—№ 38, 1877 г.—№ 2, 1888 г.—№ 52, 1880 г.—№ 153; архив гос. совета, главный комитет об устройстве сельского состояния: 1875 г. дело № 158, 1880 г.—№ 21 и 43, 1881 г.—99; департамент государств. экономии, 1880 г. дело № 358.

21) Архив мин-ва вн. дел, 6 делопроизводство земск. отдела, дело № 43 за 1876 г.

кольском —3, Сольвычегодском—5), входивших в состав 14 волостей (в Устюжском уезде—9, Никольском—3, Сольвычегодском—2); жили они в 235 деревнях (в Устюжском уезде—198, Никольском—28, Сольвычегодском—9), у 197 владельцев (в первых двух уездах; о Сольвычегодском уезде сведений нет). Несмотря на все законодательные меры, до позднего времени осталось довольно значительное число половников, живущих без контрактов: 419 по Устюжскому уезду, 115 по Никольскому и 9 по Сольвычегодскому, т.-е., в общем, около трети всего числа половников в губернии. Довольно большее число крестьян имело долгосрочные контракты с владельцами, кончающиеся в 80-х и даже в 90-х годах; таких контрактов по всей губернии было заключено 550.

В такой обстановке началось проведение в жизнь закона о половниках, изданного в 1876 году. К сожалению, у нас нет данных, которые позволили бы описать ликвидацию половничества, мы можем коснуться лишь отдельных ее моментов.

Среди половнического населения намечались различные по достатку группы и это отражалось на ходе ликвидации половничества.

При долголетней привычке к занимаемой, зачастую наследственной земле только острая крайность могла заставить крестьянина покинуть насиженное место и идти навстречу всем трудностям переселения и устройства среди лесов, рискуя окончательно разориться. Переселялись, поэтому, бедные половники, не имевшие возможности приобрести землю у владельцев. Переселение шло, как и прежде, медленно из-за трудности водворения на новых местах, попрежнему страшившей крестьян. С 1876 по май 1879 г. 50 семейств возбудили просьбы о переселении на казенные земли, из них в 1878 г. были окончательно водворены 17 и 9 устраивались в 1879 году; за время с 1876 по 1880 г. имеем более подробные сведения 22) о переселившихся в этот период 92-х дворах (к сожалению, нет возможности установить точное число ревизских душ, доходившее, кажется, до 200): все эти крестьяне получили пособие на покупку скота и земледельческих орудий; три семьи воспользовались пособием на продовольствие; ссуды на устройство жилищ получили все; большинство (84 двора) взяло лес для построек натурой, и только восемь дворов получили деньги на лес.

Половники, поселясь на свободных казенных землях, среди обширных лесных пространств, образовывали новые деревни и поселки (починки), называвшиеся иногда по фамилии переселенцев, и очень незначительные по количеству дворов: из вновь образованных 20-ти селений было: по одному двору—7; по два—4; по три—3; по восемь—2; по девять—2; по десять—1; по одиннадцать—1.

Сведений о величине земельных участков у нас почти вовсе не имеется 23).

В сравнение лучшим выходом из половничества, чем переселение, была покупка занимаемой земли у владельца. Нам известно о четырех случаях приобретения половниками земли за время с 1876 по 1884 год. Купленные ими участки, в среднем, не превышали 15 десятин на душу: половники помещика Устюжского уезда, в числе 24 ревизских душ, купили у него в 1880 г. 288 десятин 2.320 саж. доброкачественной земли за 4.800 рублей, получив от правительства эту сумму в виде ссуды, с уплатой ее по 7% ежегодно в течение 27 лет; этот срок и проценты обычно устанавливались при выдаче ссуд половникам; в 1896 г. срок взноса ежегодного платежа был назначен по просьбе указанных быв. половников вместо августа в декабре, так как, повидимому, им было легче платить в конце года по окончании обмолота, производившегося обычно до глубокой осени. В 1881 году была утверждена покупка тремя семьями, состоявшими из 22 мужчин (14 ревизских душ) и 20 женщин, жившими в двух деревнях Устюжского уезда у мещанина Реутова, 188 дес. 350 саж. земли "всякого качества" со строениями, оцененным

22) Архив м-ва внутр. дел, 6 делопроизводство земск. отдела, дело № 38 за 1876 г.

23) В двух случаях имели 15 десятин земли на душу, в одном 11 дес. [illegible] саж на два семейства, жившие в первое время после переселения (в июле 1879 г.) в одном доме во вновь образованном ими починке и расселившиеся к весне 1881 г. на два двора.

[illegible] ржи на 10 четвертей и [illegible] семенами на 24 четверти за 3.500 руб., полученных в ссуду от казны.

Владельцы не всегда соглашались продавать земли своим бывшим половникам, предпочитая продать их частями, но [illegible]. Другие старались при продаже земли крестьянам взять за нее как можно дороже, стараясь извлечь бо́льшую выгоду из нежелания половников расстаться с привычными землями; так поступили, например, крестьяне Теругин и [illegible]. Первый [illegible] с 50 душ своих половников [illegible] за 650 дес. 1951 саж. земли (из них [illegible] в двух деревнях Устюжского уезда [illegible] руб.: удобной 631 дес. [illegible] саж. и неудобной 19 дес. 1420 саж.) [illegible] мировой посредник оценил землю в 13—15 тысяч рублей; правительство же [illegible] только 13 тысяч руб. Выкуп земли [illegible] отпустить крестьянам в виде ссуды [illegible] обычным путем [4]). Половниками у [illegible] Коковина [illegible] Никольского уезда [illegible] 39 дворов, в числе 101 ревизских душ [illegible] в 1788 г. грамоте государственные земли [illegible] в 1785 г. их [illegible] с землею [illegible] от [illegible] государственными крестьянами [illegible] до 1822 г., когда [illegible] по [illegible] оставаться [illegible] 1851 г. [illegible] в 1871 г. [illegible] крестьянину [illegible] продал свои земли за 17 тысяч рублей своему [illegible] крестьянину Коковину [illegible] на тех же условиях [illegible] податей и земских повинностей [illegible] не удовлетворяясь [illegible] только половину урожая [illegible], например, запретил [illegible] потребовал [illegible] условий [illegible] 35 верст 46 [illegible] чтобы они [illegible] совершенно [illegible] со службы [illegible] хлеба. [illegible] так как Коковин не давал [illegible] для постройки [illegible] договор 1871 г. [illegible] контракта, Коковин потребовал [illegible] на это не согласились [illegible] условий [illegible] Начавшиеся между Коковиным и половниками [illegible] тем, что [illegible] были [illegible].

Начальник Вологодской губернии [illegible] в ноябре 1875 г. [illegible] положении половников [illegible] крестьяне [illegible] заключить контракт на старых основаниях [illegible] и послали в Петербург [illegible] земли у Коковина [illegible] выкупе земли [illegible] 1875 г. [illegible] в 16 тысяч рублей с рассрочкой [illegible] правительства [illegible]. Утверждение [illegible] 27 лет; остальные 9 тысяч [illegible] крестьяне [illegible] отношения Коковина и половников [illegible] затянулось [illegible]. Недоразумения и столкновения между Коковиным и половниками не прекращались. В конце 1879 г. Коковин стал отказываться от продажи земли, соглашаясь, однако, заключить вновь контракт с крестьянами за половину урожая, но без платежа за них податей и снабжения их семенами. Положение становилось настолько серьезным, что губернатор [illegible] 1875 года. Наконец, в [illegible] 1880 года [illegible] о продаже была утверждена: крестьяне приобретали за 25 тысяч руб. [illegible] 801 дес. 1050 саж. и неудобной [illegible] 42 дес. 1725 саж. земли (из них удобной [illegible]

---

[4]) Архив м-ва вн. дел, 6 делопр. земского отдела, дело № 61 за 1875 год.

[5]) Требования, подобные этим, находим в приводимом в статье „Половники“ (Вологодск. сборн. 1881 г.) половничьем контракте 1858 года.

десятина 725 саж.) с водяной мельницей и прудом; в пользу владельца оставался скот в дер. Созонове и дом с разными постройками, который он обязывался снести в трехлетний срок.

Случай с половниками Коковина является иллюстрацией зависимости, в которой находились даже наиболее обеспеченные из половников.

Часть половников дошла к концу 80-х годов до окончательного обезземеления, оставаясь в деревнях, но ход этого процесса и положение таких крестьян неясны; о них сохранилось отрывочное упоминание в переписке конца 80-х и половины 90-х годов о хлебных магазинах, принадлежавших бывшим половникам. В 1888 г. запасы хлеба, собранные в магазинах семи деревень, были сосредоточены в одном; бывшие половники этих деревень, купившие в них земли, просили разрешения продать свободные здания магазинов и на вырученные деньги исправить оставшийся. В двух деревнях владельцы земли, на которой находились эти здания, признали их собственностью половников, а остальные считали их своими, как находящиеся на землях, купленных ими у прежних хозяев. Министерство внутренних дел признало все магазины здания собственностью бывших половников, так как, хотя они были строены из владельческого леса, но "без сомнения воздвигались трудом крестьян". В 1893 году был поднят вопрос об установлении права собственности на магазинные здания половников, переселившихся на казенные земли или ставших безземельными. Вологодский губернатор находил полезным упразднить 23 магазина безземельных крестьян в Устюжском уезде, обратив запасы хлеба в денежный продовольственный капитал для этих крестьян. Министерство внутренних дел разрешило продать хлеб, а здания признало имуществом владельцев земель, на которых они находились; пожертвовать их в пользу крестьян разрешалось только при согласии владельцев уступить здания в их собственность. В 1895 г. был совершен ряд подобных сделок с зданиями, уступленными крестьянами владельцам за деньги или безвозмездно, по соглашению.

Таисия Шатилова.

К истории ремесленного труда в древней Руси (10—15 в.в.).

II. Работы по металлу [1]).

Еще до-христианская Русь знала употребление металла, умела его добывать и обрабатывать для разных целей. Главным местонахождением руд являлись земли Галицкая, Харьковская и Новгородская. Отсюда металл в готовом или необработанном виде поступали, путем обмена, в другие области.

Древняя Булгария, Камская Чудь славились в ту пору минеральными богатствами, которые попадали к древним руссам, благодаря торговым сношениям. Летопись под 1096 г. указывает на получение железа от приуральских народов: "и в горе той просечено оконце мало, и туде молвят, и есть не разумети языку их, но кажют на железо и помавают рукою". Железо шло в обмен на меха.

Плотничное ремесло, получившее широкое развитие, требовало постоянного улучшения и усовершенствования орудий производства: плотничные инструменты делались из железа. Десятый век знает и более сложные работы. Летопись под 986 год говорит, что "дьявол в большое прельщение вверже, и начаша кумиры творити, ови древяны, ови медяны". Ясно, что такой кумир не представлял собой безформенного куска меди: изготовление его шло, применяясь ко вкусам и религиозно-эстетическим требованиям населения. В 10 веке обрабатывали также сталь, известную под наименованием "уклад". Мастера, работавшие по стали (выравниватели стали), назывались *укладниками*. По договору князя Олега с Византией [2]), греки должны были дать на 2,000 русских кораблей по 12 гривен на ключ (руль), а кроме того, обязывались "дати углады на руские городы". Время заключения этого договора с его своеобразной контрибуцией—907 год. Киев - центр тогдашней Руси. Челядь, мед, драгоценные камни и другие предметы торговли с греками и арабами проходят через руки киевских купцов. Ясно, что при таком его значении, в этом же акте указывалось, что мастера стали должны быть присылаемы "первее на Киев", а затем уже "на Чернигов, и на Переяславль, и на Полтеск, ..., и на прочих городы". Присылаемые укладники имели, по-видимому, назначение учить местных жителей своему ремеслу [3]). Но, несмотря на это, летопись под 988 годом ставит в заслугу Владимиру святому, что он, возвращаясь из корсунского похода, "взя же две медяны две капищи и 4 кони медяны", до изготовления которых искусство русских мастеров еще не дошло, так что летописец, описывающий это событие спустя много времени, имел возможность засвидетельствовать, что "и ныне стоят за святою Богородицею, яко же неведуще мнять я мраморяне (мраморные) суще".

От 11 века имеется уже значительно больше известий о металлических изделиях, причем это позволяет точнее выяснить, при каких работах употреблялись железо, медь, олово, свинец и т. д. Железо поражало своей крепостью и поэтому зна-

1) См. Архив истории труда в России, книга четвертая, стр. 47—56.

2) Ипатьевская лет., 907 г.

3) Лаврентьевская лет., стр. 30. Интересно отметить указание Лавр. летописи на тот же акт, что присылаемые укладники за свою работу будут иметь пищу, жилье, словом все необходимое, и даже им будет предоставлена возможность пользоваться банями.

...комство с другим минералом, который "железа бысть крепчеи" и которым можно чертить по железу, удивляет летописца [4]. Писатели 11-го века указывали способы, которыми можно твердое, крепкое железо, сделать послушным орудием в руках человека [5]. Указывалось, до какой степени нужно его накалять. Работы по дереву можно было производить в любом месте, орудия производства были не сложны (пила, нож, топор), сама работа проста. Обработка же железа, меди и т. д. требовала существования, может быть, очень примитивных, но все же *мастерских*, с уже более сложными орудиями производства, например, наковальня, молот и т. д.

В 12-м веке в Киеве русские кузнецы имели, повидимому, свою организацию, жили около городских ворот, которые и стали именоваться "кузнечными". Кузнецкая улица была и в Пскове. Раннее известие указывает, что Феодосий в городе Курске "шед к единому от кузнецы" и заказал себе вериги [6]. Наличие мастерских-кузниц подтверждается еще словами Златоника: "не огнь творит разжение железу, но надымание мешное" [7], т.-е. огонь в кузницах раздували мехами. Некоторые известия говорят о горнах, горнилах, а более позднее сообщение отмечает существование кузниц, в которых "дмут железо" [8]. Русские мастера настолько знали свое дело, что "хитрость вътри (кузнеца)", т.-е. ловкости, могли необработанный металл превратить в законченный предмет — "яко же хощет сосоу(д) (сосуд) такоже сотворит". Вазы, чаши, курильницы делались как из меди, так и из железа. Твердым металлом изображали на более податливом различные рисунки—"узорочья".

При постройке церкви св. Богородицы в работах по ... принимали участие ремесленники-рабы, принадлежавшие церкви. Для такой большой работы их потребовалось, должно быть, значительное количество —"налезе мастера ... ..." — замечает летописец. Одно из летописных известий указывает на то значение, которое придавалось кузнечеекому "художеству", а другое говорит о "братьи множества ремества различна, швець, кузнець, древоделя", и наряду с этим констатируется существование кузнецов, находившихся в рабской зависимости. Указывается также на практиковавшийся способ платы за работу — продуктами [9]. Мастера по металлу носят различные наименования: "ковачь", "льтец", и т. д. Литейное дело называлось "котельным", а рабочие-мастера "котельниками". "Котельное" дело получило довольно широкое развитие в Пскове. Наиболее выдающиеся мастера были известны по имени, как, например, "ремеством же Томар бе кузнец железной", или "а Новгородци убиша на Устоуне Дмитра Пл...ковитича, Остона котельника" [10]. Когда кн. Даниил построил гор. Холм, он вызвал из-за рубежа ремесленников самых разнообразных специальностей. Среди них видное место занимают кузнецы—"и прихуждахоу (?) ... и мастера всячи и кузнеце железу и меди и сребру" [11]. Так как работа кузнецов вызывала пожары, что случилось в 1436 г., когда "загорелося в Кузнецкой улице от Климентия кузнеца", то они обыкновенно селились на одной улице, часто на краю города, где и организовывались в артели и "братии".

Из предметов домашнего обихода надо отметить выделку гвоздей, ножей, замков, ключей и т. д. Постройка кораблей не могла обойтись без железных изделий — "не ставится корабль без гвоздия", необходимы уключины, скрепы и т. д. Каждое хозяйство нуждалось в бочках, ведрах и др. деревянных изделиях, которые обивались железными обручами, сбивались гвоздями. Русские мастера выделывали также узорчатые металлические сосуды. Очень ценные данные о выделке из металлов пред-

4) Минея Четьи. 1097 г.

5) XIII слов Григория Назианзина. Изд. А. Будиловича, 1875 г.

6) Ипатьевская лет., стр. 44.

7) Аристов, Промышленность древней Руси, стр. 116, примечание 362.

8) Таможенная грамота Орешка, 1563 г.

9) Лаврентьевская лет. 1194 г.; Жития Феодосия, 100; Пандекты Никона, 45, 57

10) Новгородская I-ая лет. 1216 г.

11) Ипатьевская лет. 1259 г.

метов домашнего обихода, хозяйства, дает сохранившаяся описная Коряжемского Николаевского монастыря [12]). Так в церкви чудотворца Николы находились "сосуды оловянные, да потир, да дискос, да два блюда корные оловянные, лжица оловяная ж". "В церкве чудотворца Дмитрея... сосуды оловяны, да три блюда, да лжица, а звезда железная". Киот был обложен железом. Церковь Благовещенья также имела перечисленные предметы, большей частью из олова. Находившиеся в монастыре книги имели углы обложенные белым железом. При заведывании этим монастырем игуменом Иуком было получено от "вкладчика" большое количество металлической посуды – "за четыре сосуды столовые оловянные, да котел большой квасной в двадцать ведер медной, да пять блюд оловянных, три больших, а два малых" и т. д. и т. д.

Литье колоколов для церквей приняло значительные размеры. В 1067 г. Всеслав Брячиславич, напав на Новгород, взял из св. Софии все колокола. В 1146 г. Ольговичи взяли колокола в Киеве и т. д. Новгородский владыка Василий, прославившийся в 1342 г. "[illegible] колокол велик к св. Софии, привезе мастера с Москвы человека добра, именем Бориса" [13]). Кн. Владимир Галицкий "велия колокола литым сделает" ([illegible]).

Много указаний имеется относительно слесарных работ. В 1264 г. Новгородцы "замки железные разбиша". В 1159 г. все церкви в г. Владимире были затворены и "замки церковныя взя". Развитие этой отрасли металлического производства привело его к дифференциации и мы имеем известие, что существовал специальный "замочный кузнец" со своей "кузней". Изготовлялись также топоры, ножи, секиры, застежки под названием метлы, ... и т. д. – "Много народ с секирами ..., глаголюще: расколием печеру сию" [14]). Как видно, эти предметы изготовлялись в количествах из расчета на большой спрос. Кроме хозяйства должны были иметь орудия земледелия: рала, коса, серп и т. д., выделываемые из железа. Предметы эти являлись настолько необходимыми, что в древних межевых актах или определениях границ земской территории, всегда встречается стереотипная фраза: "куда топор и коса ходили".

Рано началось производство предметов военного снаряжения. В 1146 г. при разграблении двора князя Игоря было обнаружено много железа и меди, предназначенных для выделки оружия. Самым распространенным оружием был *меч*. Так в договоре кн. Олега с греками в 911 г., есть специальная статья о нанесении удара мечем – "аще ли ударит мечемъ...", а договор Игоря с греками 945 года дает указание и на другое оружие – "да не имуть помощи от Бога, ни от Перуна, да не ущитятся щиты своими, и да посечены будут мечи своими, и от стрел и от иного оружия своего", или "аще ударит *мечемъ*, или *копьемъ*, или *иным каким* оружиемъ" [15]). Были еще сабли, рогатины, кинжалы и проч. Известная часть оружия привозилась из других стран или отбиралась во время сражений, например, сулицы ляшские, кинжалы фряжские, байданы бесерменские, копья аравитьская и т. д. [16]). Но во всяком случае потребность в оружии была настолько велика, что, во-первых, заграничный ввоз ни в коем случае не мог ее удовлетворить, во-вторых, вследствие частых войн с соседями закрывались границы и привоз иноземного оружия прекращался, так что выделка его должна была производиться и русскими мастерами. Имеется много указаний на производство оружия оборонительного характера –

12) Акты относящиеся до юридического быта древней Руси. т. II. № 218. Опись эта датируется первой половиной 16-го века, но так как имущество монастырей накоплялось не одной сотней лет, указанные в этой описи предметы находились в монастыре, конечно, и ранее 15-го века.

13) Аристов. Промышленность древней Руси, стр. 118.

14) Лаврентьевская лет. 1071 г.

15) Владимирский - Буданов. Хрестоматия по истории русского права. вып. 1. стр. 3, 9, 15. (изд. шестое).

16) Аристов. Промышленность... стр. 115.

"златы броня (латы)". "бояри стояще в бронех и стрелыце". "людие на конех и в броне и коне их"; часто упоминаются щиты [17]. Вооружение русского князя дополнилось "злачеными шеломы". В боях знакомились русские с завоеванием иноземной техники в отношении производства оружия, более усовершенствованного. Пленные немецкие мастера — оружейники часто работали у русского князя, изобретали новые пушки и другие орудия. Так, в 1420 г. [18] немецкий мастер пробовал свое изобретение, но неудачно и "немчина мастера пушечного... растерзаху и развята невидимо где", так что не могли найти "ни тела, ни кости". Пленение вражеских воинов и продажа их в рабство требовали изготовления железных цепей, кандалов, в которые пленные и заковывались — "вязание (оковать в кандалы) и раны, и страшные подвиги". "възложить жажель (цепь) железен на выю свою". "[illegible] в смерде". "яко выступи Давид и загреще Василька и оковаша и в двои оковы" [19]. Цепи железные нужны были также и старцам, инокам и т. д. Изготовление совершенствовалось и качество работы удивляло иногда современников — "учинены семь вервий точцы и кресче с хитрыми истолченными железными вертагы (перетяги)" [20].

Внутренний и внешний товарообмен породил необходимость в металлических деньгах, роль которых выполняли первоначально шкурки, меха и т. д.; потребовались монеты с клеймом, удостоверяющим их ценность. Чеканка была сосредоточена в руках лиц, пользующихся доверием населения. Она постепенно совершенствовалась: ее идеалом являлась монета, клеймо которой ее до краев бы покрывало. В Пскове и Новгороде чеканка и литье монет поручалась специальным мастерам — "денежникам". Так, в 1424 г. вече обсуждало этот вопрос и "приставиша мастеров деньги ковати в чистом серебре". В 1447 г. Новгород был взволнован из долго нашумевшим делом с "денежниками" (ливцами), которые деньги лили неправильно: главный денежный мастер Федор Жеребцов был судим; деньги были изъяты из обращения и "весь Новгород устави 5 денежников и начаша переливати старые деньги, а ковати новые" [21]. Чеканка монет и их литье не могли быть уже таким частным делом, как это можно было бы усмотреть из того обстоятельства, что в городе жило большое количество "денежников". По-видимому, эти мастера исполняли и другие работы.

Мастера по железу, меди, свинцу и т. д. участвовали и в строительных работах. Постройка зданий редко протекала без применения металлического материала. Летопись под 1096 г. говорит, что один новгородец, побывавший у приуральских народов, удивляется строению, у которого "створена врата медяна, аще хотят взяти не възмогут (ни огнем жгут) ни огнь может вжещи его, ни железо [illegible] приимать". Когда вл. Ярослав заложил Киев, он устроил "от него же врата суть златая (позолоченные) врата" [22]. Опыт деревянных построек показал их непрочность. Стали своды делать железные: "камень внутрь кременна железо сътре своды великия вельми размерныя". Другое известие от 1259 г., говоря, что при постройке церкви "внутренний же помост бе слит от меди и от олова", указывает на практиковавшийся сплав металлов, причем работа в данном случае была такого высокого качества, что по словам летописца помост этот "блещатися яко зерцалу" [23]. В некоторых случаях целые части здания, для большей крепости, пробивались свинцом. Так было в 1333 г. при постройке в Новгороде церкви св. Софии. Случалось, что кровля делалась из железа. В 15 веке это встречается довольно часто: "покрыша храм железом".

---

17) Слово о полку Игореве. Изд. Глазунова.
18) Никоновская летопись.
19) Лаврентьевская лет., 1097 г.
20) Изборник 1073 г.
21) Псковская II-ая лет., 6932 г.; Новгородская I-ая лет., 1447 г.
22) Лаврентьевская лет., 1037 г.
23) Ипатьевская летопись.

Металлисты, пользовавшиеся личной свободой, жили по городам, в торговых центрах. Зависимые же, обитали в княжеских селах: некоторые из них платили кузнечную подать, другие являлись княжескими холопами. В одной из жалованных грамот (14 века) Толгскому монастырю говорится, что князь отказывается от дани: "ни надобе дань, ни тамга, ни *поплужная кузница*" [21]. Следовательно, кузнецы жили на монастырских землях, занимаясь ремеслом не мимоходом, случайно, а даже оборудуя новые мастерские. При дворе князя также находилось не мало таких ремесленников. Иван Калита по духовной отказывает своей дочери некоторые металлические предметы, сработанные его мастерами. Хотя неизвестно, каким образом оплачивалась эта работа, все же важно отметить, что металлическое производство имело место и в княжеских вотчинах. Князь Ив. Юрьевич Патрекеевич делит между своими сыновьями "людей своих", среди которых мы видим и ремесленников по металлу — "да Иванца трубника... да Федка бронника с женою".

Духовные грамоты князей дают также сведения о материальном благосостоянии мастеров, живших на их землях. Так, кн. Патрикеевич задолжал у ремесленника, выделывающего трубы и подобные предметы, "сорок рублей", а кн. Ив. Борисович Волоцкий пишет в своей духовной, что он должен "Лагуте кузнецу пятдесят рублев" [25]. Это позволяет предположить, что мастера, даже несвободные, работали не только на князя и его двор, но также и *на рынок*. Повидимому, работа по металлу являлась занятием выгодным и мастера могли снабжать князей значительными для того времени суммами.

Как бытовой материал, интересны данные, указывающие, что кузнецы нередко свидетельствовали частные письменные акты. Так, при купле участка земли — "а на то послуси Иванга староста, да Михаль кузнец", или "а на то послуси... Иван Серебрянников" [26].

III. Золотые и серебряные изделия.

Первоначально золотыми и серебряными украшениями стремились, главным образом, придать блеск предметам религиозного культа. Накопление же золота и серебра, как ценности, повидимому, отходило на второй план. Летописец под 986 г. указывает, что еще в языческую пору древние руссы "начаша кумиры творити... [illegible] златы и сребрены". Чем богаче было население местности, тем больше было у него "златотворенных кумиров", тем меньше было деревянных и каменных. Принятие христианства совпало с начинающимся накоплением богатств у князей и класса, его окружающего. Это явление повлияло на производство серебряных и золотых изделий для церкви, принявшее значительные размеры, так как увеличение церковных богатств удовлетворяло, с одной стороны, религиозно-эстетические требования соответствующе настроенной массы, с другой — чисто фискальным потребностям правящей группы. Летописец часто упоминает о серебряных и золотых предметах, находившихся в церквах. Так, в 1155 г. кн. Андрей привез в свой город икону "в окова в ню (икону) боле тритцати гривен золота, кроме серебра и каменья драгаго и жемчюга" [1]. Эта икона была привезена из Византии — "юже принесоша в едином корабли с Пирогощею из Цареграда" и, несомненно, она уже в первоначальном виде была достаточно драгоценна. Епископу Митрофану ставится в заслугу, что он [illegible] в церкви св. Богородицы "украсил золотом и серебром". Церкви крупных городов, торговых центров, были полны "злато[illegible]", чашами, различными сосудами. Мастерам, работа которых [illegible], "[illegible] серебро [illegible]" [illegible] золото и серебро для крестов и икон [illegible].

21) Акты Археографической экспедиции, т. I, № 15.
25) Собрание Государственных грамот и договоров, ч. I, № 130, 152 и др.
26) Акты, относящиеся до юридического быта древней Руси, т. II, № 149, II, III, VII
1) Лаврентьевская лет. 1155 г.

знаему иконнику" 2). "икона золотом кована Парамшина дела". "крест золот Парамшина дела" 3) и т. д. В 1102 г. Владимир Мономах "пришед ночью примери гробы (Бориса и Глеба) расклепал же доски серебряные. позлати златом.... а последи исковав оубо сребреныя доскы и святыя по ним изражав и позлатив. покови сребром и златом... имуще верху по обилу злата, светильня позлащена". Владимир Галицкий для разных церквей "с'соуды служебные серебряныя скова". оклады на иконы и кресты делал золотые, кадила серебряные. Много церковной утвари, золотой и серебряной, было иноземного происхождения. Так. кн. Мстислав поручил Киславу нарочно ехать в Царьград "оковать евангелие золотом и серебром". "цену же евангелия сего един Бог ведае" 4). летопись под 1175 г. дает характерный пример украшения церкви золотыми и серебряными предметами. Кн. Андрей Суздальский выстроил в г. Боголюбове каменную церковь "украси ю иконами многоценными, златом и каменьем драгим". Столько блеску было в этой церкви. что "зане вся церковь бяше золота". Все церковные сосуды были сделаны из золота и серебра. "удивьи ю сосуды злотыми и многоценными". Все. видевшие эту церковь, удивлялись, так как равноценной ей никогда не было. "Златом и финиптом (эмаль и металлу) украшена и всякими сосуды церковными и ерусалим злат". Но все это церковная утварь. Сама же церковь "строение". тоже блистала золотом и серебром — "из дну церкви от верху и до долу и по стенам и по столпам ковано золотом". Даже двери, и те, были с золотыми украшениями. Тот же князь в другой церкви "5 верхов позолоти, двери же церковные трое золотом устрои". "и многими панакаидилы злотыми и серебряными просвети церковь". В городах "Боголюбске и Володимире верх бо златом устрои". "комары" позолочены. церковные сосуды были сделаны из чистого серебра 5).

Мастера золотых и серебряных дел, ювелиры древней Руси, свое умение и труд приложили не только к производству предметов церковного обихода. Летописцы неоднократно сообщают о выделке самых различных вещей из благородных металлов. Еще в 996 г., когда дружине кн. Владимира захотелось переменить деревянные лжки на серебряные—"се слышав, Володимер повеле исковати лжице (ложки) сребрены ясти дружине". В 1024 г. кн. Ярослав послал за варягами; они пришли с Якуном—"и бе Якун слеп и луда (плащ, верхняя одежда) бе у него золотом истъкана" 6). Часто летописи передают, что князья шли в поход со "златы броня (латы)" и с "золочеными шеломы". Князь Игорь, [illegible] перед битвой на половцев, "Вступи в злат стремень", кн. Святослав имел "сребрено стружие" (копье). "Игорь князь высел из седла злата" 7). Платье состоятельных людей [illegible] золотом, серебром и дорогими камнями. Так, князь Дмитрий Иванович завещает сыну "вотолу" (одежду), расшитую золотом и серебром. Более позднее известие описывает платье, на котором были "пять пуговиц [illegible] злачены" 8). Выделывались серебряные [illegible]. Например, в 1150 г., когда Владимир потребовал у мадьяр серебра, [illegible]

[illegible]

2) [illegible] XV в. [illegible] Срезневский. [illegible] и заметки, вып. III, стр. 129.

3) [illegible] 1359 г. [illegible]

4) [illegible]

5) [illegible] лет., 1175 г.

6) [illegible] лет., 996, 1024 г.

7) Слово о полку Игореве. [illegible]

8) [illegible]

вались в ту пору. Так, в княжеской среде были распространены золотые пояса— “а сыну моему князю Юрию пояс золот новый без ремени.. Шышкина дела”, “пояс золот с ременем Макарова дела” и т. д. Из других предметов надо отметить выделку чисок и ковшей, как принявшую значительные размеры. “Ковш великий золот гладкий”—часто фигурирует в духовных. Бывали ковши с узорами. Князь Михаил Андреевич Верейский завещал вел. князю большое количество золотых и серебряных вещей—золотые кресты и иконы, цепи, три чарки золотые, одеяло шитое серебром и золотом и т. д.

Ценность таких предметов была очень велика и в трудную минуту они закладывались. Например, в духовной кн. Андрея Васильевича от 1481 г. говорится: “да в тех же деньгах у него заложена чеп золота большаа да двенатцать мис серебряных” 9). В договоре смоленского князя Мстислава с Ригою, Готландом и другими немецкими городами (1229 г.) есть статьи, регулирующие покупку иностранцами русских серебряных изделий. “Аже латинский коупит соуды серебряные, дати емоу весчую от гривы серебра по ногате смоленской. Аже продаст не дати ничего же”. Другая статья говорит, что если “латинескии даст серебро пожигати”, т.-е. в обработку, то ему уплачивается “коуна” смоленская за каждую гривну, отданного мастеру, серебра 10). Из этих статей можно заключить, что с одной стороны, производство серебряных изделий получило значительные размеры, с другой—принимались меры к притоку иноземного серебра с целью обработки его в русских мастерских. Но вместе с тем, серебряных дел мастера имели настолько большой заработок, что явилось возможным установить особый налог с “серебряного литья”. Так, кн. Владимир Андреевич, отказывая жене своей различные пошлины, пишет в духовной: “и гостинное и весчее... и серебряное литье” 11).

Известие, говорящее о выделке золотых и серебряных идолов, предполагает наличие мастеров, знакомых с этим делом. Исполняя требование дружины о замене деревянных ложек серебряными, Владимир мог расчитывать на известный кадр ювелиров, могущих исполнить такое большое задание. Проф. Довнар-Запольский указывает, что археология, по найденным при раскопках, предметам дает право заключить о заимствовании русского искусства от Византийского 12). Но во всяком случае мастера были русские и, что очень важно, сами же обучали этому мастерству других. Так, известие 11-го века говорит, что работа была отдана человеку, который “научися не оу кого златаря” 13). Другое известие указывает, что была специальность делать драгоценные иконы: “Вдаша серебро некоему знаему иконнику”. Более того: францисканец Иоанн де-Плано Карпини, по поручению папы Иннокентия IV предпринявший в 1246 г. путешествие в страну монголов, в своих записках уделил место встрече с русским золотых дел мастером—“и, если бы Господь не предуготовал нам некоего русского, по имени Косму, бывшего золотых дел мастером у императора (татар) и очень им любимого, мы как полагаем умерли бы” 14). Косма попал в плен к татарам. Косма показал Плано Карпини золотой трон и такую же печать своей работы. Известие это интересно еще тем, что при дворе хана было много венгров, немцев и др. иностранцев, которые, однако, такого влияния, благодаря своим работам, не приобрели.

---

9) Собрание Государственных грамот и договоров т. I. 13[illegible]. 1389. 1481. 148[illegible] г.г. Договоры [illegible] о серебряных предметах иностранной работы—«стол немецкое дело, [illegible] [illegible] ложках серебряных».

10) Владимирский-Буданов. Хрестоматия по истории русского прав. Вып. I (изд. [illegible]).

11) Собр. Гос. грамот и договоров, т. I. [illegible] г.

12) Довнар-Запольский. История русского народного хозяйства. т. I. Киев. 1911 г.

13) [illegible] [illegible], [illegible].

14) [illegible] [illegible] [illegible] Плано Карпини и Рубрука в восточные страны. [illegible] [illegible] Рубрук. [illegible] 57. [illegible] [illegible]. Изд. Суворина.

Мастера жили по городам главным образом, в крупных торговых центрах; при монастырях и дворах князей часто на положении несвободных или полусвободных. "Некий знаем иконник", "некий златарь" — мастера, лично свободные, имевшие свои мастерские, а иногда, как предполагает проф. Довнар-Запольский, работавшие в "избе" заказчика. В Ситском монастыре жил "Андрей златой мастер" 15). Из ювелиров 14—15 веков особенно выделялись мастера Макар, Парамшин и Шышкин, причем каждый из них, выбрав узкую специальность, работал, главным образом, в ее пределах. Парамшин выдвинулся выделкой серебряных и золотых икон. Великий князь Иван Иванович пишет в своей духовной (1356 г.): "а се даю сыну своему князю Дмитрию... икона золотом кована Парамшина дела". Иконы этого же мастера фигурируют в духовной Дмитрия Донского (1389 г.). Из грамоты вел. кн. Василия Дмитриевича (1406 г.) видно, что Парамшин пользовался не только золотом — "... сына своего кн. Ивана благословляю иконой Парамшина дела с чепью, а чепь с каменьем". Более, чем через сто лет после первого известия о парамшинской работе, в духовной 1462 г. упоминается "крест золот парамшинской". Шышкин и Макар специализировались, главным образом, на выделке золотых поясов с жемчугом, каменьем и т. д. — "пояс золот с ремнем Макарова дела", "пояс новый с каменьем с жемчугом без ремени, пояс золот Шышкина дела" и т. д. Работы этих мастеров встречаются на большом протяжении времени.

"Икона золотом кована Парамшина дела" или "пояс золот Шышкина дела" далеко еще не указывают, что эти предметы были сработаны названными мастерами лично. Парамшин, Шышкин работают и со своим материалом; они должны были иметь соответствующие мастерские. Зарекомендовав себя художественностью и добросовестным выполнением работ, мастера эти передали своим ученикам или наследникам не только мастерские, но и *фирму*. "Пояс золот Макарова дела" ценился несравненно дороже, чем просто золотой пояс. И через сто с лишним лет после начала работ парамшинских мастерских изделия, связанные с его именем, почитались значительной ценностью и являлись образчиками художественности исполнения.

Но на ряду с такими крупными предпринимателями, которые брали работы только сложные и ценные, по княжеским землям жили серебряных и золотых дел мастера, не пользовавшиеся личной свободой, исполнявшие работы на своего владельца. Так, Ив. Калита в 1328 г. отказывает своей дочери ожерелье жены, обручи и монисто "что есть сам сковал", т.-е. сделанные в мастерских его "серебряником". В грамоте кн. Ивана Юрьевича Патрикеевича (1498 г.) среди завещанных им людей встречается и серебряный мастер: "а людей старых даю жене своей Фетинье... да Кузему Булгакова, сына плотникова, серебряного мастера".

Несмотря на успехи, которые делали русские в выделке золотых и серебряных предметов, великие князья старались притянуть к своему двору иностранных мастеров. Так, в 1488 г. вел. кн. Иван Васильевич посылает грамоту в Колывань бурмистрам и ратманам 16), с просьбой не задерживать тех людей из "Итальянских стран", которые едут в Москву с его посланцем; кроме того, князь уведомляет, что хочет к нам ехати служить из наше "вотчины" немец, серебряных дел мастер Иван Риснберг, порядившийся служить три года вместе со своими учениками.

Вл. Юл. Гессен.

(Окончание следует.)

15) Акты, относящиеся [illegible] Руси, т. I, № [illegible].
16) Русская Историческая Библиотека, т. [illegible]. Русско-[illegible] [illegible] архива, № [illegible]

Рабочая дисциплина на фабриках и заводах при крепостном праве.

Наша фабрично-заводская промышленность уже с самого начала своего возникновения стала принимать форму крупных предприятий, не только не уступающих по размерам своим западно-европейским образцам, но часто превосходящих их. На очень многих из них рабочие и служащие исчислялись многими сотнями и даже тысячами душ, а отсюда, естественно, возникал вопрос о поддержании дисциплины среди многолюдного и разнородного заводского населения.

Среди условий, в которых развивалась промышленность, условий, налагавших печать своего влияния на характер рабочей дисциплины, первое место занимает принудительность труда: не только рабочие, но и служащие состояли не из свободных людей, заключающих каждый для себя договор с хозяином и расторгающих его по своему [illegible], а из людей подневольных, прикрепленных или к данному предприятию, или к личности своего господина. К этому присоединяется еще непривычность населения, веками занимавшегося только земледельческими и [illegible] промыслами, к горнозаводским работам, тяжелым и изнурительным. В силу этого меры, [illegible] от земли и [illegible] путем обязательного [illegible] рабочего населения, направлявшиеся к [illegible] общей цели — развитию производства, носили суровый, жестокий характер.

В указной памяти 25 января 1632 г., кой предписывается [illegible] торговому человеку [illegible] в Соликамск к медному делу, мы читаем: "а будет мастеровые [illegible] учнут делать сплошно,— говорится это между прочим,— и им чинить наказанье, что чего доведется" 1). Размер полномочий власти и характер взысканий с рабочих здесь не указаны: очевидно, самой практике предоставлялось выработать формы воздействия на мастеровых. А эта практика с усилением крепостнических тенденций, характеризующих 17 и 18 столетия, шла в сторону возможно большего устрашения "подлых" людей и не замедлила вылиться в формы, соответствующие духу времени. С начала 18 века центр горнозаводской деятельности переносится на Урал. Видную роль здесь играли заводчики Демидовы (Никита и сын его Акинфий), и их практика служила примером для остальных.

В грамоте [illegible] г. об [illegible] железных заводов было сказано: "[illegible] Никите у работных людей суда и расправы [illegible] и ничем им приказным людям на тех заводах ни в чем не ведать, а ведать бы это в Сибирском приказе, а в [illegible] самому". [illegible] наказание работников [illegible] году вновь подтверждается право за Демидовым наказывать [illegible] смотря, батогами и плетьми, [illegible] с тем однако же, "чтобы заводские люди не разбегались от чрезмерной [illegible] и чтобы не [illegible] он на себя [illegible] слез и обидного [illegible] великой обиды, паче же убогому [illegible] неприятностей" 2). [illegible] впечатление [illegible]

---

1) Пермь. Путеводитель в Чердынь и Соликамск (192[illegible] г.).

2) Г. Спасский. Жизнеописание Акинфия Никитича Демидова (18[illegible] г.) [illegible] 30 стр.

у уже одного исследователя ³) сложилось представление о "беспредельной заботливости об участи рабочих" Петра I. Однако крайняя неопределенность данного акта несомненно была гораздо более выгодна для Демидова и остальных заводчиков, чем для рабочих . . .

В Наказе, данном в 1766 г. старосте Тульских казенных кузнецов, мы впервые встречаем перечисление тех дисциплинарных мер, какие властью признавались допустимыми и целесообразными: "А буде кто из мастеровых людей станет пьянствовать непрестанно или каковые явятся будут ленивцы, от чего чиниться будет делу ружья мешкота и непоспешение, и таковым пьяницам и ленивцам чинить наказание, в первые батоги и пени шестнадцать алтын четыре деньги, а буде и потом творить будут таковая же, чинить наказание батоги жесточае и брать пени по вышеписанному же и держать их в чепи и в железах дня по два и по три". "А буде кто из Тульских кузнецов или из оружейных мастеров тебе, старосте со товарищи, в чем послушен не будет, таковых брать на братцкий двор и чинить наказание батоги" ⁴). В Регламенте Адмиралтейства (1722 г.) на особых надзирателей возлагается обязанность смотреть, чтобы "работники не гуляли, но управляли бы свое дело прилежностию, а ленивых бить тростью". Раз тон был задан, ему естественно старались следовать законодатели низших рангов.

Внутренним распорядкам на сибирских заводах много места отводится в Инструкции, поданной Геннином в 1724 г. "Мастерам смотреть накрепко, чтобы подмастерья и работники не спали, через которое скоро худоба явится в домне . . . и ежели на других заводах из домен станет чугуна меньше и хуже явиться в выпусках, то тех мастеров по розыску жестоко наказывать с убавкою жалованьем и в работе быть скованным". А у кого из молотовых мастеров — внушается далее — "явится много угару и кто уголья излишне и напрасно жег, тем мастерам меньше давать за куловое число, как указано, а ежели не выучится прибыльнее делать, тому быть подмастерьем, а его подмастерью, ежели больше его прибыльнее делает и прибыльнее, быть на его месте мастером, чтобы они лучше тщание имели к лучшему мастерству...и чтобы им, когда работают, то есть домой не ходить, а есть в фабрике". Далее предписывается смотреть, "дабы мастеры учеников своих учили с прилежанием, над всеми надлежит смотреть крепко, чтоб мастеры не пьянствовали, от чего имеет быть лучше вред и убыток в заводских делах и таких пьяниц штрафовать, за один день за пьянство вычитать у таких за месяц жалованья или что он может в месяц заделано выработать и держать скованных при работе целый месяц и велеть спать в *тюрьме*, а ежели они того пьянства тем не уймутся, с такими поступать против прежних указов, велеть их держать всегда скованных при работе всякого при своей фабрике, и на пропитание давать им только один *хлеб* сухой да воду, покамест уймутся. Которые мастера жалованные заскорбят, то таким за больные дни полного жалованья не давать, а давать половинное жалованье против окладу, дабы мастера напрасно притворною болезнью не заскорбели; сие учинить русским" ⁵) . . . Подобные же меры предписывает Заводский Устав, составленный Татищевым в 1735 году ⁶). Таким образом, перечень дисциплинарных взысканий представляется в следующем виде: денежные штрафы; перемещение на более тяжелую или хуже оплачиваемую работу; арест или цепь во время работы; телесные наказания. К этому на Алтайских заводах присоединилось еще заключение в исправительной казарме на 1—2 недели и более, при чем виновным обривалась иногда половина головы "к посрамлению и стыду" их и они выводились ежедневно на работу скованными и под стражей; наконец перемещение на другие заводы или рудники.

---

³) Л. Нисселович. История фабрично-заводского законодательства в России

⁴) Гамель. Описание Тульского оружейного завода (1826 г.). Прибавл. 5) 62 стр.

⁵) Герман. Историческое начертание горного производства (1810 г.), стр. 73, 75, 81.

⁶) Горный Журнал, № 1—5, за 1831 г.

Мера перемещения разоряла рабочих и тем не менее практиковалась очень широко. Так, в Салаирском крае с 1829 до 1845 г. было переведено на другие заводы и рудники 1753 чел., а на их место из других заводов пригнано 1472 чел. Так как всего здесь в 1851 г. было 3773 взрослых мастеровых, то, следовательно, за указанный период состав рабочей команды обновился от одних лишь этих переселений. Телесное наказание также находило себе довольно частое применение.

Многочисленные случаи истязания приписных крестьян и заводских рабочих сыграли несомненно немаловажную роль в том возмущении, которое охватило уральские заводы в третьей четверти 18 века. Как писали в своей челобитной (1762 г.) крестьяне Масленского острога и Барневской слободы, "при заводской работе происходили нам ... самые мучительные ругательства. ... Его, Демидова, приказчики и нарядчики, незнамо за что, немилостиво били батожьем и кнутьями, многих крестьян смертельно изувечили, от которых побой долговременно, недель по шести и по полугоду, не заростали с червием раны. От тех же побой из молодых в военную службу за увечьем в отдачу уже быть несподобны; а заволоклых в домашних исправлять не могут (а иные померли). А за принесенную в общие жалобу, дабы и впредь нигде не били челом, приказом приказчиков и нарядчиков, навязав яко татю на шею колодки и водя по дровосекам и шалашам, а в заводе по улицам, по плотинам и по фабрикам, ременными кнутьями немилосердно злодейски мучили, отчего пришли в увечье и в конечное убожество и домов своих лишились". В этой челобитной перечислено 12 человек, засеченных приказчиками до смерти. Кроме того, крестьяне собрали подробные сведения, кто из них и каким образом был наказан; всего было наказано 215 человек. Так как эти крестьяне были приписаны к заводам Демидова лишь в 1757 г., то, следовательно, означенные истязания были произведены в течение менее пяти лет. Сверх того из крестьян других поселений, приписанных к этим двум заводам, было наказано в 1757—60 г.г. 113 челов. Кн. Вяземский, командированный Екатериной II для расследования подобных волнений, признал недоказанным, что поименованные в челобитной Масленских и Барневских крестьян 12 человек умерли именно от жестокого наказания, но наличность истязаний была удостоверена и им: многие приказчики, служители и мастера были подвергнуты им взысканию за то, что навешивали рабочим колоде на шею, обрывали у них половину головы, брали взятки 7). Тем не менее Вяземский не решился запретить заводчикам и их приказчикам наказывать по своему усмотрению приписных государственных крестьян, ибо из крестьян "не всякий положенную работу без лености исправлять может, и буде тех винных за то приказчиком и нарядчиком к работе не принуждать и за леность не наказывать, то чрез оное и другие, увидя в том слабость, могут облениться, отчего ни собственной их, ни заводской пользы быть не может".

Однако урок, данный затем Пугачевским бунтом, в котором приписные крестьяне приняли деятельное участие, побудил правительство отступить от этой точки зрения. В Указе 20 января 1784 г., данном на имя Пермского генерал-губернатора, подчеркивается, чтобы приставы казенных промыслов и частные лица, у коих к заводам приписаны казенные крестьяне, не наказывали сами крестьян, а "оставляли бы маловажные дела разбирать на словах выборных и других их сельских начальников, а в делах более важных отсылали их на суд в Нижние расправы". Крестьяне должны быть разделены по десятки и сотни, дабы "начальники между ними всякое своеволие, развращение и ослушность усмирять могли" 8).

Организация внутреннего самоуправления приписных крестьян во время отправления ими вспомогательных работ при заводах ведет свое начало от "учреждения" или положения, выработанного кн. Вяземским в 1762 г. для Ижевского и Воткинского заводов. Крестьяне делились на сотни, которые должны были выбирать

7) В. И. Семевский. Крестьяне в царствование Екатерины II. Том второй (1901 г.) 345 - 373 стр.

8) Полное Собрание Законов, № 15115.

ежегодно с общего согласия сотника, выборного, старост и по два писчика. Протоколы о выборах за подписью крестьян немедленно отсылались в заводскую контору, чтобы она могла знать, с кого требовать исполнения ее распоряжений. Все выборные, по желанию крестьян, могли переизбираться и на следующий год. В компетенцию их входило: разбор всяких ссор между крестьянами, назначение работников по требованию конторы, выбор и отсылка на завод [illegible] и годных [illegible] если контора будет нуждаться в мастеровых, и в особенности наблюдение за тем, чтобы крестьяне все без исключения слушались заводских управителей и исполняли все положенные работы. Если в какой-нибудь сотне явится ослушник, который не только сам не будет повиноваться, но и других станет подговаривать к неповиновению или к какому-нибудь другому "злу", то такого, не давая им усиливаться, брать под караул и "ежели злость не велика", то при мирском сходе высечь нещадно; если же окажется какое-либо "злое намерение", то "прописав непорядки" озлобленного человека отсылать его вместе со свидетелями в заводскую контору, которая должна немедленно произвести расследование и виновного публично наказать; ежели же "злодейство гораздо велико", то отправлять в ближайшее судебное место. Если при решении какого-нибудь дела между выборными произойдет разногласие, то его должно решить всем миром; если же и тут единодушия не будет, то представить управителю, который, взяв двух выборных или сотников из других сотен, должен вместе с ними вынести решение. Точно также, если случится спор между разными сотнями или между сотней и ее выборными органами, то его решает управитель вместе с двумя сотниками или выборными других сотен.

"Учреждение" Вяземского было распространено на все заводы, ибо оно могло служить "столь для известия, столь и для полезного учреждения, хотя еще и не на точное совсем положение" 1). Придавая ему не обязательный, а консультативный характер, Екатерина рассчитывала, что "самая польза и наше к тому соизволение" побудит заводчиков воспользоваться. В некоторых случаях это положение действительно было применено и впоследствии даже разные правительственные учреждения ссылались на него в спорах крестьян с заводчиками. Указ же 1781 г. придал ему уже обязательную силу. Правда, староста, сотники и выборные были и раньше, даже до положения 1763 г., но они не принимали участия в разборе дисциплинарных дел, а [illegible] назначались не ими и не на сходе крестьян, а по усмотрению заводских [illegible] и управлений; теперь же заводская контора превращалась в высшую инстанцию, куда дело поступало только в случае его особой важности или разногласия выборных и всего мирского схода.

До указа 1781 г. приписные крестьяне в отношении порядка дисциплинарных взысканий ничем не отличались от заводских рабочих: и те, и другие за проступки при выполнении работ наказывались по усмотрению управляющих или прикащиков. С этого же времени право налагать взыскания на приписных крестьян переходит в руки частью выборных, частью сменяемых органов.

Под влиянием волнений [illegible] ограничено право заводской администрации налагать взыскания [illegible] производимых вдалеке от заводов [illegible] были оставлены на [illegible] его усмотрение.

По [illegible] Положению [illegible] г. [illegible] упущение по службе" [illegible] мастеровых в [illegible] [illegible] в рекрут. [illegible]

1) Полное собрание законов, № [illegible]

формуле наказания „смотря по вине“, вытекает из того, что на основании § 356 изъятыми от телесного наказания могли считаться лишь те мастеровые, которые за их усердие и успехи были внесены в особые списки, объявляемые в присутствии всей команды. Отсюда ясно, что не внесенные в означенные списки т. е. фактически почти все мастеровые могли быть подвергнуты телесному наказанию по распоряжению администрации. На Юрюзанском заводе генерала Сухозанета еще незадолго до отмены крепостного права телесные наказания практиковались очень широко: некоторые „за ничтожные проступки или по наговору конторщика без всякого разбора с его стороны едва не засекались до смерти розгами“; даже сам приказчик, который считался правой рукой заводоуправителя, не избежал этой участи и однажды получил 700 ударов [10].

Особенно тяжела была дисциплина на Алтайских заводах, принадлежавших кабинету его величества. По свидетельству Н. Собкина, пользовавшегося архивными материалами, мастеровые во время работ подчинялись всецело непосредственному горному начальству. Мелкие проступки разбирались горной полицией, а более важные в горной конторе и военном суде. Кроме того, конечно, рабочим доставалось от надзирателей, мастеров, наблюдателей и уставщиков; палка свободно гуляла по спинам мастеровых. Приставы и управляющие сами наказывали редко,—в распоряжении были их зуботычины; чаще всего отсылали для наказания в горную полицию, где виновные получали назначенное количество розог или палок. В инструкциях низшему начальству управляющие приказывали „за работою смотреть и где усмотрят леность, таковых наказывать палкою“,—такова, например, инструкция 1770 г. по Томскому заводу [11]. Наказания по распоряжению конторы представляли нечто среднее между произвольной расправой с рабочими и определениями военного суда. Присутствие заводской или горной конторы состояло или из одного управляющего рудником, или из управляющего и его помощника. Иногда, в последние годы крепостного периода, к ним присоединяли особого члена конторы по счетной части. Голос управляющего имел решающее значение в этом коллегиальном учреждении, ибо он был председателем присутствия, а прочие члены конторы, если они были, зависели от него, как непосредственного начальника. До 1761 г. записей о наказаниях не велось и дело шло без всяких формальностей. С этого же года были заведены книги, в которые заносились протоколы конторы о наказаниях. Вот некоторые выписки из протоколов Томской и Салаирской конторы за время с 1770 по 1802 г. „За сделание для себя в заводской кузнице ножичка“ рабочий наказан три раза плетьми; за леность—батожьем; „за чрезвычайно оставленные при рубке саженника высокие пни“—три раза плетьми; за самовольную выпряжку лошадей—батожьем; за покушение на самоубийство—прутьями, за пьянство—„плетьми“; за побег—4½ месяца работ из под стражи (без праздников и гульной недели) и т. д. При управляющем Салаирским краем Фризе (в сороковых и пятидесятых годах 19 века) 400—500 розог считалось детским наказанием, и однажды он дал 3000 ударов мастеру за то, что тот заступился за рабочего. В 18 столетии управляющие нередко пускали в ход и плети, но потом это было найдено несоответствующим военному устройству и солдатской чести горнозаводского населения.—Репутация других районов не была так мрачна. „Быт мастеровых—говорится в очерке Олонецких заводов [12])—отличается довольством. Неиспорченная нравственность и трезвость преобладающие в них достоинства“. Но кто знает,—может быть, разработка архивного материала и здесь обнаружит те же ужасные картины патриархального быта, какими так богаты летописи Уральской и Алтайской горной промышленности?

---

[10]) Архив 3-го Отделения собств. его велич. канцелярии. „О жестоком обращении с крестьянами Юрюзанского завода генерала Сухозанета“ (4 экспед., дело № 261 за 1858 г.).

[11]) Сибирский Сборник, 1891 г., кн. II.

[12]) Памятная книжка Олонецкой губ, на 1850 г.

Рассмотрим положение дел в тех немногих отраслях, где господствовал если не вполне свободный, то по крайней мере вольнонаемный труд. Сюда относится, прежде всего, Сибирская золотопромышленность, начало развития которой положено было в конце двадцатых годов 19 века. Условия труда здесь определялись контрактами, в которых хозяева на случай нарушения рабочими послушания выговаривали себе право подвергать их штрафам и наказаниям. Так, в договоре Рязанова и Баландина 1833 г. говорится: "буде кто либо из нас с прииском отлучится тайно, или по нерадению, развратному и буйному поведению своему выходить будет ранее назначенного времени или же намывать будет менее определенного количества песков, в таком случае дозволяем г.г. Рязанову и Баландину штрафовать таковых из честей за каждый просроченный час одним уповодом [13]), за уповод — одним днем, а за день — тремя днями". За самовольное прекращение работ ранее срока (1-го октября) хозяевам предоставлялось штрафовать каждого 3 рублями ассигнациями, т. е. почти месячной платой. В договоре Асташева мы читаем: "буде мы во время нахождения нашего в работниках куда-либо отлучаться будем или по лености уклоняться от работ или куражествовать, то находящиеся при нас приказчики могут нас принуждать к оным полицейскими мерами (т. е. телесными наказаниями) или отказывать от работы, чему и подвергаемся мы добровольно и, сверх того, за всякое ослушание законному суждению". За небрежную промывку песков приисковая администрация могла обратить промывальщиков в чернорабочих, получавших низшую плату. По свидетельству некоторых источников телесное наказание действительно нередко практиковалось на частных приисках. Объясняется это тем, что в начале развития золотопромышленности контингент рабочих пополнялся преимущественно из числа ссыльно-переселенцев, которые прошли уже тяжелую школу каторжной дисциплины и поэтому отличались пониженной чувствительностью к наказанию подобного рода.

30 апреля 1838 г. был издан акт, которым частная золотопромышленность в Сибири впервые подвергалась специальному регулированию. На основании его в договор найма должны были включаться, между прочим, следующие условия: обязательство рабочего быть честным, почтительным и самовольно никуда не отлучаться и обязательство нанимателя "обходиться с наемником без обиды, без притеснения, человеколюбиво, не причинять ему самовольно тяжких побоев или каких либо жестокостей, его здоровью вредных". Как видно отсюда, легкие побои считались законом допустимыми. В последующих контрактах они иногда действительно предусматриваются. Хозяину дозволялось разделять рабочих на артели, при чем в каждую из них он назначал от себя старосту, а рабочие — двух выборных. Этой артельной расправе с ведома промышленника или его приказчика предоставлялось право "умеренного домашнего исправления" рабочих, составляющих артель; она могла наказывать по словесному приговору ленивых, нетрезвых, виновных в запрещенной карточной или иной игре, буйных и пытавшихся бежать — наряжением на них работы, удержанием в пользу артели части их платы и розгами, однако, не более ста ударов. Подвергать рабочих телесному наказанию могли еще отдельные заседатели, назначавшиеся из членов земского суда по одному на каждую систему золотых промыслов (в 1844 г. они были переименованы в горных исправников с оставлением при земском суде). Будучи недоволен приговором артели, хозяин мог жаловаться заседателю. Неповиновение хозяину или его приказчику целой артелью наказывалось судом. Рабочие из ссыльных подлежали военному суду за сопротивление властям и серьезные уголовные преступления, но рабочие из крестьян, мещан и разночинцев ведались общими судами [14]). Золотопромышленники в "страшное и темное время сороковых, пятидесятых и шестидесятых годов не знали себе границ в жестокости и деспотизме к рабочим... Встречаются на приисках дряхлые старики, всю жизнь свою пробывшие на приисках,— эти могикане, служащие нам живой ле-

---

13) Время работы в один прием до еды или отдыха.

14) Ср.: Юл. Гессен, Военно-судные комиссии для рабочих на золотых приисках Сибири.

тописью давно минувших дней, вынесшие на своих плечах весь ужас того страшного времени, когда на бортах разрезов лежали вороха приготовленных розог, когда рабочий не мог пикнуть безнаказанно даже в том случае, когда он в изнеможении не мог работать" [15].

Однако, было бы неправильно не видеть существенной разницы в положении свободных рабочих и крепостных. Во-первых, наказание розгами находилось на приисках в руках органа, в котором большинство принадлежало выборным от рабочих; затем наибольшее количество ударов было определено в 100, а затем понижено до 50, каковая цифра сравнительно со многими сотнями, а иногда тысячами ударов на кабинетских и казенных промыслах Алтая и Урала, считалась тогда очень мягким наказанием. Прииски не знали военных судов, которые являлись составной частью государственной промышленности. Поэтому, в общем и целом положение вольнонаемных рабочих в отношении мер субординации и дисциплинарной ответственности нужно признать более благоприятным. И так как с течением времени процент ссыльно-поселенцев сокращался за счет увеличения других, более свободных элементов, то это должно было только содействовать дальнейшему оздоровлению нравов промысловой жизни. По отношению к мещанам, нанимавшимся на прииски, сенат разъяснял в половине пятидесятых годов, что они не могут быть подвергаемы за проступки телесному наказанию наравне с крестьянами и ссыльно-поселенцами по приговору артельной расправы, а должны быть наказываемы другими мерами, именно удержанием у них части заработной платы в пользу артели.

В фабрично-заводской промышленности было обстоятельство, несомненно игравшее роль в вопросе о дисциплине. Это — преобладание частных предприятий над казенными и значительное распространение вольнонаемного труда; в горном деле казенные или кабинетские предприятия сосредоточивали преобладающую, а частные — только небольшую долю рабочих рук; здесь же отношение было обратное.

О влиянии формы предприятия на положение труда в изучаемый период в литературе высказывались два взгляда: одни отдавали предпочтение в смысле большего содействия благосостоянию населения казенным, другие же — частным промыслам. Как писал один из чиновников горного департамента Н. Чупин, частные заводы "едва ли не в большей части значительно уступают положению казенных мастеровых. Случаи неповиновения и волнений между рабочими, вызванных недостаточностью платы, невыдачей ее во время, тягостью работ нередко бывали на частных заводах, между тем как на казенных они почти беспримерны. В последнее тридцатилетие многократно случалось, что рабочие частных заводов требовали назначения им тех же заработных плат и тех же уроков, как на казенных заводах. Эти последние служили как бы образцом для частных". С этим мнением можно в общем согласиться, но едва ли было бы правильным распространять его на все отношения без изъяна. В области рабочего дня и заработной платы казна была хозяином, сравнительно более мягким, чем частный предприниматель. Но в отношении поддержания порядка дело обстояло иначе. На кабинетских и казенных промыслах рабочие составляли команды, подчинялись воинской дисциплине, подлежали особым военным судам. На частных фабриках и заводах не было команд и военных судов; ослушание владельцу или приказчикам не рассматривалось, как бунт против государственной власти, и потому нравы были здесь несколько помягче. Основанием дисциплинарной власти частных предпринимателей нужно считать, по-видимому, указ 7 января 1736 г., которым все мастеровые, обученные какому нибудь мастерству и находившиеся со времени издания указа на фабриках, прикреплялись "вечно"

---

[15] Семевский, Рабочие на сибирских золотых промыслах. Т. 1. (1898 г.) стр. 233.

своим настоящим владельцам. "А буде кто из вышеозначенных же определенных ныне на фабрики явятся невоздержные и ни к какому учению не прилежные, тех самим фабрикантам по довольном домашнем наказании объявлять в Коммерц-Коллегию или в Контору, откуда по свидетельству фабрикантскому и мастеров за таких их непотребных житие ссылать в ссылки в дальние города или на Камчатку в работу, чтобы другим был страх; а ежели в ссорах или драках или пьяные где взяты будут, а в воровстве никаком не пойманы и к тяжкому розыску не подлежат, тех не держать нигде ни одного дня и не убавляя отсылать на фабрики и объявлять фабрикантам дабы чинить им наказание при других их братьях" 16).

Более детальную разработку вопрос о взысканиях с рабочих мы находим в Регламенте для суконных и каразейных фабрик 1741 г. За опоздание на работу в первый раз рабочий получит выговор, во второй раз — вычету за один час по расчету недельной платы, в третий — вдвое более. Если рабочий совсем не явится, то в первый раз следует вычесть плату за прогульные дни, а в третий раз — вдвое и кроме того бить батогами.

Что касается кары за непослушание и грубость, то первоначально имелось в виду наказывать в первый раз — батогами, при повторении — батожьем с вычетом платы за три месяца, в третий раз — ссылкой на один год в каторжную работу, а за нанесение побоев фабриканту — бить кнутом и сослать в каторжную работу на несколько лет или вечно. Но в окончательной резолюции наказание было уменьшено: "смотря по вине наказывать телесным наказанием или сбавкой заработных денег по тех мест, пока исправясь в прежнее послушание придти могут; а кнутом не бить и на каторгу отнюдь не посылать, для того что могут художество свое забыть и в крайнюю жалость и в непотребство придти, да и другим через то охоты не будет и легкая причина к побегу начнется. А ежели кто начальников своих дерзнет рукою, то при всех фабричниках наказать жестоко кошками и колодка кормить одним хлебом с водой, а на каторгу не посылать" 17). Как видно отсюда, законодатель стремился в некоторой степени, в интересах развития промышленности и поощрения рабочих к "художеству", сдерживать предпринимателей в злоупотреблении дисциплинарной властью.

После издания указа 1760 г., позволившего помещикам отправлять своих людей на поселение в Сибирь с зачетом в рекруты, фабриканты также стали добиваться этого права, и оно им было дано в 1763 г., при чем, однако, каждый раз требовался указ мануфактур-коллегии. В сущности ничего нового тут не было, так как уже по указу 1736 г. им предоставлялось с разрешения высших правительственных учреждений ссылать нежелательные элементы на Камчатку или в дальние города. Так, в 1739 г. 15 мастеровых с суконной фабрики Полуярославцева за пьянство и игру в кости и карты были сосланы по приказу Сената в Сибирь; в 1743 г. мануфактур-коллегия, по просьбе содержателя Казанской суконной фабрики Дряблова, приказала 51 человека скробольщиков, прядильщиков и ткачей "от фабрики отрешить" и годных определить в солдаты, а негодных — в местные казенные службы. В дальнейшем власть над крепостными людьми была усилена указом 17 января 1765 г., согласно которому помещики могли ссылать крепостных в каторжные работы на любое время 18); это дало возможность фабрикантам из дворян, но не фабрикантам, принадлежащим к другим сословиям, подвергать такой же каре своих рабочих. Нужно отметить еще следующую разницу в положении этих двух категорий владельческого класса: указом 22 авг. 1767 г. крепостным было строжайше запрещено приносить жалобы на своих помещиков; между тем фабриканты и заводчики до самого падения крепостного права от этого не были гарантированы.

По регламенту 1723 г. мануфактур-коллегии все фабриканты и фабричные зависели судом и расправою от коллегии, исключая государственных и уголовных

16) Полное собрание законов, № 6858.
17) Полное собрание законов, № 8440.
18) Полное собрание законов, № 12311.

ей. Получая жалобы, она или разбирала их сама, или обращала в губернские места для определения по законам. Однако, последние не содержали точного и определенного ответа на вопрос о том, как поступать с фабрикантами, обвиняемыми в притеснениях мастеровых или в неправильном употреблении их на нефабричные и домашние работы. В 1803 г., по случаю поступившей в коллегию просьбы от фабричного Недошевова, что содержатель шелковой фабрики Дулинкин, неправильно приписывая его с братьями в крепость, делает им разные притеснения и употребляет его и других фабричных не в фабричные дела, а в работы, на савсе не свойственные,—был установлен порядок отобрания их с женами и детьми в казну с уплатой хозяевам денег или безденежно в зависимости от условий, на которых они были прикреплены к фабрике [19]). По делу о возмущении мастеровых Кыштымского и Каслинского заводов, вызванными между прочим и жестокими телесными наказаниями, получаемыми от приказчиков заводовладельца Расторгуева, министр внутр. дел, В. Кочубей писал в 1822 г., что нужно произвести по этому делу самое точное исследование, чтобы виновные в этом были подвергнуты суду и наказанию по всей строгости законов [20]). Однако должно сказать, государственная власть не отличалась последовательностью и устойчивостью. Придя, в либеральную эпоху Александра I, к идеям было проводить в официальных документах гуманную точку зрения, то в то время палка и плеть применялись довольно широко. Купцу Расторгуеву жалоба мастеровых обошлась очень дорого—заводы его были отобраны в казну; но причиной этого было, повидимому, то, что волнение рабочих приняло слишком крупные размеры, а не жестокое обращение с ними. Хотя Сенату за год перед тем пришлось разбирать донос майора Дымана на жестокое обращение управляющего Шлиссельбургской ситцевой фабрикой Дитре и городничего Ранинга, то, хотя в этом деле оказалось двое человек умерших после наказания, все же приговор не был строг: управляющего Дитре постановлено, в случае возвращения из-за границы, не допускать к управлению людьми, а городничего—от суда и следствия освободить. Интересно отметить, что в некоторых случаях фабриканты сами отказывались, чтобы не обострять отношений с рабочими, от предоставленного им права подвергать мастеровых на месте домашнему наказанию, отсылая их для этого в полицию. Так, напр., на посессионной фабрике Осокина в Казани первоначально мастеровые наказывались при фабрике, согласно предоставленной указом 1736 г. владельцу власти, но "впоследствии, когда самое ничтожное наказание по духу неповиновения мастеровых подавало повод к ябедам, власти вынуждены были отсылать их для наказания в городскую полицию" [21]). Этот порядок был санкционирован и Положением, составленным в 1834 г. для фабрики Осокина: "за самовольную неявку к работе на фабрику в третий раз или более сверх назначенного денежного штрафа подвергать виновного полицейскому наказанию, а от праздности, буйства, неповиновения, пьянства и других пороков отвращать мастеровых убеждением, а в случае нужды—полицейскими мерами исправления". Только в 1837 г. в виду неповиновения Осокинских рабочих, признано было необходимым в целях поднятия престижа фабриканта предоставить ему право наказывать мастеровых, на основании указа 1736 г., за маловажные проступки в своем присутствии или через управляющего в одной из палат фабрики во-время производства работ с занесением в штрафную книгу, и только в случаях особой важности—испрашивать содействия полиции.

Уже к началу 19 века вольнонаемный труд составлял около половины общего числа фабрично-заводских рабочих, и в дальнейшем этот процент все более и более повышался. Положение же вольнонаемных конечно было более благоприятным для отстаивания своих прав и интересов, чем тех, которые работали в силу обязательной повинности. Права подвергать их телесному наказанию хозяин не имел. "Поло-

[19]) Полное собрание законов, №№ 20826, 20852.
[20]) Архив департ. полиции, дело за 1822 г.
[21]) Архив департ. полиции, дело № 32 за 1822 г.
[22]) Архив 3-го Отделения с. его велич. канцелярии, 4 экспед., № 125, за 1835 г.

жение об отношениях между хозяевами фабричных заведений и рабочими людьми, поступающими на оные по найму", изданное 24 мая 1835 г. и являющееся первым законодательным актом для вольнонаемных рабочих, ничего не говорит по данному вопросу. Но в докладной записке московского генерал-губернатора Закревского от 1848 г. отмечается, что "хозяева, не имея власти воздерживать своих рабочих от пьянства и мотовства, ограничиваются одним вычетом прогульных дней и обращаются в полицию с жалобами только в случае оказанных им обид или учиненных преступлений".

К. Пажитнов.

Описание архивных материалов, извлечения из документов, заметки.

Рабочие волнения в царствование Александра I[1].

(По данным Архива департамента полиции министерства внутренних дел).

Рабочие волнения первой четверти 19-го века изучены еще очень мало. Туган-Барановский в своей книге "Русская фабрика в прошлом и настоящем" использовал материалы архива департамента торговли и мануфактур, относящиеся к данному вопросу; но эти материалы далеко не исчерпывают вопроса, ибо касаются исключительно так называемых посессионных фабрик. Кроме того в архивах других ведомств имеется много новых данных. Настоящая статья составлена по материалам, сохранившимся в архиве департамента полиции исполнительной, в котором сосредоточивалось наблюдение за общим спокойствием в империи.

В 1806 г. происходили беспорядки на суконной фабрике Осокина в Казани. Рабочие этой фабрики еще в 1796 г. подавали ревизовавшему Казанскую губернию сенатору Маврину жалобу на низкую заработную плату, и эта жалоба была признана им основательной. Но и после этого они продолжали жаловаться, как на недостаточность платы, так и на жестокость владельца.

Указами сената от 11 июня и 30 июля 1806 г. казанскому губернатору было предписано: 1) внушить мастеровым людям, что они, быв приписаны к фабрике, должны находиться в полном послушании у содержателя; 2) если по исследовании окажется, что определенные им уроки не превышают сил человеческих, то понуждать фабричных к точному оных выполнению; 3) за самовольное от работ уклонение, пьянство и другие своевольства фабричных, яко в проступках более к домашнему, нежели к судебному разбирательству относящихся, предоставить фабриканту поступать на основании указа 1736 г.; 4) мастеровым, действительно от фабриканта притесняемым, не заграждается путь по силе законов приносить на то жалобу[2].

В марте 1810 г. обнаружены были волнения на Авзянопетровских железных заводах, расположенных в Стерлитамакском уезде Оренбургской губернии и принадлежавших коммерции советнику Губину[3]. Начались они среди рекрутов, командированных в количестве 150 человек для производства непременных работ и учинивших "ослушание в отправлении работ". Хотя после внушения со стороны земского исправника некоторые из них принялись было за работы, но в конце концов огромное большинство, "будучи поощряемы к ослушанию начальником их

---

1) Ср. Волнения среди фабрично-заводских рабочих с 1824 г. по 1860 г. (Архив истории труда в России кн. I и II).

2) Дело № 24 за 1820 г. — О неповиновении и буйстве мастеровых Казанской суконной фабрики Осокина.

3) Дело № 29 за 1810 г. — О непослушании работников Авзянопетровских заводов

сотником Воробьевым, совершенно от повиновения отложились". Причины волнения заключались в следующем. Поступив в рекруты в декабре 1809 г. по Пермской губернии большей частью из заводских и приписных казенных крестьян, они предполагали, что будут употреблены на военную службу; когда же по определению горного начальства были отправлены на заводы и отделы в заводские распоряжение, то "прежде дарованное свободное время в праздности по довольном между собою толковании вытребовали и домогаются объявления им положения правительства, на каком они должны быть при заводах: какие отправлять работы, в каком числе, с какого числа и производится ли и жалованье им". Об этом они [illegible] при заводской конторе, но не получили в том удовлетворения и "поставили [illegible] [illegible] [illegible] быть что [illegible] еще [illegible] праздностью". Кроме требования об объявлении им положения, рекруты настаивали еще на выдаче им из заводского магазина провианта по 2 пуда на одинокого и по $2\frac{1}{2}$ пуда на женатого, без вычета всего, а также [illegible] и [illegible]. Заводская же контора, не имея ни предписания от горного начальства, ни разрешения со стороны властей, удовлетворить их не могла. В уклонении от работ принимали участие 114 человек во главе с сотником Воробьевым, но после внушений и разъяснений со стороны исправника все они стали на работу. Так как в этом деле обнаружена была и нераспорядительность заводской конторы в отношении продовольствия и жалованья, то оно не имело дальнейших последствий, и воинской команде, предназначенной для усмирения, приказано было вернуться на место расквартирования, так как по словам пермского губернатора "из сего происшествия ничего важного быть не может".

15 февраля 1812 г. администрацией Пермской губернии было получено донесение Бадчиковского волостного правления о неповиновении крестьян, приписанных к Верхне-Исетским заводам корнета Яковлева при раскладке на них работ и рубки дров и возки угля. Для увещания крестьян на место происшествия выехал земский суд, который прочитал им соответствующие распоряжения правительства, выписанные из указа 1807 г. о непременных работниках. Но крестьяне, в количестве около 550 человек, отозвались, что отправлять работу, положенную на них в текущем году, они не согласны, потому что считают Верхне-Исетские заводы уже удовлетворенными непременными работниками; сверх того они подозревали владельца в намерении обратить их в своих крепостных. Увещания суда и ссылки его на то, что заводы Яковлева в действительности еще не укомплектованы непременными работниками в полной мере, так как последних не хватило для казенных заводов, не имели успеха, и крестьяне "остались непреклонными", при чем не дали земскому суду допросить тех 12 лиц, в которых он усматривал зачинщиков. Губернатор командировал на заводы Екатеринбургского уездного судью Смолякова с поручением действовать мерами кротости и благоразумия, не прибегая к насильственным мерам. Между тем вскоре обнаружилось, что подобное же неповиновение стало проявляться крестьянами и в других местах — в Брусяновской волости Екатеринбургского уезда, на заводах Николая Демидова, расположенных в Покровской волости Ирбитского уезда. Сверх того в Камышловском уезде к крестьянам вышеупомянутой Бадчиковской волости присоединилось еще девять других волостей, приписанных, как к заводам Яковлева, так и к казенным Гороблагодатским заводам.

Главную причину "возродившегося между крестьянами духа непокорливости составляет — по мнению губернатора — их заблуждение и неправильное между ними разглашение со стороны некоторых из среды самих крестьян невежд, называющих себя их поверенными", различных актов, относящихся к вопросу о так называемых непременных работниках. Означенные поверенные, разъезжая из волости в волость, распространяли среди крестьян копии высочайше утвержденного доклада от 23 июня 1803 г., который содержал в себе только предварительные правила об

укомплектовании заводов непременными работниками и об освобождении приписных крестьян от заводских работ. Сверх того поводом к волнению служило также прошение, представленное Яковлевым министру финансов, о даче ему непременных работников целыми селениями в близком расстоянии от заводов, а не из рекрут, откуда крестьяне выводили заключение о намерении Яковлева удержать их при заводах навсегда. Один из поверенных, пользуясь слабостью ума некоторых крестьян, уверил их, что на имя его прислан в Шадринск высочайший указ *с золотой строкой*, которым все приписные крестьяне от заводских работ освобождены, а если кто из них будет работать, то вечно останется при заводах. Следствием сего уверения было то, что он выманил у них себе 25 рублей, а крестьяне, бывшие до сего согласны идти в заводскую работу, совершенно от оной отреклись".

В Троицкой волости Камышловского уезда чиновнику земской полиции удалось было привести крестьян к повиновению и убедить отправиться на работы. Но перед самым выходом из селения приехавшие туда двое поверенных объявили им, что едут из г. Перми от Горного правления "с тем, чтобы все приписные к Верхне-исетским заводам крестьяне, хотя и вызываемы будут, ни под каким видом в работы не ходили, потому что будто бы они от оных освобождены"; вследствие этого крестьяне раздумали идти на работу. В Тамакульской волости того же уезда заседатель земского суда, в виду безуспешности своих переговоров с крестьянами, решил пригласить местного священника для лучшего внушения. Но последний "пришел в волостное правление пьяный, сказал крестьянам, в большом количестве на сходе бывшим, что заседатель их обманывает, чем и произвел величайшее между ними буйство, так что после этого все делаемые заседателем внушения остались тщетными". В Ильинской и Покровской волостях (Камышловск. и Ирбитск. уездов) "расстраивали крестьян к неповиновению сами волостные их начальники".

Для приведения ослушников в повиновение губернатором была предоставлена в распоряжение [illegible] воинская команда в 40 человек, а затем по мере распространения волнения еще пять команд из 150 нижних чинов при одном штаб-офицере и трех обер-офицерах. Сверх того Пермским берг-инспектором было предписано заводским начальникам отрядить команды, находящиеся при заводах. Зачинщики из крестьян и поверенных и замеченные в подстрекательстве волостные начальники были взяты под стражу и преданы суду, о священнике же сообщено в духовную консисторию.

Размеры волнения, охватившего 3 округа с 12 волостями, в коих значилось до 20.000 душ приписных крестьян, обратили на себя внимание высшей администрации. Министром финансов был представлен в комитет министров доклад, в котором предлагалось предписать пермскому губернатору принять законо-мерные меры к скорейшему прекращению [illegible] в ослушании, зачинщиков и возмутителей предать немедленному суду [illegible] строгости [illegible] крестьян понудить к выполнению [illegible] ним положением 15 марта 1807 г. заводской работы "всей силою [illegible]" Комитету министров с своей стороны [illegible] [illegible] Высочайшего [illegible] [illegible] [illegible] [illegible] [illegible] [illegible] [illegible] отправились"[1]).

[1]) Дело № 158 за 1810 г. «О ослушании крестьян, [illegible] к Верх-Исетским горным заводам».

16 апреля 1815 г. от командированного в Тамбовскую губернию чиновника Случановского поступило сообщение, что при осмотре суконной фабрики купца Туликова "нашел он в фабричных его дух своевольства и расположения к буйствам и прихотливым затеям, не взирая на то, что они довольствуются всеми возможными по состоянию и способам фабриканта выгодами", и такому сообщению была приложена жалоба Туликова на грубости фабричных [5]. Для расследования дела был отправлен земский исправник, который потребовал от фабричных подписки в том, что они будут впредь в полном повиновении у владельца фабрики; но они все от этого отказались. Вскоре, однако, мастеровые явились к губернатору и после внушения с его стороны согласились дать требуемую подписку. Туликов, с своей стороны, заявил, что он согласен простить их, "яко совращенных мастеровыми Константиновым и Васильевым, всегда чинившими ему великие грубости", но с последними двумя, как зачинщиками, просил поступить по законам — "в страх другим". Распоряжением губернатора это ходатайство было удовлетворено, и означенные мастеровые отданы под суд.

29 июня 1815 г. тамбовский земский исправник донес губернатору, что мастеровые содержателя фабрики Малина за оказанное ими ему неповиновение, согласно решению палаты уголовного суда, наказаны, но подписки о прекращении впредь ослушания не дали. В чем и когда выразилось это неповиновение, из дела [6]) не видно. Получив это сообщение, губернатор отправился на место происшествия и от самих мастеровых дознал, что упорство их в отказе дать подписку происходит главным образом потому, что они считают себя принадлежащими казне, а не Малину, и потому быть в полном повиновении у последнего по их мнению не должны. Двое из мастеровых, признанные зачинщиками ослушания, были отделены от прочих и отданы под полицейский надзор; остальные же прочие повинуясь дали требуемую подписку и приступили к работам, исправляя их, по свидетельству самого Малина, "с особенным старанием".

В начале 1816 г. в министерство внутр. дел поступили сведения о неповиновении мастеровых на стекольном заводе Баташова в Петербургской губернии. Баташов писал, что в течение шести лет живущие на выстроенном им заводе при деревне Покровке Царскосельского уезда крепостные его заводские люди многократно оказывали приказчикам его неповиновение, делали им ругательства, грубости и обиды, пьянствовали и уходили с завода на вольные работы, называя себя вольными людьми; 6-го же марта мастера и рабочие этого завода, собравшись в количестве более тридцати человек, сделали между собою присягу, чтобы друг друга не выдавать, и несмотря на то что бросили заведение работы, потушили печи и самовольно свезли все угли с завода, нанеся большие убытки. Мастеровые с своей стороны, объяснили, что они получают чрезвычайно скудное содержание, почему принуждены посылать своих сестер просить милостыню. О бедственном своем состоянии они сообщали в 1814 г. губернскому предводителю дворянства, а затем своему священнику, но никакого удовлетворения не получали.

Дело было передано в Земский суд, но чем оно кончилось — из материалов не видно [7]).

В сентябре 1816 г. к министру внутр. дел поступило прошение фабриканта Козлова, в котором он сообщает, что мастеровые и крестьяне, состоящие при его

[5]) Дело № 111 за 1815 г. — Об ослушании мастеровых суконной фабрики Туликова.

[6]) Дело № 121 за 1815 г. — О неповиновении мастеровых Тамбовск. губ. фабрики купца Малина.

[7]) Дело № 147 за 1816 г. — О неповиновении мастеровых стекольного завода корнета Баташова.

суконной и каразейной фабрике в Егорьевском уезде Рязанской губернии, с 1811 года чинят разные буйства и неповиновения, а в работе сукон и каразеи крайнее нерадение; ... многие по буйству, а прочие под видом болезней на фабричную работу не ходят, чрез что и накопили на фабрике недоимки сукна более 25000, а каразеи до 7000 аршин. К тому же многие семейства к разорению своему быв в буйстве самовольно переделились и самовластно заповедный при фабрике лес на продажу в большом количестве вырубили, купоросный завод весь разграбили и находящуюся при оном стеклянную и глиняную посуду перебили, словом все делают так, как бы никакого над собою начальства не имели, мне же почитают себя совсем не принадлежащими и приказаниями моими даже пренебрегают и ни в чем не повинуются в чаянии быть вскоре по уверениям за г. Колтовскою", которая вела с ним тяжбу. Далее в прошении отмечается, что, несмотря на сделанные им различным властям заявления, порядок на фабрике не восстановлен, —фабричные люди с марта сего года выделанные сукна и каразею для валянья на мельницу ни за какие деньги не везут и за нужным для фабрики материалом не едут; а которые хотя бы и желали ехать, тем бунтующие воспрещают. Посторонние же не наймутся, опасаясь бунтующих фабричных, которые навели на всех соседей страх поведением своим". 16 августа бурмистр, который уговаривал разделившиеся семейства соединиться попрежнему, а бунтующих склонял к повиновению, по дороге с фабрики домой был убит выстрелом из ружья. Управляющий же фабрикой, видя означенные деяния, опасается даже выходить из конторы и просит об увольнении. Другого же найти невозможно, так как "слыша делаемые фабричными буйства и неповиновения, никто ни за какие деньги не соглашается взять на себя заведование". В заключение Козлов выразил опасение, как бы фабричные "по буйству своему не учинили и фабрике моей пожега такого же, как учинили в 1797 году у предместника моего" и просил прислать вооруженную команду: в противном случае ему де придется, может быть, подумать о прекращении производства, так как нельзя найти никого, кто бы согласился быть управляющим. По подозрению в убийстве было арестовано пять человек мастеровых; но каков был окончательный результат расследования —из дела не видно [1]).

В 1820 г. обнаружилось волнение среди мастеровых на Березовских золотых промыслах, которое произвело большое впечатление на администрацию и имело немаловажные последствия. Означенные мастеровые в количестве около 3000 человек при наряде их на горные и промывальные работы в среду на Пасху "сделали возмущение и ослушание". Принятые берг-инспектором меры увещевания не имели успеха, и несмотря на то, что более 20 главных возмутителей были преданы военному суду, остальные продолжали пребывать "непреклонными в своем буйстве, объявляя с дерзостью, что в праздничные дни они повиноваться не будут, не взирая ни на какие принуждения". Получив донесение об этом, пермский губернатор на основании циркуляра министра внутр. дел от 10 августа 1819 г., в котором говорилось между прочим: "Неповиновения не должны быть терпимы, какой бы ни был источник оных: они должны быть немедленно пресекаемы, буде можно мерами кроткими, а в необходимости и мерами вооруженного понуждения", распорядился об отправке на место происшествия вооруженной команды. Обстоятельства дела заключались в следующем:

Администрация Березовского завода нарядила мастеровых на работу в среду на Пасху, руководствуясь заводским положением и указами 13 апреля и 14 мая 1799 г., которыми разрешалось употреблять мастеровых при домовых печах, водоотливных работах и промывке золота также в праздничные дни за двойную плату. В предшествующие годы мастеровые беспрекословно подчинялись этим пра-

[1]) Дело № 129 за 1816 г.—О неповиновении крестьян, находящихся при суконной фабрике Московского купца Козлова.

вилем; но в текущем году отказались стать на работу и не вышли даже на перекличку. Увещания местного начальства остались безуспешными, ибо мастеровые "решительно отозвались, что указа 1759 г. не признают указом: поелику оный без подписи Императорской руки".

По прибытии воинской команды волнение прекратилось, и мастеровые были "приведены в прежний порядок и послушание своему начальству одними кроткими мерами, без употребления оружия". Оказавшие более прочих упорство и сопротивление понесли наказание по мере их вины, а зачинщики преданы военному суду [1].

Но еще прежде чем закончено было следствие, состоялось высочайшее повеление о командировании особого чиновника, которому поручалось узнать возможно подробнее истинную причину волнения: не были ли мастеровые вынуждены к нему злоупотреблениями со стороны начальства или подучены кем-нибудь из посторонних. Между тем один из преданных суду некто Дюрягин при пересылке на завод бежал и подал прошение на высочайшее имя, содержащее целый ряд жалоб, после чего добровольно явился к губернатору. Результатом этого прошения было назначение особой комиссии в составе трех чиновников от министерства внутренних дел, юстиции и финансов для всестороннего расследования дела. Министр финансов, в ведении которого находились горные заводы, противился назначению комиссии, считая что этим только усиливается дух беспокойства среди мастеровых, "готовый обнаружиться и распространиться при всяком удобном к тому случае". "Не один Березовский промысел,—заявил министр,—но все казенные и частные заводы действуют людьми сего рода. Число их простирается до 161 тыс. При назначении на первых особенной комиссии, не откроется ли ими случай обратиться в оную с новыми жалобами и неудовольствиями? Подстрекания злонамеренных людей, обыкновенные в таких обстоятельствах, не возбудят ли и тех, которые не оказывали никогда знаков неповиновения, к ропоту и даже самому возмущению. Сие тем легче, что на Березовских промыслах оное только едва прекратилось: на заводах наследников Турчанинова, приведенных в расстройство раздорами владельцев, мастеровые неудовлетворяются и тем самым содержанием, какое определено по закону; а на заводах Демидова и без того начинается уже волнение, удерживаемое [illegible] одною бдительностью горного начальства. Сколь бедственно было бы такое событие, когда [illegible] увидело бы беспокойные движения по всему Уральскому хребту? Тогда [illegible] решительные и сильные способы едва ли могут быть достаточны к восстановлению порядка [illegible] большом пространстве и между [illegible] многочисленностью таких людей, которые [illegible] свергнув с себя обязанность повиновения, на все готовы решиться". Однако, это представление не имело успеха. Комиссия была назначена, посетила Березовский и ряд других заводов и представила обширный доклад.

В отношении обстоятельств дела, [illegible] причин волнения и виновности Дюрягина, заключение комиссии [illegible]. Начальство Березовских промыслов [illegible] мастеровых [illegible] работу [illegible]. Первая смена рабочих [illegible] определенные часы на работе. Другая же [illegible] работы на [illegible] начиналась по [illegible], а [illegible]. На другой день, т. е. [illegible] апреля [illegible] Екатеринбургских заводов [illegible] старался убеждениями [illegible] мастеровых [illegible] мастеровых [illegible] работать [illegible] Березовских [illegible] в своем докладе [illegible] все [illegible], список [illegible] мастеровых, которые [illegible] [illegible] [illegible] [illegible]

[1] Дело № 550 за 1829 г.—О [illegible] золото[illegible] [illegible] завода. Ч. I–II.

работам, как то: к разным поделкам, поставке сена, вырубке и перевозке дров по подрядам, теми же чиновниками на себя принятым; 3) что они не имеют достаточного количества сенокосов, между тем, как для заводских чиновников отводятся оные в излишестве, и сено поставляется ими в казну; 4) что не всех их увольняют на страдное летнее время, и 5) что они принуждены ходить или ездить за получением провианта в отдаленные от их жительства селения с потерею времени и издержками. По существу сих жалоб горным начальством произведены через особых чиновников расследования и дело о них поступило в пермский военный суд.

С своей же стороны комиссия сочла необходимым сделать следующие замечания: 1) просьба мастеровых об избавлении их от работы в воскресные и праздничные дни может быть удовлетворена без всякого неудобства, ибо на Березовских промыслах нет никакого доменного производства, требующего непрерывного действия, а одна только отливка воды из рудников. Но так как для этой цели устроены машины, действующие парами или лошадьми, то весьма мало требуется людей для непрерывного течения работ. Таковое заключение подкрепляется представлением самого берг-инспектора, который в 1824 г. испрашивал у горного сов—та разрешения не употреблять березовских мастеровых в праздничные дни на работу; но позволения на это дано не было по той причине, что оно могло быть истолковано, как исполнение настояния мастеровых и подать повод к дальнейшим их требованиям; 2) жалобы мастеровых на употребление их разными чиновниками для частных своих нужд подтверждаются ими, причем сделаны показания на рудничных и промывальных смотрителей Згибнева, Меньшинина, Германа и Граля и шихтмейстера Обезьянинова. Но названные чиновники отрицают это показание, и от военного суда уже зависит обвинение или оправдание их. 3) распоряжение, на основании которого мастеровым приходилось ездить для получения провианта в отдаленные от жительства магазины, отменено уже в 1818 г. по предписанию министра финансов, который велел убытки, понесенные по сему случаю мастеровыми, взыскать с виновных в сем распоряжении. Бывший горный начальник Екатеринбургских заводов в оправдание свое представлял, что перевозка из тех магазинов хлеба на Березовский завод стоила бы казне значительных издержек, что он полагал мастеровым достаточную плату и что этим распоряжением сбережено в пользу казны до 13 тысяч рублей. Но таковая экономия, [illegible]

В качестве мер, ведущих к этой цели, комиссия предложила: 1) К получаемому ныне мастеровыми и рабочими людьми, также непременными работниками жалованию прибавить по 2 рубля в месяц так, что низший оклад мастерового будет составлять в год 36 рублей, а непременного работника 44 рубля. Сообразно сему увеличить и задельную плату с тем, чтобы она назначаема была не менее окладного жалованья. 2) Провиант, как им, так и семействам, выдавать беспременно и без всякого вычета в том количестве, какое определено указом 1? мая 1799 г., непременным же работникам, коим положено работать в год 240 дней, выдавать провиант за то только время, которое они работать будут. 3) Детям мастеровых и непременных работников и детям их женского пола, которым по Горному положению провианта не дается, а велено определять пенсионы соразмерно жалованью и службе мужей их или отцов, производить провиант до того времени пока пенсион не будет назначен. 4) Предоставить Горному правлению по-прежнему назначать пенсионы выслужившим беспорочно узаконенные годы заводским людям, кроме классных чиновников, также вдовам и сиротам женского пола, не испрашивая разрешения Горного департамента. Для этой цели возвратить в распоряжение Правления сумму, назначенную по утвержденному 13 июля 1806 г. докладу, которым для всех казенных заводов положено было в год по 59 тыс. руб. 5) Остатки от этой суммы обращать на богадельни, в содержании коих Горное начальство по ограниченности определенных для сего способов весьма затрудняется. Впрочем предоставить на волю тем, кои имеют право на призрение их в богадельнях, оставаться и в кругу своих родственников, получая деньгами назначенное им содержание. 6) По существующим ныне положениям все мастеровые и рабочие люди обязаны работать круглый год, а непременные работники 240 дней в году. Оставляя сей распорядок, как необходимо нужный для заводского производства, принять общим и непременным правилом, чтобы в воскресные и праздничные дни, в табели означенные, равно как и в храмовые праздники, все мастеровые и непременные работники от казенных работ были свободны, кроме людей, занимающихся при таких горных и заводских производствах, которые не терпят остановки, коим производить за сие двойное жалованье. 7) Мастеровых и рабочих людей в страдное летнее время увольнять всех без изъятия для поставки потребного для скота их сена по заводам Екатеринбургским, Гороблагодатским, Пермским и Камским на 30, а по Богословским на 3? дней без вычета провианта. 8) Женам и дочерям мастеровых и непременных работников, от мужей или отцов их с позволения местного начальства отпускаемым в поденные работы вне завода, провиант производить без вычета за сию отлучку, ибо [illegible] что они трудами своими [illegible] служат к улучшению домашнего их быта. 9) Поступившим по набору на заводы людям, коим не [illegible] по Положению 1807 г. 18 руб. 6? коп. [illegible]

[illegible]

[illegible]

на практике, ибо введение [illegible] потребовало бы увеличения числа рабочих и, следовательно, повышения цены заводских изделий. [illegible] соображения столь [illegible] состояние мастеровых уральского района. [illegible] обойтись и без увеличения рабочих рук, [illegible] г.

2) [illegible] урочных работ. [illegible] для мастеровых [illegible] [illegible] работ на заводах. [illegible]

3) Привлечение женщин к [illegible] работам на заводах.

[illegible] работать и выручать за свою работу [illegible] к улучшению их состояния".

Соображения [illegible] горно-заводского населения.

М. Пажитнов

(Окончание следует)

К закрытию Нижнеисетского завода[1]).

Когда министерство земледелия и государственных имуществ, предположив прекратить с 1 мая 1905 г. действие казенного Нижнеисетского железоделательного завода[2]) в виду убыточности его, заблаговременно объявило об этом рабочим, они обратились со всеподданнейшим прошением о продлении действий завода, впредь до обеспечения их земельными наделами. При этом они объяснили, что завод дает средства к жизни около 400 семействам рабочих и других местных жителей, участвующих в работах, не имеющих земельных наделов для занятия хлебопашеством; заявляемая убыточность могла бы быть устранена, между прочим, расширением доменного производства, чему благоприятствует нахождение в казенной даче обильных залежей железных руд, поступающих в продажу другим заводам. Рассмотрение вопроса о возможности дальнейшего действия завода было поручено Особому Совещанию под председательством министра финансов при участии министров земледелия и государственных имуществ, внутренних дел и государственного контролера, которое высказало следующие соображения.

Финансовые результаты деятельности завода, вырабатывающего ежегодно от 150 до 200 тысяч пудов сортового железа из чугуна, получаемого с Каменского казенного завода, [illegible] совершенно неудовлетворительными. Уже более 30 лет назад он был включен в число заводов, подлежащих продаже в частные руки, что, однако, не могло осуществиться ввиду практических затруднений при отчуждении такого рода имуществ. Между тем за последние два года [illegible] в финансовом отношении ухудшилось до крайности. На действие завода было израсходовано в 1903 году — 370 тысяч руб. и в 1904 году — 267 тысяч руб., доходы же составляли в 1903 г. всего 107 тысяч руб. а в 1904 г. 130 тысяч руб. Если сопоставить эти убытки в 263 и 137 тысяч рублей с заработком местного населения [illegible] всего суммой в 90,000 руб. в год, то окажется, что [illegible] завода, [illegible] заработка населения, даже в том случае, если [illegible] 25,000 руб. в год [illegible] 18 [illegible]

1) [illegible] государственного [illegible]. Канцелярия комитета министров по [illegible] министров, 1905 г., дело № 90.

2) В 12 верстах к ю.-з. от г. Екатеринбурга. Завод основан в 1789 г. с назначением выполнять потребности Екатеринбургского [illegible] двора и Б[illegible] [illegible]; кроме того, завод выполнял [illegible] для [illegible]. Завод, как техническое [illegible], был невелик; вся стоимость [illegible] зданий и сооружений по [illegible] 1899 году определялась в сумме 195,037 руб., [illegible] новых сооружений прибавилось на [illegible] тыс. руб.; движущая сила: 1 [illegible] колеса, 2 турбины силою в [illegible] и локомобиль в 12 сил.

приготовления железа, который обходится неравненно дороже общераспространенного способа получения "литого" металла, и низкие цены сортового железа. Чтобы сделать завод прибыльным, надо было бы его коренным образом перестроить, затратив большие капиталы, вступить в конкуренцию с частными промышленниками и отвоевать место на рынке. В частности для выплавки чугуна из Нижне-исетских руд, на что указывали рабочие, не существует благоприятных естественных условий, так как, прежде всего, в заводской даче не имеется запаса древесного материала, достаточного для доменного производства, почему завод работает на торфе, который для выплавки чугуна почти не пригоден. К тому же нецелесообразно выплавлять здесь чугун, хотя получаемый на других Уральских заводах [illegible] чугун не находит себе достаточного сбыта. Что же касается предложенной заводоуправлением выделки подковных гвоздей, то для этого, помимо значительных затрат, потребовалось бы доставлять в Нижнеисетск стальную проволоку из Златоустовского казенного завода. Но при таком условии выгоднее производить выделку гвоздей в Златоусте. Был сделан опыт приготовления весов и гирь, но он оказался неудачным: из приготовленных изделий около 2/3 не продано. Вот почему, признав не желательным, что завод работает не для нужд армии и флота, а для рынка, конкурируя с частными заводами, было признано необходимым прекращение действий завода в интересах как казначейства, так и частных горнопромышленных предпринимателей. С другой стороны, завод лежит в центре Урала, близ Екатеринбурга и Верх-Исетского частного завода, в районе, где имеются и частные промыслы, и железные рудники, и огромные мельницы и суконные фабрики (найти работу стало труднее лишь на железоделательных заводах), а потому рабочие могли бы достаточно устроиться подобно тому, как в свое время устроились рабочие Елизаветинского завода, лежащего в расстоянии 5—6 верст от Нижне-Исетского, тем более их всего 400 постоянных рабочих. К тому же, хотя горнозаводское Нижнеисетское население в 2.211 душ, и не получило еще в собственность земельных наделов за неокончанием землеустроительных работ, но, тем не менее, в пользовании его состоит уже до 8.900 десятин различных земельных угодий. С закрытием же завода размер земельного надела будет повышен, согласно закону, до 8 десятин на душу, причем населению всего будет предоставлено 26.852 десятины земель, в том числе 2.244 десятины лесного надела, что в местности, где сельское хозяйство ведется довольно успешно, является достаточным обеспечением. Затем предположено, в случае прекращения действий завода, выдавать по 1 октября 1905 г. мукой семейным рабочим — по 1 пуду в месяц каждому, одиноким по ½ пуда и малолетним — по ¼ пуда (всего около 8.000 пудов). Если к этому присоединить еще денежные выдачи, то рабочие без особых затруднений дождутся до изыскания новых заработков.

Вместе с изложенным Совещание признало: действие завода немедленно прекратить; сверх выдачи муки рабочим и их семействам, производить до 1 января 1906 года постоянным и временным рабочим денежные пособия в размере половины среднего заработка каждого за последнее полугодие; возможно скорее покончить с земельным устройством населения завода, с вознаграждением [illegible] ввиду закрытия завода. Эти предположения были утверждены 16 июня 1905 г., а затем и приведены в исполнение.

В январе 1906 года рабочие выступили с новым ходатайством о возобновлении действий завода на средства казны, вплоть до окончательного отвода им земельного надела, а если это окажется невозможным, то об отдаче им завода на определенный срок в аренду для производства работ на товарищеских артельных началах и о денежной субсидии в 30.000 руб., из 4% годовых на первоначальное оборудование дела. Рабочие указывали, что закрытие завода поставило их в безвыходно-тяжелое положение, так как они не могут получать заработка на стороне, вследствие общего застоя и упадка промышленности от аграрных волнений и забастовок; к тому же они ничем не обеспечены, потому что хотя они и числятся крестьянами, но ни земли, ни других подсобных для занятий [illegible]

у них нет и не может быть в скором времени" не по вине рабочих создалось такое положение, что после освобождения их от обязательного труда по Положению 8 марта 1861 года [1]) правительство в течение слишком 40 лет не успело устроить их и наделить землею, хотя бы наравне с бывшими помещичьими людьми. Рабочие могли бы получить заработок в случае отчуждения завода в частную собственность. Но из прилегающей к заводу дачи [illegible] отвод земельного надела бывшим рабочим завода и [illegible] другим селениям бывших горнозаводских людей, а [illegible] устройства [illegible] завода в частные руки не может состояться, так как без лесной дачи и [illegible] его никто не согласится купить завод. Между тем близится голод, когда рабочие „в необходимости могут дойти до [illegible] крайностей". [illegible] на каких условиях желательно было бы возобновить на средства казны действие завода, рабочие [illegible], что если завод будет сдан им в аренду, то они образуют товарищескую артель, по уставу утвержденному правительством, и займутся [illegible] производством сортового, листового и кричного железа, механических и кузнечных изделий. При этом организаторы предположенной артели [illegible] в виду производить [illegible] в следующем размере:

Пудлинговые работы: Поделка пудлов в 26.184 пуд. по 44 руб. с тысячи 1.152 р. 72 коп.; обжиг [illegible] по 5 р. 25 к. с тыс. 163 р. 64 коп.; 4 [illegible] при котлах по 25 р. каждому 100 р.; 12 кочегаров по [illegible] по 30 к. каждому 86 р. 40 коп.; 6 кочегаров [illegible] 4 раза в неделю 7 р. 20 коп.; рабочий для [illegible] 15 р.; 2 каменщика для исправления печей по 24 руб. каждому 48 р.; [illegible] мастер 25 р.; сторож 8 р.; [illegible] мастер 20 р.; надзиратель 20 р.; [illegible] по 1 р. 75 к. с тысячи 49 р. 64 к.; поставка дров по 20 к. с куба 86 р. 40 коп.; отвоз [illegible] 25 руб.

Сортовые и прокатные работы. Прокат железа [illegible] № 1 по [illegible] р. с сотни за 19.200 пуд. 1.344 р.; прокат железа [illegible] № 2 по 5 руб. 56 коп. с сотни за [illegible].366 пуд. 415 р. 50 к.; сортировка дров по 6 руб. 80 коп. с [illegible] за 24 тыс. 163 руб. 20 коп.; подвозка дров к генератору с разгрев. по 40 к. в день 144 руб. 40 к.; подвоз дров [illegible] по 50 к. с [illegible] 42 р. 75 к.; [illegible] по 1 руб. 75 к. с тысячи 42 руб.; общий по цеху ремонт 240 руб.; 2 машиниста у турбин по 25 руб. кажд. 50 р.; 2 кочегара у генератора по 18 р. кажд. 36 р.; 2 [illegible] по 24 руб. каждому 48 руб.; 2 [illegible] 31 руб. 20 коп.; рабочий по очистке [illegible] 15 руб.; рабочий по очистке [illegible] 25 руб.; 2 сторожа по 8 руб. каждому 16 руб.; 2 каменщика по 24 руб. каждому 48 р.; 2 мастеровых (слес. и кузн.) по 20 р. каждому 40 руб.; 1 надзиратель 20 руб.

Представляя заключение свое по поводу этого прошения, министр торговли и промышленности указал, что вопрос о возможности возобновления действий завода на средства казны может быть только отрицательно решен. Значительная убыточность содержания завода, при всяких технических и хозяйственных комбинациях есть факт, установленный опытом долгих лет и экономическим расчетом. Делать новые попытки в этом отношении, значит вводить казну в убытки, во много раз превышающие ту материальную помощь, которую завод может оказать рабочим. Завод отжил свой век и новой жизни вдохнуть в него невозможно: ничтожный масштаб производства и устарелость технических способов не дают ему места среди новых [illegible] учреждений, когда заводы, в виду значительной конкуренции, могут работать с выгодою только при широкой производительности и с применением новейших экономических приемов выработки и [illegible] железа различных видов и сортов. Указывая, что в течение слишком 40 лет правительство не успело их еще наделить землею, рабочие полагают, что не получат таковой еще несколько лет. Но это не совсем верно. Поземельно-устроительным отрядом на Урале выполнена большая часть съемочных работ в [illegible] даче, а [illegible]

[1]) 2-ое Полное собрание законов, № 36719. Положение о горнозаводском населении казенных горных заводов ведомства министерства финансов.

в начале лета 1906 года, съемка будет закончена, так что в половине того же лета проекты наделов могут быть предъявлены населению, которое тогда же и может вступить фактически в распоряжение надельною землею, если само не выставит каких либо препятствий к тому.

Что касается отдачи завода в аренду рабочим на артельных началах, то сказанное выше исключает, казалось бы, возможность безубыточного ведения дела и самими рабочими. Но они полагают, что в их руках завод будет приносить прибыль, так как им удастся путем удешевления материалов и уменьшения накладных расходов понизить цену вырабатываемого железа до возможности успешной конкуренции с изделиями частных заводов. Но при этом они расчитывают на целый ряд льгот, которые обыкновенно арендаторам не предоставляются. Никакого же обеспечения того, что пожертвования казны действительно достигнут цели, рабочие не представляют. Конечно, нельзя вообще отрицать таких случаев, когда предприятие, являясь убыточным в руках казны, при сдаче в аренду частным лицам может оказаться выгодным. Но это объясняется тем, что частная предприимчивость обладает большей гибкостью и приспособляемостью к обстоятельствам, чем казенная организация,—особенно в вопросе сбыта полученных продуктов, являющегося, так сказать, венцом всего промышленного оборота. Какое же в этом отношении преимущество перед казною имеет рабочая артель? Она не только не имеет никакого преимущества, но находится несравненно в худшем положении, ибо, при отсутствии оборотного капитала, она не может оказывать кредита, а без кредита нет торгового сбыта. Передача завода в аренду на слово, без каких бы то ни было гарантий, да еще с казенной субсидией деньгами и материалами—представляется выходом еще худшим, чем возобновление казенного действия. К этому выводу приводят не только теоретические соображения, но и практические указания. На том же Нижне-Исетском заводе около пятнадцати лет тому назад был сделан опыт артельного ведения дела, давший весьма печальные результаты; несколько позже, на Воткинском казенном горном заводе образовавшаяся артель рабочих механического цеха также скоро распалась, не уплатив долгов. Иначе обстояло бы дело, если бы рабочие вошли в компанию с более или менее состоятельным лицом, которое могло бы внести залог, хоть в самых скромных размерах, участвовало бы в общем предприятии своими оборотными средствами и заботилось бы о своевременной продаже приготовляемого металла. Тогда возможно было бы выработать арендные условия, хоть и самые снисходительные, но все таки сколько нибудь для казны приемлемые, при которых оставалась бы надежда на успех дела, и, затем,—ходатайствовать, установленным порядком, о сдаче завода в аренду без торгов. Если такое лицо рабочие могли бы найти, то это служило бы лучшим доказательством того, что это только казна не сумела распорядиться заводом. Имея в виду возможность такого случая, надо предъявить рабочим подробные кондиции на аренду завода, с надлежащими со стороны казны требованиями (с небольшим, однако, залогом, в обеспечение исправного выполнения договора, и без всякой денежной субсидии). Если на эти кондиции рабочие не согласятся, то объявить таковые во всеобщее сведение, для сдачи завода в аренду, с публичных торгов, желающим. В случае, если найдется даже и посторонний арендатор, для рабочих это будет все таки выгоднее, чем полное бездействие завода.

К сожалению, нам не представилось возможным проследить дальнейшую судьбу завода и его рабочих. Дело шло по горному департаменту, в бумагах которого и должны заключаться соответствующие сведения, но в виду эвакуации архива горного департамента в Нижний Новгород—эти дела находятся ныне упакованными и недоступны для пользования.

А. Г. Шевалев.

Материалы для истории стачек в начале 70-х годов 19-го века.

Согласно закону зачинщикам стачек на фабриках угрожал по приговору суда арест при полиции сроком от трех недель до трех месяцев. Но этот закон был фактически отменен циркуляром министерства внутренних дел от 6 июля 1870 г., предписавшим губернаторам в случае стачки на фабрике, "не доводя дела до судебного разбирательства... высылать зачинщиков" в одну из губерний, указанных в списке, особо составленном для данной цели. А циркуляром от 30 сентября 1871 г. эта административная кара была распространена на зачинщиков "всякого рода стачки". В министерстве внутренних дел предвидели, что право высылки рабочих откроет перед местной администрацией простор для превышения власти в пользу хозяев, а потому циркуляром от 15-го декабря 1871 г. было разъяснено, что прекращение работы только тогда называется стачкой, когда оно вызвано желанием добиться повышения заработной платы, и что высылать зачинщиков следует лишь в самых крайних случаях, когда все предварительные меры не имели успеха [1]).

Ни один из упомянутых циркуляров не касался вопроса о сроке, на который зачинщики подлежали ссылке. Поэтому обычно, насколько можно судить по ряду документов, срок в момент наложения кары не указывался — высланные возвращались на свое место по их личным ходатайствам или по просьбе родных с разрешения министра внутренних дел, сносившегося нередко в таких случаях с начальником 3-го отделения. Когда вятский губернатор выслал в 1874 году зачинщиков химической стачки на разные сроки, министр внутренних дел разъяснил, что губернаторы не имеют права устанавливать какие бы то ни было сроки; то же повторилось, когда опять-таки из Вятской губернии главный зачинщик стачки на химических заводах [2]) был выслан [illegible] на один год, — оказалось, что в циркуляре 6 июля 1870 г. не упомянуто о сроке, на который должны быть высылаемы зачинщики. Министр внутренних дел заявил, что "разрешение таких высланных в прежние места жительства не предоставлено губернаторам" и сообщил об этом начальнику 3-го отделения. Одновременно зачинщику стачки на химических заводах министр внутр. дел [illegible] ссылку сроком на один год [3]).

Временно-обязанные крестьяне Холуницкой волости (Вятской губернии) заключили в августе 1870 г. с владельцем Холуницких заводов договор о найме на один год. Обе стороны в точности выполняли свои обязательства. Но в январе 1871 г. завод перешел к новому владельцу, который начал расплачиваться [illegible]

---

1) Юлий Гессен. К истории стачек среди фабричных рабочих в начале семидесятых годов 19-го века (Архив истории труда в России, книга третья).

2) Сведения об обеих упомянутых стачках см. ниже.

3) Архив III отделения, 1874 г., дело № 70 „О стачке рабочих на фабриках и заводах“, стр. 90, 118—119.

гами и продуктами не еженедельно, как было установлено, а по прошествии месяца, благодаря чему рабочие оказались в тяжелом положении. Они жаловались горному исправнику и мировому посреднику, но безрезультатно. В конце же апреля на завод неожиданно прибыли чины полиции и арестовали многих мастеровых.

Таков рассказ одного из пострадавших мастеровых, прослужившего на заводе семнадцать лет, подтвержденный и другими рабочими. Но вятский губернатор в телеграмме министру внутренних дел нарисовал иную картину: тысяча пятьсот мастеровых,—по его словам,—вовлеченные в беспорядки, отказались работать, требуя повышения заработной платы, вследствие чего зачинщики и подстрекатели арестованы; большинство рабочих постоянно в кабаках пьяны, а потому не успокаиваются; в целях восстановления порядка губернатор просил разрешения закрыть на время местные кабаки, а вместе с тем ввести военную команду, "употребить более полезную и благотворную для народа, еще мало развитого, меру наказания розгами". Из телеграфного ответа министра—"примите для усмирения самые энергические законные меры"—нельзя с уверенностью заключить, было ли отвергнуто предложение губернатора прибегнуть к розге. Резолюция Александра II на докладе министра с приложением упомянутых телеграмм—"надеюсь, что принятыми мерами беспорядки не возобновятся"—также не разрешает сомнения, как отнеслись в Петербурге к мере наказания розгами. Как бы ни было, к содействию военной силы не пришлось обратиться. Приостановившаяся работа возобновилась без эксцессов со стороны забастовщиков. Но все же несколько рабочих были высланы в различные губернии: одни на определенные сроки, другие без указания времени. Впрочем, некоторые рабочие вследствие их ходатайств были возвращены по истечении назначенного срока. Один из высланных, находясь в Пудоже (Олонецкой губернии), был даже присужден к тюремному заключению за кражи, но все же ходатайство его матери о возвращении его домой было удовлетворено, так как местный исправник объяснил, что воровство было вызвано невозможностью найти в Пудоже заработок [1]).

В январе 1872 г. крестьяне, занимавшиеся в г. Устюге у купцов расчисткою и сортировкою щетины, прекратили работу впредь до установления определенной заработной платы, причем не расходились, а продолжали жить у своих хозяев. Купцы принимали крестьян в работу по обыкновению "без ряды", т. е. не заключив с ними договора, а лишь пообещав "расчитаться, как другие", иначе говоря, уплатить столько, сколько платили другие купцы. Но это обязательство не было выполнено. Узнав о стачке, уездный исправник стал убеждать крестьян возобновить работы. Но так как купцы (у которых крестьяне забастовали) назначали тогда плату по 1 р. 20 коп. с пуда, между тем как один местный купец платил 1 р. 50 коп., то призыв исправника не был успешен. Зачинщиками стачки полиция считала артельных старост, так называемых "головок", но личности зачинщиков не были обнаружены. Один из купцов, у которых крестьяне забастовали, согласился увеличить плату до 1 р. 55 коп., у него начались работы, прочие же купцы не пошли на уступки.

Вологодский губернатор сознавал, что сами купцы вызвали стачку тем, что не договорились о плате. Но так как циркуляры о стачках свидетельствовали, что правительство требовало строгих мер за малейшие рабочие волнения, то губернатор постарался принять строгий вид, ссылаясь на то, что крестьяне, забрав товар у купцов, вдруг одновременно прекратили работу и что зачинщики не отысканы. Он, не доверяя, очевидно, сообщению местной полиции, предписал губернскому советнику, находившемуся в то время в Устюге, произвести дознание о случившемся, арестовать зачинщиков, установить, "не было ли влияния и подстрекательства посторонних лиц"; вместе с тем, советнику было поручено потребовать от купцов, чтобы впредь они заключали договоры со своими рабочими относительно размера платы. Эти не-

[1]) Архив министерства вн. дел, департамент полиции исполнительной, 1871 г. дело № 450 „О бывшей стачке рабочих Холуницкого завода“.

[illegible] губернатор не [illegible] принять репрессивные меры против крестьян [illegible] губернатору было далее известно о том, как устанавливалась заработ[illegible] [illegible] занятым обработкой щетины. Дознанием было обнаружено следующее:

[illegible] щетинопромышленники, нанимая артели рабочих, не заключали с ними [illegible] обязательных при найме [illegible] определяли заработную плату [illegible] в различном размере [illegible] При таких условиях рабочие [illegible] бы в полной [illegible] если бы между последними [illegible] благодаря чему рабочие могли предъявлять требования и [illegible] их осуществления. [illegible] до конца 1871 г. по 1 р. 50 к. с пуда [illegible] щетины, а с [illegible] 1 р. 20 к.). [illegible] уже по 1 р. 50 к. [illegible] Красильникова [illegible] 1 р. 20 к. [illegible] Красильникова и крестьян [illegible] обеими артелями. Каких-либо "[illegible]" не оказалось [illegible] необходимо было повысить плату [illegible] работ [illegible] до того [illegible] 1 р. 65 к. [illegible] 58 коп. и 1 р. 62 к.).

Из сказанного видно, что крестьян нельзя было обвинить в нарушении [illegible] в целях повышения условленной платы, так как в данном случае [illegible] договора. Тем не менее [illegible] министру внутренних дел [illegible] в соответствии [illegible] начальника [illegible] против [illegible] без всяких дальнейших [illegible] губернатор [illegible] в глазах министерства [illegible] циркуляр 15 [illegible] 1871 г. [illegible] прибегать к [illegible] губернатора [illegible] Министерство [illegible] дальнейшего движения [1]).

---

[1]) Архив министерства вн. дел, департамент полиции исполнительной, 3-е [illegible] 1872 г., дело № 427 „О бывшей в г. Устюге стачке рабочих".

В деле того же архива за 1873 г. № 156/1252 „О стачке рабочих по Ка[illegible] губ." заключается запрос с места, можно ли применить циркуляр 6 июля 1870 г. о [illegible]сылке зачинщиков стачек на фабриках к рабочим по устройству бухты, и ответ [illegible]стра, что можно руководствоваться циркуляром 30 сентября 1871 г. о распростра[illegible] административной кары на зачинщиков всякого рода стачек.

1 декабря 1873 г. рабочие ткацкого отделения самоткацкой и ситценабивной фабрики Третьяковых (в Серпуховском уезде, Московской губернии), в числе до семисот человек, не явились на работу. Забастовка была вызвана как распоряжением о распределении между ними работы по времени, т.-е. о замене постоянных работ сменными, что должно было уменьшить заработки, так и неточностью условий. Послав для расследования происшествия своего чиновника, губернатор Дурново запретил ему какие-либо строгие действия без специального разрешения; чиновник должен был постараться прекратить забастовку кроткими мерами. Фабричная администрация согласилась увеличить размер оплаты труда при указанном новом порядке работ и рабочие возобновили 10 декабря занятия, обязавшись придерживаться установленных условий до страстной недели [6]).

25-го апреля 1874 г. на фабрике купца Шибаева (в Богородском уезде, Московской губернии, при селе Истомине) из числа рабочих 812 человек прекратили занятия. Сдавшись на убеждения исправника, 213 человек возобновили работу, остальные же ткачи, не принимая условий, поставленных фабрикантом, решили идти в Москву с жалобою, но вскоре и они вернулись к работе (за исключением 35 человек, потребовавших расчета), так как хозяин согласился увеличить плату на две копейки за выделку куска миткаля и не взыскивать штрафа за остановку работы, продолжавшуюся три с половиной дня. Вице-губернатор, заменявший губернатора, кратко уведомил о забастовке министра внутренних дел, стараясь представить ее, как незначительный случай. Но начальник губернского жандармского управления генерал-лейтенант Слезкин обратил на эту стачку серьезное внимание. Он сообщил вице-губернатору, что, когда рабочие явились толпою в Богородск с жалобою на притеснение фабриканта, их вернули на фабрику, а затем мировой судья отказался разбирать их претензии; богородский исправник вызвал к себе на квартиру доверенных фабричной администрации, но для удовлетворения просьб рабочих ничего не было сделано, а, между тем, пятьдесят рабочих, высказавших свое неудовольствие более других, администрация уволила, взяв у них письменные обязательства частями уплатить долги фабрике. Далее Слезкин указывал, что претензии рабочих заключаются в следующем. До Святой недели они, согласно условию, получали по 37 коп. за каждый сотканный кусок миткаля в 57 аршин длины; после Пасхи, по установившемуся порядку, условия вновь составляются на срок до 1-го октября, и в виду этого фабричный приказчик объявил, что вместо 37 впредь будет уплачиваться 40 коп., но письменного договора не заключил, дабы — как полагали — дать окрестным фабрикантам время для приискания других рабочих, а затем прежним рабочим, оставшимся свободными, назначить по-старому 37 коп., на что те по крайней нужде должны будут согласиться; с той же целью куски миткаля принимались от рабочих со строгим разбором и увеличивались штрафы, вводившие крестьян в долги фабрике. При первом расчете после Пасхи крестьянам уплатили не по 40 коп., а опять по 37 коп., — фабрикант объяснил, что длина куска уменьшена с 57 до 55 аршин, но рабочие возражали, что миткаль стал ткаться реже, а потому требуется столько же времени, как и прежде. Голод заставлял крестьян продолжать работы. К тому же их тревожило опасение, что по мере погашения ими долга фабрике их будут увольнять. Слезкин потому счел нужным сообщить обо всем этом вице-губернатору, что имеются "злонамеренные лица, стремящиеся возбуждать в среде рабочих на фабриках, при каждом удобном случае, стачки и происходящие затем [illegible], выходящие из ряда, беспорядки", и ввиду этого надо фактически удовлетворять справедливые требования рабочих [7]).

---

[6]) Архив мин. вн. дел, департамент полиции исп., 1873 г., дело № 338/3274 „О стачке рабочих на самотк. и ситценаб. фабрике почетных граждан Третьяковых“.

[7]) Архив министерства внутр. дел., департ. полиции исп., 1874 г., дело № 129 „О стачке рабочих на фабрике купца Шибаева“.

Эта мысль о необходимости идти навстречу материальным нуждам рабочих высказана и в донесениях Слезкина 3-му отделению. Желая сохранить в политических целях спокойствие среди рабочих, жандармские власти—местные и петербургские—были готовы, как, например, в данном случае, стать на сторону рабочих.

Слезкин писал, что богородская полиция ничего не предпринимала для удовлетворения ткачей, вследствие чего они не приступали к работе, а между тем, фабрикант стал отказывать им в продовольствии, дабы принудить их согласиться на старую плату. Это сообщение побудило товарища главного начальника 3-го отделения графа Левашова снестись с министром внутренних дел, указав на бездействие полиции. Левашов разъяснил, что поступок шебалинских рабочих "имеет характер стачки только в том смысле, что совершен ими скопом. Они не буйствовали, а свои претензии на фабричное управление, просили искать защиты у полицейской власти. Несмотря, однако, на мирный характер этой стачки, все подобные явления по [illegible] сами по себе, что требовали бы особенного внимания со стороны местных полицейских органов". Одновременно Слезкину было поручено принять меры к возможно тщательному обследованию этого дела, "ибо, как новый факт в истории "рабочего вопроса", возникающего и у нас, в России, хотя и, вероятно, при других условиях и по другим причинам, чем в Западной Европе"—надо выяснить, родилась ли у ткачей мысль о прекращении работы сама собою и самостоятельно, или [illegible] какими-либо внушениями из среды самих рабочих или посторонних лиц?

К этому времени Слезкин уже успел дать знать 3-му отделению, что никакой стачки не было, беспорядки произошли лишь вследствие неправильных действий фабричной администрации, а затем сообщил, что посторонних подстрекателей не было: если же из числа рабочих и выделились некоторые своими протестами, то, по словам Слезкина, их нельзя назвать подстрекателями к беспорядку, так как неудовольствие в среде рабочих было общее "и каждый из них высказывал претензии по-своему—кто как умел".

Следует, однако, отметить, что 3-е отделение, [illegible] свою защиту, не решалось идти в этом направлении прямолинейно. Оно колебалось, опасаясь, что такого рода действия окажутся обоюдоострыми. В записке по поводу [illegible] рабочих, составленной 5 мая 3-м отделением, [illegible] (П. [illegible]), [illegible] 18 [illegible] государь [illegible] лать поставлен. Но [illegible] вопрос о [illegible] стачечников—рабочих или [illegible] полицейской власти [illegible]—крайне затруднительно. На какую сторону встать? Поддерживать рабочих против фабриканта [illegible] на будущее время [illegible], — также опасно, как и [illegible] мерами к [illegible] условиям, которые [illegible]. Нельзя [illegible] и не была результатом внешних [illegible] "рабочего вопроса", то во всяком случае, рабочие [illegible]. *[illegible]* случай является первым [illegible] той [illegible], которые [illegible] Свидетельство [illegible] в Царстве Польском и которая, будучи [illegible] в Европе, [illegible] Империи" [1]).

И. Сидоров.

---

[1]) Архив III отделения собств. его импер. величества канцелярии, I экспедиция, 1837 г., дело № 70: „О стачке рабочих на фабриках в [illegible]" стр. [illegible]. Курсив мой. И. С.

К характеристике экономического положения рабочего элемента в Иваново-Вознесенске (1871 г.).

В 1871 г. в газете "Русские Ведомости" печаталась серия статей под общим заголовком "Наши фабрики и заводы", являвшаяся, повидимому, результатом командировки редакцией газеты сотрудника Нефедова во Владимирскую губернию для изучения фабричного быта [1]). (Статья о материальном состоянии крестьян в Иваново-Вознесенске обратила на себя внимание III отделения собственной его величества канцелярии [2]), которое запросило по этому поводу местную жандармскую власть.

"В газетах пишут — секретно писал тайный советник Грабовский капитану корпуса жандармов Тимофееву, местопребывание которого был гор. Шуя, — что будто бы экономический быт крестьян села Иванова так плох и бедствен, что многие из них стали продавать приезжим купцам-фабрикантам свои дома и землю за самую ничтожную цену. Продано уже около ста крестьянских усадеб, и бывшие их владельцы остались бесприютными голышами. При введении же в селе Иванове городского положения [3]), когда обложатся земские и иные сборы усадьбы, лавки и [illegible] земли, то продажа домов пойдет быстрее и тогда явятся до трех тысяч пролетариев.

"Немедленно поэтому [illegible] — заканчивал письмо Грабовский — собрать и сообщить III отделению собственной его величества канцелярии [illegible] подробные сведения о [illegible] в селе Иванове, а также о степени правдивости вышеизложенных газетных известий".

На этот запрос жандарм Тимофеев ответил обстоятельным докладом (12 августа 1871 г. № 290), "о положении дел в селе Иванове, а также о степени справедливости газетных известий о [illegible] селе Вознесенском".

"В селе Иванове и прилегающем к нему Вознесенском посаде [illegible]

---

1) Ср.: „Русские Ведомости" 1863—1913 гг. Сборник статей (М. 1913 г.), стр. [illegible]—135.

2) Архив II отделения, III экспедиция, 1871 г., дело № 75, ч. 1 („Донесения по поводу напечатанного в журналах и газетах [illegible]").

3) В то время обсуждался вопрос о преобразовании села Иванова в город.

[illegible] повинностей; к тому же, к сожалению, между ними сильно развито пьянство и вообще безнравственный разгул. Небольшая только часть крестьян села Иванова занимается разного рода ремеслами и мелкою торговлею, а потому живут не нуждаясь. К последним надо отнести также граверов и разного рода приказчиков на фабриках, получающих хорошее вознаграждение. Нельзя не сказать, что вообще Ивановские рабочие в высшей степени подавлены гнетом своих хозяев-фабрикантов, сильно их эксплоатирующих. Низкая заработная плата, при чрезвычайной дороговизне в селе Иванове продовольственных припасов, еще более уменьшается разного рода вычетами и штрафами, которые взыскиваются фабрикантами за разгул и прочее. Но вместе с тем только фабрики и дают, как Ивановским, так и многим пришлым крестьянам, возможность к существованию и в случае, если бы по каким либо причинам производство на фабриках прекратилось, то большая часть Ивановских и Вознесенских жителей, как не приготовленные к другим занятиям, остались бы безо всяких средств к существованию. В последние годы не только на больших, но даже и на менее значительных фабриках введение машин все более и более вытесняет ручной труд и при этом заработная плата заметно уменьшается. А потому крестьяне села Иванова не имеют прежних заработков; между тем, то (минувшее) время приучило их к щегольству и внешнему изяществу, когда денег между здешним народом было много, потому что труд оплачивался высоко, когда в работе фабриканты нуждались и предлагали им самые выгодные цены и давали даже вперед большие задатки. Вот в это-то время и завелись у крестьян села Иванова ныне замечаемые дома с тесовыми крышами, занавески на окнах, цветы и привычки к щегольским городского покроя платьям, вовсе не свидетельствующим о благосостоянии их владельцев. Наружный же вид крестьян села Иванова изнуренный, как употреблением плохой и непитательной пищи, так и несоразмерной силам работой, также как пьянством и развратом, которому предаются даже лица обоих полов с 14-ти и 15-ти летнего возраста. Одну из причин развития в селе Иванове пьянства многие приписывают обилию питейных домов, число которых положительно несоразмерно с действительной потребностью. Кроме того, здоровье рабочих на фабриках сильно страдает в тех отделениях, где производится окраска ситцев и беление их и где рабочие дышат удушливым и, по всей вероятности, не безвредным воздухом от различного рода испаряющихся химических веществ. Таково положение большинства крестьян села Иванова".

В дальнейшем Тимофеев, обращаясь к вопросу о продаже крестьянами села Иванова домов, опровергает соответствующие газетные сообщения ("[illegible]"). Он не [illegible] самого факта перехода домов от одних собственников к другим, но указывает, что покупают дома не фабриканты, а односельчане.

"Действительно, — пишет он, — многие из крестьян села Иванова стали продавать свои дома и усадьбы, но не купцам-фабрикантам, как говорят газетные известия, а преимущественно или своим же односельцам или мещанам и крестьянам [illegible] уездов, которые с давнего времени проживают по квартирам в селе Иванове, занимаясь различными работами на фабриках и [illegible] от [illegible] [illegible] Вознесенскому и Ивановскому обществам. [illegible] купцов-же-фабрикантов [illegible] только очень немногие [illegible] у крестьян усадьбы и то за [illegible] значительную и выгодную [illegible] цену. Кроме того, [illegible] в [illegible] время [illegible] усадебные [illegible] в селе Иванове, в особенности [illegible] [illegible] потому многие из крестьян продают [illegible] и [illegible] затем [illegible] для постройки домов за [illegible] цену и [illegible] [illegible] [illegible] [illegible] и [illegible] [illegible] [illegible] [illegible] [illegible] и безнравственной [illegible] [illegible] [illegible] в селе Иванове [illegible] [illegible] [illegible] [illegible].

[illegible]

весьма односторонни и даже по большей части мало знакомы с обстановкой и условиями жизни обитателей села Иванова и Вознесенского посада. Один из таковых, живущий в Москве и временно бывающий в селе Иванове, купеческий сын Н. Бедов, защитник низшего класса населения, хотя и действительно пользующегося благосостоянием, как рука сильного эксплоатируемого фабрикантами, часто высказывается с предубеждением, неважным фактов и явным нерасположением ко всем фабрикантам, и вообще людям состоятельным".

Конечно, жандарм не компетентный судья в вопросах экономического быта рабочих. Но в то время, к которому относится эта лестная характеристика, жандармы не подходили еще к рабочему вопросу с намеренно извращенной точки зрения. И в частности, третьеотделенский корреспондент ротмистр Тимофеев, вопреки ожиданиям, оказался, по выражению жандармского генерала Н. В. Левашова, "грамотным офицером". Отрицать за этим "грамотным офицером" известную наблюдательность нельзя,—объективно и беспристрастно он изложил то, что видел пред собою.

Р. Кантор.

К стачечному движению на Кавказе в 1903 г.

Стачки, охватившие летом 1903 г. центры юга, начались на Кавказе всеобщей забастовкой в Баку [1].

Баку в то время был одним из крупнейших рабочих центров, являясь средоточием не только нефтяной, но и рыбной промышленности западного побережья Каспийского моря. Местная рабочая масса (до 50.000 чел.) состояла из двух главных элементов: из русских (национальностей, населяющих Россию) и персов, стекавшихся в большом количестве из-за рубежа. Последние представляли собою самую темную и забитую часть бакинского пролетариата. Наибольшее количество рабочих привлекала нефтяная промышленность: даже в годы кризиса их число достигало 30.000 человек. Добыча нефти производилась на четырех площадях: Балаханской, Сабунчинской, Романинской и Биби-Эйбатской (первые три в селениях, в верстах 12-ти от Баку; Биби-Эйбат—прибрежная полоса в верстах 4 от города).

Балаханы являют собою пустынную местность, в которой с половины мая уже все выжжено. Почва пропитана нефтью, воздух насыщен нефтяными газами и копотью труб (благодаря чему у рабочих развивались легочные болезни). В котловине находился ряд нефтяных вышек—четырехгранных деревянных пирамид, стоявших в 3—5 саж. друг от друга. Лишь изредка попадались лавки, магазины, жилые строения, несколько чаще—механические мастерские, необходимые для промыслов. Рабочим, по большей части, приходилось жить в примыкавших к промысловой площади татарских селениях, отчего проистекала чрезвычайная теснота, антисанитарное состояние жилищ и их дороговизна: квартира в одну комнату сдавалась в 1899 г. за 12 рублей в месяц и в ней помещалось 5—6 жильцов. Почва в Сабунчах и Балаханах была загрязнена, как нигде. Вода была порою совершенно негодной для питья. Бань для рабочих на промыслах почти не было. Некоторые нефтепромышленники возводили жилища для своих рабочих на землях, свободных от эксплоатации. Но и эти жилища были в крайне неудовлетворительном состоянии. Кроме того, многие рабочие были лишены праздничного отдыха, чем нарушался закон о 36-часовом отдыхе не менее трех раз в месяц. В 1901 г. в нефтяной промышленности наступил кризис, повлекший за собою прекращение или уменьшение работ на многих промыслах. Это, конечно, отозвалось крайне тяжело на положении рабочего населения: рабочие массами были расчитаны (около 5½ тысяч) и высланы из города; заработки остальных значительно сократились.

Положение рабочих на рыбных промыслах было не лучше. Хозяева, пользуясь тем, что туда попадал наиболее приниженный, в большинстве неграмотный элемент, усиленно эксплоатировали рабочих. К тому же заработок был неустойчив: он зависел от результатов улова. Судовые служащие тоже находились в тяжелом положении: хотя условия их труда были несколько лучше других, но они могли быть

[1] Архив б. департамента полиции, Особый Отдел, № 4, часть 50, лит. А.—1398 г. „О волнениях и стачках среди рабочих. По Бакинской губернии. Беспорядки рабочих в г. Баку“. —„Искра“, 1903 г., №№ 45. 47,—„Революционная Россия“, 1903 г., №№ 29. 3

уволены в любой момент без уплаты договорной неустойки. Служащие конно-жел. дороги до апреля 1903 г. работали с 5 час. утра до 11 вечера, имея всего полчаса на обед. Последовавшая частная забастовка привела к сокращению рабочего дня. Но вскоре служащие узнали, что правление тайно подыскивает новый комплект кондукторов, чтобы перейти к старой системе.

Таким образом, различные слои бакинского пролетариата были так или иначе недовольны своим положением.

Ко времени всеобщей стачки в нефтяной промышленности наметился небольшой поворот к лучшему. Цены на нефть повысились, добыча нефти также поднялась за последние два месяца. К тому же хороший урожай на юге уменьшил обычный приток рабочих в Баку из внутренних губерний, вследствие чего поденная плата чернорабочих несколько возросла: с 70—80 до 90 коп. Но рабочие в мастерских, на механических заводах и на промыслах оставались при низких заработках, установившихся в годы кризиса.

Забастовка началась 1-го июля на двух фирмах Биби-Эйбатского промыслового района: прекратили работу механические мастеровые. К ним стали присоединяться рабочие других фирм; забастовала также часть рабочих железнодорожного депо. Требования рабочих сводились к следующему: 1) заставить старших обращаться более достойным образом с младшими и удалить тех из числа первых, которые угнетают подчиненных; 2) улучшить санитарные условия жилищ, что столь необходимо при крайне грязной работе на промыслах в копоти от кочегарок; 3) отпускать для питья холодную воду и устроить бани; 4) сверхурочную работу давать с согласия рабочих, а не по требованию администрации; 5) уничтожить подрядные работы, при которых, во-первых, за счет рабочих наживаются подрядчики; а во-вторых, последние делаются бесконтрольными хозяевами над рабочими; 6) в случае увечья рабочего удовлетворять его полным жалованьем, и 7) увеличить заработную плату.

Рабочие железнодорожных мастерских пред'явили следующие требования: 1) увеличить заработную плату всем до 1½ рубля и выше; 2) отменить сдельную плату; 3) платить за дни болезни, как за рабочие дни; 4) вернуть товарищей, уволенных за уличные манифестации 2 марта и 27 апреля; 5) уволить старших конторщиков и слесаря, и 6) принять меры к благоустройству депо.

Иные фирмы обещали удовлетворить некоторым образом требования рабочих, но большинство рабочих не было удовлетворено.

4-го июля забастовка принимает характер всеобщей; она распространилась на весь так называемый Черный город; число бастующих на промыслах Биби-Эйбата все увеличивалось, заволновались и Балаханы. Вечером железнодорожные мастеровые не хотели пустить пассажирский поезд,—с большим трудом удалось его отправить с помощью войск; но товарные поезда стали. В следующие дни забастовали конно-жел. дорога, служащие, даже дворники и городовые. Остановился выпуск газет. Рабочие группами ходили по фабрикам и заводам и везде прекращали работу. К забастовке присоединилась и команда прибывших наливных шкун. Прекратился всякий привоз и вывоз товаров. Электр. станция тоже перестала работать, прервалось телефонное сообщение между городом и Балаханами. Остановился было опреснитель—единственный в городе поставщик пресной воды, но рабочие, в виду того, что от этого страдает, главным образом, бедное население, пустили его в ход.

На рабочих сходках выступали ораторы революционных партий, подчеркивавшие необходимость политической борьбы. Появились прокламации. 6-го июля сходка (3.000 чел.) в трех верстах от города была разогнана казаками. Самое многолюдное собрание состоялось 7-го: 12—15,000 чел. Но оно происходило неорганизованно: никто не мог ни выразить общего настроения, ни формулировать требования, что, конечно, должно было отразиться на настроении рабочих.

Нефтепромышленники обсуждали создавшееся положение, грозившее им громадными убытками. Отдельные хозяева вступали в переговоры со своими рабочими. Но рабочие отказывались от частных соглашений, комиссия же из представителей

крупнейших фирм признала себя некомпетентной заключать какие бы то ни было общие соглашения.

Между тем, в город прибывали войска. Рабочих начинали насильно заставлять работать: конно-железнодорожное и товарное движение было восстановлено с помощью военной силы. Министерство путей сообщения потребовало ни в чем не уступать рабочим, пока они не станут на работу. Вследствие всего этого, среди рабочих стала замечаться склонность к прекращению стачки: с 9-го июля они постепенно становились на работу, да и те, которые продолжали бастовать, делали это часто под влиянием других рабочих.

10-го июля комиссия нефтепромышленников с советом их с'езда рассмотрела список требований, выработанных на рабочих сходках, представленный через депутацию. Требования состояли из 30 пунктов и касались улучшения быта и условий жизни рабочих как в духовном, так и в материальном отношении, до увеличения заработной платы и введения 8-часового рабочего дня включительно. После долгих дебатов было решено ни в какие переговоры с рабочими не входить, так как форма требований незаконна и неправильна. Было постановлено вывесить об'явление к рабочим о том, что рабочие, которые не явятся на работу к 6 час. утра 14-го июля, будут считаться уволенными: нужды рабочих, возобновивших работы в указанный срок, будут рассмотрены и, по возможности, удовлетворены. Управляющие некоторых фирм, недовольные подобным постановлением, собрались отдельно и вырабатывали компромиссы, но хозяева об'явили их решения недействительными.

14-го (а местами и раньше) началась работа. Но с того же числа некоторые рабочие стали, в виде мщения за неудачу, поджигать промыслы. В течение нескольких дней сгорело около 100 нефтяных вышек.

Таким образом, в общем стачка была проиграна. Единственным ее реальным результатом можно считать циркуляр товарищества бр. Нобель следующего содержания:

"В течение почти четвертьвекового существования товарищества бр. Нобель, оно принимало зависящие от него меры к возможному улучшению условий службы и быта рабочих. Правление товарищества с уверенностью в своей правоте, может сказать, что как в установлении окладов платы рабочим, так и в устройстве домашнего их быта оно шло всегда впереди других нефтепромышленных фирм. Помимо принятия общих мер, товарищество всегда охотно отзывалось на просьбы и ходатайства отдельных рабочих, удовлетворяя их в пределах возможности. В настоящее время, несмотря на то, что для пред'явления своих нужд рабочие избрали путь, несогласный с законом и не оправдываемый отношением к ним администрации товарищества, ходатайства их рассмотреть и о результатах этого рассмотрения сим об'является рабочим.

"1) Число праздников будет сокращено до нормы, утвержденной правительством; точное расписание всех праздничных дней в году будет вывешено для сведения рабочих. 2) Перед праздничными днями работы будут кончаться часом ранее. 3) Жалованье будет выдаваться во время производства работ. 4) При командировочных работах будут выдаваться суточные деньги в зависимости от места командирования и окладов содержания. 5) В заводских и промысловых мастерских будут, в течение предстоящей зимы, устроены помещения, в которых рабочие будут иметь шкафы для хранения платья, кубы для горячей воды, умывальники для мытья рук и столы и скамьи для обеда рабочих, остающихся во время обеденного перерыва в мастерских. В тех же помещениях рано прибывшие рабочие могут ожидать начала работ. 6) Устанавливается постоянный комплект чернорабочих, которым будут выданы расчетные книжки. 7) Ученики заводских и промысловых мастерских будут зачислены в разряд рабочих: оклады же их заработной платы будут и впредь назначаться в зависимости от их способностей. 8) Закон о страховании рабочих и о способе вознаграждения их во время болезни и при увечьях уже утвержден правительством. На распубликование этого закона ожидается утверждение уже выработанных с'ездом нефтепромышленников уставов касс—больничной и страхо-

вания рабочих, после чего кассы будут немедленно введены в действие. 9) Что же касается до ходатайства рабочих об увеличении штата раз'ездных докторов и акушерок, о перевозке больных в рессорных экипажах, об учреждении библиотек-читален, народных домов, почтово-телеграфных контор с отделениями сберегательной кассы при них и об увеличении числа школ, то удовлетворение таких ходатайств как общих для всех нефтепромышленников, будет произведено с известной постепенностью. Товарищество, с своей стороны, обещает содействовать, чтобы означенные ходатайства были советом с'езда удовлетворены.

"Дабы дать возможность рабочим законным путем заявлять о своих нуждах и ходатайствах, товарищество испросило разрешения применить в своих заводах, мастерских и промыслах высочайше утвержденный 10-го июля сего года закон об учреждении старост для рабочих. Для выбора старост, все рабочие будут разделены на разряды и каждый разряд выберет из своей среды старосту, который явится посредником между рабочими своего разряда и местным управлением товарищества по всем вопросам, касающимся условий найма и быта рабочих. Выборы старост по правилам, утвержденным г. бакинским губернатором, будут произведены с 25-го августа по 25-е сентября, а с 1-го октября старосты вступят в исполнение своих обязанностей. Правила о старостах, по их отпечатании, будут вывешены для сведения рабочих" [1]).

В Тифлисе [2]) уже с конца апреля замечалось напряженное состояние рабочей массы. Происходили мелкие стачки: то в отдельных цехах железнодорожных мастерских, то в небольших ремесленных мастерских и др. В последние дни июня проявилось брожение среди каменщиков и плотников, работавших преимущественно на частных постройках. Они были недовольны продолжительностью рабочего времени (с 4—5 часов утра до 8—9 час. вечера), низкой заработной платой (мастер—около 2 руб., подмастерье—1 р. 20 к.—1 р. 50 к., чернорабочий—60—70 к. в день), допущением на работы пришлых, преимущественно персидско-подданных рабочих, конкурировавших с местными рабочими. С целью вызвать общую забастовку, недовольные рабочие, группами в 30—60 чел., ходили по постройкам и заставляли прекращать работы. 24 человека из недовольных были арестованы.

30-го июня возле ремесленной управы собралась большая толпа плотников, требовавшая от старшины раз'яснить им, какая продолжительность рабочего времени обязательна по закону и какая установлена плата за их труд. После долгой шумной стоянки, толпа разошлась, когда прибывший пом. полицеймейстера раз'яснил, что для выяснения интересующих вопросов рабочие не должны собираться толпой, а могут уполномочить для этого кого-нибудь из своей среды.

2-го июля из Тифлиса должна была быть отправлена в Восточную Сибирь партия политических арестантов. Рабочие решили устроить ссылаемым сочувственную манифестацию. К моменту отхода поезда на станции собралась толпа рабочих в несколько тысяч человек [3]). Рабочие пытались силою остановить поезд. Раздались выстрелы жандармов, на это рабочие ответили камнями. В результате были ранены машинист, сцепщик поездов и несколько рабочих, из которых один умер. Были произведены аресты. Все это, конечно, не могло послужить к успокоению и без того возбужденных рабочих.

Кроме продолжавших бастовать каменщиков и плотников, заявили свои требования приказчики так назыв. Караван-Сарая —возвышавшегося в центре города огромного здания, вмещавшего в себе более 200 магазинов галантерейных товаров

---

[1]) „Искра", № 47.

[2]) Архив б. деп. полиции, Особый Отдел. № 4 ч. 31 л. Б.— 1898 г.: „О волнениях и стачках среди рабочих. По Тифлисской губерн. Беспорядки в июле месяце 1903 г." „Искра", №№ 45, 47.—„Революционная Россия" №№ 29, 30.

[3]) В действительности, в этом поезде политических не было: власти, узнав о намерении рабочих, распорядились отправить их раньше.

2,000 приказчиков. С раннего утра до поздней ночи (иногда с 6 час. утра до 11 час. ночи) приказчики работали в магазинах. 4-го июля, ровно в 8 час. вечера, приказчики в числе 400 человек потребовали от хозяев немедленного закрытия магазинов, и с того дня магазины начали закрываться в 8 часов: власти признали требования приказчиков справедливыми.

Забастовавшие строительные рабочие добились сокращения рабочего дня до 10 часов.

Тем временем пришла весть о бакинской забастовке. 12-го июля забастовали наборщики некоторых типографий, мясники и частью хлебопеки и возчики-ломовики. Всеобщая забастовка была об'явлена на 14-е. В этот день стали все заводы, железнодорожные мастерские и конно-железная дорога. Но через 2—3 дня забастовавшие начали приступать к работе, а 21-го она окончательно прекратилась.

Во все время забастовки происходили столкновения рабочих с казаками и полицией. Наиболее кровавая стычка произошла 15-го на ст. Михайлово, которая, наряду с другими близлежащими от Тифлиса станциями (Квирилы, Боржом и др.), была охвачена забастовкой. Во время демонстрации стачечники остановили шедший поезд и отцепили паровоз. Прибывшая военная команда дала залп: было убито около 10 человек, ранено—около 18.

Тифлисская забастовка реальных результатов почти никаких не дала.

16-го июля началась стачка в Батуме [1]). Бастовали все рабочие вплоть до подметальщиков улиц, извозчиков и т. п. Закрылись все магазины, конторы, мастерские. 17-го июля благополучно состоялась сходка рабочих в 6.000 чел. Но на следующий день сходка у электрической станции была рассеяна прибывшими войсками, причем один был убит, двое ранены. Через два дня все приступили к работе.

Бастовало на Кавказе: в Баку—около 45.000, в Тифлисе—15,000, Батуме и Поти—10.000, на линии Закавказской жел. дор.—5,000, в Чиатурском горном округе—20,000. Всего—около 100,000 рабочих.

И. Бендер.

---

[1]) Цитирован. архив. дело. „Искра", № 46; „Р.Р.", № 30.

Заметки архивистов.

Резчик печатей Мейер Айзенштат и Николай I.—Рабочие из беглых крестьян и беспаспортных.—Труд ссыльных в Сибири.

Резчик печатей Мейер Айзенштат и Николай I [1]).

На императорской Петергофской гранильной фабрике производились резные работы на камне, но они нуждались в усовершенствовании; резные же работы по металлу не могли начаться за отсутствием соответствующего мастера; правда, двое младших мастеров стали обучаться резке по металлу, но у них не было руководителя. Поэтому металлические печати, необходимые и для императорской бумажной фабрики, приходилось заказывать на стороне. Директор обоих фабрик Казин, значительно содействовавший их развитию, искал такого мастера, который будучи резчиком печатей и на камне, и на металлах, не только изготовлял бы печати для фабрик, но также обучил бы резному искусству упомянутых двух мастеровых. И вот, Казин нашел нужного ему резчика. То был могилевский мещанин Мейер Айзенштат, по словам Казина, "первый в столице по резному искусству на камне и металлах". Айзенштат предложил следующие условие: 1200 р. жалованья и 300 руб. квартирных в год при казенном отоплении и освещении, а главное—освобождение от работы в дни еврейских праздников. Заключая договор с фабрикой на два года, и Айзенштат, как видно, зная себе цену, предоставил фабрике уволить его до срока, если он окажется ей ненужным; он и за собою сохранил право ухода до срока, если работа окажется для него непосильной. Казин на все это согласился и по его представлению министр двора зачислил Айзенштата на службу (март 1836 года). Айзенштат, как еврей, не мог проживать в Петергофе без специального разрешения подлежащих властей, но Казин, при посредстве петербургского генерал-губернатора, выхлопотал у министра внутренних дел дозволение Айзенштату жить в Петергофе на срок договора.

Прошли условленные два года. Айзенштат оправдал возлагавшиеся на него надежды (на ряду с другими служащими он получил денежное вознаграждение в 1837 г.). Указывая на то, что Айзенштат "весьма нужен заведению, сколько для собственных его занятий в резном искусстве, так и для усовершенствования в нем двух обучаемых им казенных мастеровых", Казин обратился в департамент уделов за разрешением возобновить с Айзенштатом договор на прежних условиях, при чем он просил департамент исхлопотать для Айзенштата право жить в Петергофе. Казин, вероятно, потому воздержался на этот раз от самостоятельных шагов, что

---

[1]) Архив уделов. По Петергофской гранильной фабрике. Дела: 1836 г. № 176 1837 г. № 224; 1838 г. № 256 и 262.

в ту пору правительство, сообразуясь с личным желанием Николая, решительно выступило против водворения евреев вне "черты оседлости"; между прочим и дворцовое управление предписало петергофским обывателям "не только не держать, но даже и временно в дома и в квартиры не принимать" евреев без разрешения высшего начальства.

Департамент уделов всецело принял предложение Казина. Министр двора кн. Волконский также выразил согласие на возобновление договора с Айзенштатом: была даже заготовлена бумага на имя министра внутр. дел о дозволении Айзенштату жить в Петергофе. Но кн. Волконский не осмелился разрешить вопрос о резчике Айзенштате без ведома самого царя. Засвидетельствовав во всеподданнейшем докладе, что занимаясь единственно своим искусством, Айзенштат вел себя весьма хорошо и, будучи первым в столице резчиком, приносит фабрике существенную пользу, кн. Волконский спрашивал, можно ли его оставить в Петергофе на дальнейшее время для прежних занятий на фабрике.

Николай не положил письменной резолюции, но самому кн. Волконскому пришлось написать на докладе после прочтения его Николаем следующие строки: "Высочайшего соизволения не последовало и повелено отпустить Айзенштата и впредь не определять (на службу) из евреев".

Таким-то образом гранильная и бумажная фабрики лишились работника, труд которого был несомненно ценен, как это можно заключить, в частности, из того, что при увольнении Айзенштата у него были приобретены гранильной фабрикой 1200 отпечатков на сургуче разного рода слепков, "не только служащих моделями, но и облегчающих составление гербов" и др. подобных предметов, а также коллекция стальных пунсонов русских, французских и немецких литер, орденов и медалей, "полезных для учеников, сделавших под надзором Айзенштата большие успехи в короткое время".

Г.

Рабочие из беглых крестьян и беспаспортных.

Воспользовавшись пугачевским движением, многие крестьяне бежали со своих мест, чтобы избавиться от крепостной зависимости: на ряду с ними бежали также городские жители, потерявшие в смутное время средства к существованию. В конце 70-х годов в Петербургской губернии оказалось много таких беглецов, не имевших узаконенных видов. Между тем, предстояла перепись населения [1]). Готовясь к ней, городничий гор. Софии (присоединенного в 1806 г. к Царскому Селу) выяснил число находившихся в городе пришлецов и сообщил об этом по начальству. В результате последовал нижеследующий (не занесенный в полное собрание законов и, как кажется, нигде не напечатанный) [2]) секретный указ Екатерины II сенату от 1 августа 1780 года:

"Переписанных города Софии городничим Премиер-маиором Токаревым людей в окольностях того города, сколько им найдено по той переписи по первое число сего августа, повелеваем записать в рабочие люди помянутого города, и для соблюдения их в порядке, дабы они и свое собственное пропитание иметь могли и обществу на пользу служили, распорядить об них следующим образом.

---

[1]) Архив сената, 1780 г., дело № 129 „О переписи рабочих людей в С.-Петербургской губернии".

[2]) Ср.: Семевский. Крестьяне в царствование Екатерины II (СПБ. 1881 г., т. I, стр. 344.

Первое: всех сих рабочих людей разделить на десятки и к каждому десятку выбрать десятника, к пятидесяти пятидесятника, а кто всем одного выборного, опоручить их кругом, а буде из них по десяткам или и порознь будут в состоянии поставить порук и не из между себя, а из посторонних людей, мещан или крестьян здешних или других ближних городов и селений, людей надежных, то и сих поручительств принять в том, что они постоянно на месте настоящего своего пребывания останутся и без дозволения городничего не отлучатся.

Второе: дозволить их нанимать как в казенную, так и частную работу по добровольному условию с ними подрядчиков, или, кто казенное строение производит, или же хозяев; но дабы и тут прекратить всякое неустройство и предупредить злоупотребление и своевольство, надлежит иметь маклера, который, ведая о месте пребывания сих рабочих людей, мог бы всякому ищущему людей для найма в работу, их найти и, с дозволения городничего, сделать договор между ищущим рабочих людей и рабочими людьми, по взаимному их добровольному условию.

Третие: дозволяется городничему здешнему таковых рабочих людей с свидетельством своим отпускать в ближние места для снискания себе работы, назначая в свидетельстве срок возвращения или явки, для возобновления такового свидетельства.

Четвертое: на попечении его лежать будет устроение для них жилищ в городе или предместии оного, о чем он свое мнение Правлению Губернскому и должен будет представить, а между тем могут они по переписи, разделении их и по взятии поручительств оставаться в прежних их жилищах, где они по первое августа найдены.

Пятое: в числе обязательств поручительства должно непременно быть включено, чтоб всяк, кто явиться мог бы к ним для принятия в число рабочих людей, был ими представлен в городе городничему или в уезде исправнику, которые в дозволении принять, или же в запрещении того, должны поступать по законам.

Шестое: между тем, и в других городах здешней губернии единовременно, но без всякой огласки, сделать городничим, в уезде исправникам, таковые же переписи, кои и долженствуют быть окончаны по 15-е сего августа, и по то число переписных распорядить на таком же основании.

Седьмое: если бы из переписных пожелал возвратиться в свое прежнее жилище или место, а помещики и селения не отреклися принять их, в таковом случае не препятствовать им исполнить свое добровольное желание.

Осьмое: всех сих записываемых в рабочие люди по городам, разумея которые найдены в здешних окрестностях по первое августа, а в прочих местах по начало переписи в настоящих своих жилищах, зачесть при рекрутском наборе, на основании общих о том указов, за города или селения дворцовые, экономические и тому подобные, в казенном ведомстве состоящие, також и за помещичьи, откуда они вышли; а впредь наблюдать, чтоб кто без точного отпуска и свидетельства от кого надлежит придет из других городов, казенных и помещичьих селений, или откуда бы то ни было, таковые не были бы отнюдь терпимы и тот час, яко беглые, в суд куда следует отданы были; чего наикрепчайше смотреть комендантам, городничим и исправникам, не меньше под жестоким показанием подтвердить о равном исполнении и донесении о таковых и всем сельским выборным.

Девятое: сей указ хотя и надлежит представить в копии Нашему Сенату, для сведения, но в прочем содержать его в секрете и копии из оного доставить комендантам, городничим и исправникам для исполнения оного, без всякой публикации".

Таким образом, указом 4 августа 1780 года учреждался как бы особый цех с.-петербургских рабочих, с маклерами и выборными во главе, членами которого состояли только беглые или беспаспортные, зарегистрированные администрацией, как таковые, в промежуток времени с 1-го по 15-е августа 1780 г.

Местные власти произвели перепись рабочих людей по всей Петербургской губернии и доставили губернскому правлению, для представления в сенат, списки рабочих людей с разделением их на военно-служащих, купцов, мещан, дворцовых,

государственных и черносошных, а также владельческих крестьян и дворовых людей. каковые данные приводятся в нижеследующей таблице:

	Военно-служащ.	Купцов и мещан.	Разно-чинцев.	Крестьян государ. дворц. и экономич.	Крестьян помещичьих и двор. люд
Петербург	30	21	11	98	209
„ уезд		—	2	7	16
Шлиссельбург	7	4	11	64	147
„ уезд	10	10	13	92	308
София	67	13	4	44	203
„ уезд	83	9	16	97	179
Ораниенбаум [1])	41	12	4	62	284
Нарва [2])	-	—	2	16	2
Итого	238	69	63	480	1.348

Одновременно были сообщены некоторые сведения о жизни означенных рабочих.

Петербургские рабочие были разделены на десятки, а некоторые из них "за надежными поруками" работали в городе порознь. Петербургский земский исправник доложил, что в уезде почти все рабочие "упражняются с давних времен в рыболовном промысле". В Шлиссельбурге некоторые рабочие кормились разною "черною" работою, но большинство местных рабочих. "как им всем по тамошнему малому городу питаться нечем". находилось в разных местах по близости города и около Ладожского канала. в разных промыслах, например. на Ладожском озере и Неве у рыбной ловли, по лесам у рубки дров. Все рабочие об'явили. что они беглые и беспаспортные и желают жить в Шлиссельбурге, если только будут причислены к мещанству и им будет "оказана помощь на заведение домов". по бедности их. Большая часть ораниенбаумских рабочих жила в Петергофе, занимаясь казенными работами. на которые они были наняты подрядчиками. В Ямбурге рабочие жили "своими домами. а некоторые у свойственников их".

Ко времени представления в сенат списков оказалось. что из числа записавшихся в рабочие часть была возвращена владельцам. иные бежали, другие же умерли. так что к 19 февраля 1781 года из общего количества внесенных в списки 2.370 человек. включая сюда и 169 женщин. выбыло 260 мужчин и 14 женщин: бежавших и умерших было 36 человек.

Так как все записавшиеся к указанному сроку в рабочие люди подлежали зачету при рекрутском наборе, то сенат 19 марта 1781 г. предоставил губернскому правлению выдавать соответствующие билеты их бывшим помещикам и соответствующим поверенным казенных имений с тем. чтобы эта льгота распространялась только на тех. кто к указанному сроку уже записался в рабочие люди. а отнюдь не на тех. кто пожелал бы после того записаться. так как дальнейшая такая запись запрещена.

Сообщил **Н. Мурзанов.**

---

[1]) В Ямбурге явилось к записке 12 рабочих, звание которых неизвестно.

[2]) В Нарве, сверх указанных, были зарегистрированы шесть человек „непомнящих отчества".

Труд ссыльных в Сибири.

Извлечено из определения 1-го департамента сената 8 мая 1801 г., № 1643.

Иркутское губернское правление донесло в 1801 г. сенату, что все казенные работы в его ведомстве—как, например, устройство дорог, постройка каменных тюремного замка и казарм, и проч., производятся ссыльными, число коих, однако, далеко недостаточно. По приговорам судебных мест в работы присылалось ссыльных малое число, назначение же на работы людей, присылаемых на поселение, по силе указа 31 июля 1799 г., противоречит этому повелению, да и указами 9 ноября 1797 и 31 августа 1799 г.г., предписано было ссыльных в городах нигде не держать, а препровождать по месту назначения. На иркутских казенных винокуренных заводах и соляном промысле работы и рубка дров производятся "присылаемыми за преступления в работы и на поселение ссыльными людьми", в числе: на винокуренных заводах 496 человек (в Александровском—302, Николаевском—111, Илгимском—83) и на соляном промысле—127. Кроме того, ссыльные работали на частных соляных промыслах: Селингинском (80 чел.) и Ускутском—в последнем случае по требованию казенной палаты, хотя о последнем промысле никакого "положения" не было. Наконец, по особым высочайшим указам отправлялись для проведения вокруг Байкал моря новой дороги по 200 человек, да для Алдамской дороги единовременно было отправлено 200, и в Охотск на солеваренный промысел—25.

Сенат решил отправку ссыльных на казенные работы производить таким образом, чтобы "на те из оных, особливо на винокуренные заводы и соляные промыслы, как не терпящие никакой остановки, отделяемы были ссыльные, в случае недостатка их, от таковых работ, кои терпят время, доколе представится возможность укомплектовать оными все вообще предназначенные работы".

Сообщил **Н. Мурзанов**.

Редактор: Юл. Гессен.

Содержание «Архива истории труда в России».

Книга первая.

Книга вторая.

Книга третья.

Книга четвертая.

УЧЕНАЯ КОМИССИЯ ПО ИССЛЕДОВАНИЮ ИСТОРИИ ТРУДА В РОССИИ.

Председатель: С. Ф. Платонов.

Заместитель председателя: Юл. Гессен.

Члены: И. М. Кулишер, З. И. Любинский, А. Е. Пресняков, А. С. Путилов, Е. В. Тарле, Г. В. Цыперович.

Сотрудники „Архива истории труда в России":

Л. М. Айзенберг, А. И. Андреев, П. Аргунов, И. Бендер, В. В. Бирюкович, Ал. Блек, А. Большаков, П. Г. Васенко, Андрей Введенский, Влад. Юл. Гессен, Юлий Гессен, В. Г. Дружинин, Р. М. Кантор, Я. Канторович, Д. Каргин В. В. Колпенский, Елена Коц, И. М. Кулишер, Г. Ф. Лапо, З. Матковская, Ю. Михайлова, М. Мурзанова, Н. А. Мурзанов, В. И. Невский, К. Пажитнов, С. Ф. Платонов, Нат. Платонова, Нина Платонова, А. Е. Пресняков, А. Пруссак, А. С. Путилов, С. В. Рождественский, Н. А. Рожков, Б. А. Романов, П. Садиков, В. В. Святловский, П. Столпянский, Е. В. Тарле, С. Тхоржевский, С. В. Фарфоровский, М. Цвибак, Т. Шатилова, А. В. Шебалов, А. Шебунин.

АДРЕС УЧЕНОЙ КОМИССИИ:

Петроград, здание Главного управления архивным делом, вход с площади (против памятника Петра I), под'езд б. Сената.

Часы приема: по понед., вторн., четв., и пятниц. от 12 до 1 ч.

Петроград, Р. Ц. № 2349, 5000 экз.

Типография Культ-Отдела Петрогубпрофсовета, Красная, 24.

Журнал «Архив истории труда в России» продается во всех книжных магазинах.

Склад издания: Культурно-просветительный отдел Петроградского совета профессиональных союзов.

Петроград, Бульвар Профессиональных Союзов, Дворец Труда.

Петроград. Р. Ц. № 2349. Тираж 5.000.

Типография Культ.-Просв. Отдела Петроградского Совета Професс. Союзов.